

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIIK 222

ВЫПУСК

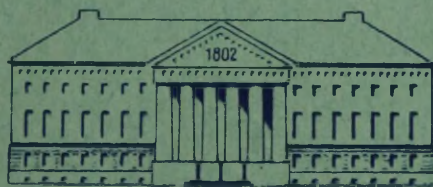
ОСНОВАНЫ в 1893 г

KRIMINOLOOGIA-ALASEID TÖID
ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

I

ALAEALISTE ÕIGUSERIKKUMISTEST JA NENDE
ÄRAHOIDMISE ABINÕUDEST

О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННО-
ЛЕТНИХ И МЕРАХ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

TARTU 1968

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTAUD 1893. a. VIHİK 222 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

KRIMINOLOOGIA-ALASEID TÖID ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

I

ALAEALISTE ÕIGUSERIKKUMISTEST JA NENDE
ÄRAHOIDMISE ABINÕUDEST
О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННО-
ЛЕТНИХ И МЕРАХ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

26. ja 27. märtsil 1966 oli Tartu Riiklikus Ülikoolis teaduslik-praktiline konverents teemal «Alaealiste õiguserikkumistest ja nende ärahoidmise abinõudest». Konverentsi organiseerisid ja viisid läbi Tartu Riikliku Ülikooli kriminoloogia laboratoorium, Eesti NSV Prokuratuur, Tartu Linna TSN TK ja Tartu Rajooni TSN TK. Käesolevas kogumikus avaldatakse konverentsi materjalid.

26 и 27 марта 1966 г. Тартуском гос. университете проходила научно-практическая конференция на тему «О правонарушениях несовершеннолетних и мерах их предупреждения». Конференция была организована и проведена криминологической лабораторией Тартуского гос. университета, Прокуратурой Эстонской ССР, ИК СДТ гор. Тарту и ИК СДТ Тартуского района. В предлагаемом сборнике публикуются материалы упомянутой конференции.

КРИТИКА НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЙ БУРЖУАЗНОЙ КРИМИНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ПРИЧИН ПРЕСТУП- НОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Э. Мельникова

Кандидат юридических наук
Всесоюзный институт по изучению причин и разработке
мер предупреждения преступности

1. За последние два десятилетия преступность несовершеннолетних стала в капиталистическом мире одной из самых острых проблем. Об этом, прежде всего, красноречиво свидетельствуют цифры, характеризующие движение и структуру этой преступности.

Для большинства капиталистических стран рост преступности несовершеннолетних наблюдается по данным как полицейской, так и судебной статистики. В США, например, статистика ФБР, касающаяся арестов несовершеннолетних, показывает в 1963 году, по сравнению с 1940 годом, рост в 17 раз. По данным уголовной статистики Англии и Уэльса наблюдается рост числа несовершеннолетних до 17 лет, осужденных за преступления, преследуемые по обвинительному акту, на 162,5% (мальчики) и на 312,7% (девочки).

Очень высока доля несовершеннолетних в общей преступности (в 1962 г. в Англии и Уэльсе она составила 20,7%, в США — 14,3%).

Наблюдается и опережающий, по сравнению с общим рецидивом, рост рецидива среди несовершеннолетних (во Франции в 1962 г. он составил по сравнению с 1957 г. 259,2% — среди осужденных несовершеннолетних и 147,4% — в общем числе осужденных).

Характерным является и возникновение так называемых новых форм преступности несовершеннолетних: совершение преступлений большими по числу участников группами несо-

вершеннолетних, развитие вандализма, совершение преступлений на почве алкоголизма, наркомании, рост рецидива.

Именно быстрый рост молодежной преступности и появление новых, более опасных ее форм заставляют многих государственных деятелей и ученых-криминологов капиталистических стран, занимающихся проблемой борьбы с преступностью молодежи, искать более действенные средства борьбы с этой преступностью. Так, в 1961 г. в США, где наблюдается наибольший рост преступности молодежи, был создан при президенте специальный комитет по преступности молодежи и подростков. Комитет разработал национальную программу борьбы с этой преступностью. Знаменательным в этом отношении является доклад специальной комиссии лейбористской партии Великобритании, в котором предлагались различные меры предупреждения преступлений и, в особенности, преступлений несовершеннолетних. В частности, предлагалось повышение возраста уголовной ответственности, изменение юрисдикции судов по делам несовершеннолетних, создание специальных семейных судов с широкой юрисдикцией, установление контроля за воспитательными школами, улучшение медико-психологической службы и т. д. Указанные предложения явно выходят за рамки традиционных для многих капиталистических стран уголовно-правовых мер борьбы с преступностью несовершеннолетних. Кстати, подобная же тенденция наблюдается и в упомянутом докладе комитета при президенте США.

Не случайно и то, что за последние два десятилетия вопрос о преступности несовершеннолетних включается в повестки дня почти всех основных конгрессов ООН и ЮНЕСКО, Интерпола, а также международных ассоциаций социологов, криминологов, психологов, психиатров, не говоря уже о конгрессах, целиком посвященных этой проблеме (например, семи конгрессах международной ассоциации магистратов по делам несовершеннолетних).

2. Во всех этих случаях все более настойчиво пробивает себе дорогу и вопрос о причинах преступности несовершеннолетних в капиталистическом обществе. Буржуазным криминологам по разным причинам и, соответственно, в разном объеме приходится решать эту проблему. Прежде всего, требование ответить на вопрос о причинах преступности несовершеннолетних ставится самим фактом катастрофического ее роста и появления все более и более опасных ее форм.

Есть и другие, более «частные» обстоятельства, толкающие буржуазную криминологию на изучение причин молодежной преступности, и так называемого «антисоциального поведения» молодых людей. Это — заказы отдельных фирм

корпораций и т. д. Такого рода частные заказы вообще чрезвычайно характерны для буржуазной криминологии и социологии в целом, и они способствуют ее распылению, раздроблению на отдельные мелкие отрасли.¹

Ясно одно: буржуазная криминология не может обойти вопрос о причинах преступности несовершеннолетних. Другое дело, что она рассматривает в качестве причин этой преступности и какими методами пользуется в своих исследованиях.

3. Говоря о преступности несовершеннолетних в капиталистическом обществе, нельзя забывать об одном немаловажном в этой связи обстоятельстве: о понятии преступного и не-преступного с позиции буржуазного общества и, соответственно, буржуазной криминологии. Эта проблема имеет два аспекта. Прежде всего, классовое представление о преступном и не-преступном. В этом смысле многое, что в настоящее время в буржуазном государстве рассматривается как преступность молодежи, таковой по сути дела не является. Известно, что именно молодежь, причем не только входящая в коммунистические союзы молодежи, широко поддерживает движение сторонников мира, борьбу против вооруженной интервенции США во Вьетнаме и т. д. Известно, что подобные демонстрации протеста сопровождаются столкновениями с полицией, арестами молодежи, регистрируемыми, кстати, полицейской статистикой. Именно против приписывания молодежи ответственности за такого рода «преступления» активно выступает сейчас коммунистическая печать Запада.

Другой аспект проблемы — это так называемая неадаптированность молодежи. Проблема «неадаптированности» получила сейчас самое широкое распространение в американских и западноевропейских криминологических исследованиях. Неадаптированность — психическая или социальная — с позиции буржуазной криминологии означает непригодность индивида к жизни в данном обществе, что, якобы, выражается в различного рода отклонениях в поведении. Характерно, что к неадаптированным относят как правонарушителей, так и не-правонарушителей, которых объединяют общим понятием делинквентов. К ним не во всех случаях применяются меры уголовного наказания, но они могут предстать перед судом для несовершеннолетних и в отношении их могут быть назначены принудительные меры воспитательного характера, весьма сходные с наказанием.

¹ См. об данному вопросу Г. В. О с и п о в, Современная буржуазная социология, М., 1964; М. Ш. Ба х и т о в, Вопросы социального моделирования и американский структурный функционализм, в сб.: «Современный капитализм и буржуазная социология», М., 1965, стр. 4.

Расплывчатость понятия делинквента ведет к тому, что в орбиту деятельности судов по делам несовершеннолетних и, соответственно, применения воспитательных мер может попасть любой подросток — правонарушитель.

Увлечение понятиями неадаптированности, делинквентности в буржуазной криминологии оказывает и свое влияние на пути и методы исследования причин детской преступности. Для буржуазной криминологии чрезвычайно характерно пресловутое «лечение» неадаптированной личности, где исследование причин преступности (равно как и разработка мер ее предупреждения) сводится к поискам психологических особенностей личности молодого преступника и установлению с ним различного рода психологических контактов (в этом, в частности, состоит содержание распространенного в США метода case-work).

4. Советская криминология считает основной причиной преступности в буржуазном государстве антагонистические противоречия современного капиталистического общества. Именно социальный строй капиталистического общества с неизбежностью рождает преступность.

Данное положение полностью применимо к причинам преступности несовершеннолетних. Так, нищета и безработица, как следствие экономических противоречий капиталистического общества — являются реальными причинами преступности среди несовершеннолетних. По сообщению Национального комитета по вопросам преступности США 60—70% юношей-негров в возрасте от 16 лет до 21 года, живущих в трущобах, нигде не учатся и не работают.² Более того, если принять во внимание неокрепшую психику подростков, отсутствие у них жизненного опыта, то социальные контрасты капиталистического общества поражают сильнее всего именно молодежь. Такие факторы, как безработица, отсутствие возможности продолжать учебу, вообще — отсутствие жизненной перспективы, — легче всего формируют антиобщественную установку именно у подростков. Об этом вынуждены говорить и сами буржуазные криминологи. Так, известный американский социолог Уильям Кварацеус (эксперт ЮНЕСКО по проблеме юношеской неадаптированности) в своей книге «Преступность несовершеннолетних - проблема нового мира» приводит пример с ребенком, который знает, что не может получить высшее образование. «Может быть он этого не хочет, — пишет У. Кварацеус, — но он не может выносить чувство

² Ф. С. Махов, Преступность несовершеннолетних в США и Англии. М., 1964.

и знание того, что это невозможно, если бы он захотел это сделать»³

Любопытно то, что многие буржуазные социологические исследования ставят целью выяснить именно это обстоятельство: оценку самой молодежью ее жизненной перспективы. Результаты оказываются далеко не утешительными.

Так, французский социолог Эмиль Копферманн провел специальный опрос молодых людей, называемых во Франции *blousons noirs*. Один из главных вопросов, который был им задан, — почему они ведут праздный образ жизни, совершают правонарушения. Многие ответили, что на этот путь их толкнуло отсутствие жизненной перспективы, невозможность получить высшее образование, профессию.⁴ Подобное же исследование было проведено в Англии П. Баркером и А. Литлом, которые изучали психологию группы подростков, носящих в Англии название «рокерс». И здесь частым был ответ об отсутствии перспективы на будущее.⁵

Рост преступности среди молодежи является также отражением типичного для современного буржуазного общества кризиса индивидуалистического сознания. Это ведет, с одной стороны, к обезличиванию человека в буржуазном обществе, превращению их лишь в детали работающей машины. С другой же стороны, кризис буржуазного индивидуализма проявляется в деморализации личности, вырабатывает в ней нигилизм по отношению к созданным самой же буржуазией законным рамкам поведения.⁶ Иными словами — эгоизм, своекорыстные интересы, примат личного перед общественным — все это создает в капиталистическом обществе благоприятную почву для развития у представителей молодежи антиобщественной установки. Формированию ее способствуют и характерные для буржуазного государства юридические фикции равных для всех прав и возможностей, с одной стороны, и различного рода проповеди так называемой «материализации» успеха — с другой. В современном буржуазном обществе благополучие, радость жизни, счастье — все оценивается в денежном выражении. Именно эта тенденция жизни капитали-

³ W. C. Kvaraceus. *La délinquance juvénile problème du monde moderne* UNESCO. Paris, 1964, p. 48.

⁴ E. Copfermann. *La génération des blousons noirs. Problèmes de la jeunesse française*. Paris, éd. Maspero, 1962.

⁵ Paul Barker with Alan Little. *The Margate Offenders* (New Society 30 July 1964.).

⁶ Подробно см.: Ю. А. Замошкин, *Кризис буржуазного индивидуализма и личность (социологический анализ некоторых тенденций в общественной психологии США)*. М., 1966.

стического общества питает и различные формы так называемого «коммерческого» досуга, пагубно влияющего, прежде всего, на молодежь. Вместе с тем, стремление к богатству, «освобожденное» от нравственных правил, создает и безразличие к выбору средств для его достижения.

Такова социально-экономическая основа, на которой в буржуазном обществе развивается преступность молодежи и подростков.

5. Для буржуазной криминологии в целом характерно игнорирование коренных социальных факторов преступности. Это явление имеет место и в изучении преступности несовершеннолетних.

Такое положение неслучайно. Поскольку сам капиталистический строй несет в своих недрах социальные корни преступности, ликвидация причин преступности и правонарушений, в том числе и несовершеннолетних, невозможна без коренных изменений самой сущности общественных отношений, складывающихся в капиталистическом обществе. В этом последнем, очевидно, не заинтересованы правящие круги буржуазного государства и это, отчасти, находит свое выражение и в буржуазных криминологических теориях причин преступности. Таково, например, био-психологическое направление в буржуазной криминологии, стремящееся изолировать в своих исследованиях личность от общества, поставить личность вне социальных конфликтов.

Однако такое положение объясняется и методологической несостоятельностью данных исследований, ведущей к неправильному выбору и оценке факторов преступности. Пресловутая буржуазная теория факторов преступности исходит именно из оценки криминогенности изолированных, причем случайных, произвольно выбираемых факторов. В то же время, такие социальные факторы, как характер общественных отношений, классовая структура общества, государственное устройство и все вытекающие из него социальные институты игнорируются.

Эти обстоятельства следует учитывать при оценке основных направлений буржуазной криминологии в изучении причин преступности несовершеннолетних.

6. В современной буржуазной криминологии условно можно выделить два основных направления: био-психологическое (или психологическое) и социологическое.

Исходным тезисом био-психологических и психологических концепций причин преступности несовершеннолетних является понятие «больной» либо психически неадаптированной личности, вступающей именно по этой причине в конфликт с окружаю-

щей ее средой. Психическая неадаптированность рассматривается либо как наследуемая от родителей, либо развивающаяся самостоятельно, вследствие определенных отклонений в психике субъекта. Влияние среды на формирование неадаптированности, в основном, относится к эмоциональной сфере внутрисемейных отношений.

Следует, однако, иметь в виду, что в чистом виде био-психологические концепции причин преступности, в том числе и несовершеннолетних, встречаются все реже и реже. Факторы социальные, которые не могут уже больше игнорировать буржуазные криминологи, все больше проникают в традиционные схемы био-психологических и психоаналитических исследований.

7. Наибольшее распространение био-психологические концепции причин преступности получили в США. Это объясняется рядом факторов. Прежде всего — специфическими чертами американской философии и социологии. Как известно, в США наиболее распространены такие направления в философии, как неопозитивизм, экзистенциализм, прагматизм, феноменология, концепции которых содержат немало возможностей своего рода теоретического «обоснования» отрыва личности от окружающей его среды.

8. Представители био-психологического направления объяснения причин преступности несовершеннолетних в современной буржуазной криминологии — это психиатры и психологи американцы Шелдон и Элеонора Глюк, англичанин Т. Гиббнс, француз Люсьен Бове, канадец Денис Сабо и др.

Ш. и Э. Глюк ведут исследования несовершеннолетних делинквентов на протяжении нескольких десятилетий. Они собрали данные о 500 несовершеннолетних делинквентах и о 500 подростках, не совершавших делинквентных действий. Далее, репрезентативная группа (делинквенты) сравнивалась с контрольной (неделинквенты) попарно по нескольким аспектам антропологического, психологического и психиатрического характера. Основные аспекты: пол, возраст, этническая группа, так называемый коэффициент интеллекта (Intelligence Quotient), местожительство.⁷

В репрезентативную группу включались только так называемые «упорные» делинквенты, т. е. подростки, на которых уже имелось досье о привлечении их к судебной ответственности; подростки, дважды и более помещавшиеся в исправительные школы. Представители контрольной группы могли проявлять лишь факты случайного антисоциального поведения.

⁷ Gluek S. and A., Unraveling Juvenile Delinquency. The Commonwealth Fund, 1950, p. 27—40.

Как сообщают авторы, их исследования показали очень раннее проявление антисоциального поведения у делинквентов (в возрасте до 8 лет). Однако само по себе понятие такого рода поведения свидетельствует о том чрезвычайно широком представлении о делинквентном поведении, о котором уже упоминалось выше. В частности, Ш. и Э. Глюк говорят о таких формах антисоциального поведения, как прогулы в школе, вспышки гнева, непослушание, копание в отбросах и т. д. Наряду с этим, случайным признается такое поведение неделинквентов, как курение в раннем возрасте, проникновение в кино без билета и т. д. Очевидно, что здесь явно стирается грань между делинквентом и неделинквентом.

Главный же недостаток всего проведенного Ш. и Э. Глюк исследования состоит в изоляции индивида от воздействия крупных социальных факторов,⁸ оценка лишь био-психологических и психических особенностей организмов и характеров сравниваемых пар подростков.

Английский психиатр и психолог Т. Гиббенс не отвергает влияния на рост и характер молодежной преступности ряда социальных факторов (например, семейного окружения). Однако основой его концепции причин преступности несовершеннолетних является психически неадаптированная личность. Гиббенс пытается найти связь между этиологией преступности и происхождением других, неделинквентных форм неадаптированности и перенести, таким образом, характеристику правонарушителя на любого подростка, в поведении которого наблюдаются отклонения от нормы. И предлагаемая им система предупреждения правонарушений несовершеннолетних также имеет ярко выраженную психологическую окраску и пронизана одной общей тенденцией: лечение больного человека.⁹

В целом в вопросе о происхождении детской преступности Т. Гиббенс стоит на позициях неопрецидизма, утверждая, что преступность — это социальный аспект невроза, возникающий во внутреннем комплексе человека и разрешающийся путем совершения преступных действий. Именно такая точка зрения была высказана Т. Гиббенсом на Лондонском конгрессе психиатров в 1964 г.

9. В исследованиях так называемого социологического направления в буржуазной криминологии различаются три глав-

⁸ Фактически социологическим фактором в исследовании Ш. и Э. Глюк было лишь местожительство подростков (обязательно район с признаками социально-экономической депрессии).

⁹ Подробно см.: M. et H. Veillard—Cybylski. Les jeunes délinquants dans le monde. Neuchâtel, Suisse, 1963, p. 64—65.

ных объекта: изучение микросреды правонарушителя (семья, ближайшее школьное окружение, соседи по дому, сослуживцы); б) изучение так называемых «кварталов нищеты»; в) исследование факторов, которым придается наиболее общее значение и действие которых исследователи распространяют на все человечество. К этим факторам относятся: экономический прогресс, индустриализация, урбанизация.

10. Исследование микросреды чрезвычайно характерно для буржуазной криминологии. Следует различать этот вид изучения микросреды и исследование окружения подростков, которое является составной частью любого комплексного исследования, проводимого советскими криминологами. В первом случае каждый элемент микросреды (например, отношение родителей и детей) рассматривается буржуазными криминологами в качестве самостоятельных криминогенных факторов, являющихся причиной правонарушений и преступлений несовершеннолетних. Напротив, проводимые советскими криминологами исследования семейного, школьного окружения подростка, влияния на него трудового коллектива имеют цель выяснения связи этих факторов с более общими, определяющими (такими как характер общественных отношений и т. д.) и разработки на основе такого изучения предупредительных мер в масштабе государства.

Вопросы изучения микросреды молодого правонарушителя получили отражение, главным образом, в работах представителей так называемой «континентальной» криминологии, возглавляемой сейчас французскими криминологами.

Французский криминолог Жан Шазаль, известный своими книгами «Изучение криминологии молодежи», «Делинквентное детство», «Молодежь, приводящая в замешательство», изучая неадаптированность современной молодежи, специально рассматривает семейную и «социальную» структуру, окружающую молодого правонарушителя.

В вопросе о роли семейной ситуации, способствующей появлению неадаптированной личности, точка зрения Ж. Шазалья близка к позиции уже упомянутого био-психологического направления в современной буржуазной криминологии. Он также придерживается мнения, что основной причиной детской неадаптированности является отсутствие в семье любви и доверия.¹⁰

Вместе с тем, в его оценке структуры современной буржуазной семьи намечается и ряд чисто социологических фак-

¹⁰ J. Chazal. Déconcertante jeunesse. Presses universitaire de France, Paris, 1962.

торов: влияние занятости родителей, вопросы учета миграции населения из сельской местности в город и т. д.

Пожалуй, наиболее систематические и широкие исследования микросреды проводятся группой французских криминологов в Центре надзираемого воспитания (г. Вокрессон), возглавляемой директором центра проф. Анри Мишаром.

Центром в Вокрессоне проведен ряд исследований, касающихся, главным образом, вопросов так называемого влияния экономического прогресса на преступность молодежи. Предварительным, по словам самих авторов, было исследование 500 молодых правонарушителей, где основное внимание уделялось микросреде.¹¹

Исследование имело три стороны: социологическую, психологическую и био-медицинскую. Изучаемых сведений очень много, все они чрезвычайно детализированы. Обращает на себя внимание четкость и точность статистического анализа, включающего исследование по выбору репрезентативной и контрольной групп, подсчет показателей, особенно, в плане их динамики в зависимости от большого числа влияющих факторов.

Представление о степени детализации исследования дает хотя бы одна часть социологической анкеты, относящаяся к изучению области семейных отношений. Она включает 35 пунктов. В той же анкете есть соответствующие по объему разделы, касающиеся школьного окружения, соседей по дому, сослуживцев и т. д. Кроме того, как уже отмечалось, есть анкеты био-медицинская и психологическая.

Содержание соответствующих разделов анкет говорит о том, что французскими криминологами изучается обширный материал. Если учесть хорошо поставленную и разработанную базу статистического анализа, в их руках должны оказаться вполне доброкачественные данные о влиянии экономических и социальных факторов на формирование антиобщественного поведения подростка. Однако, когда мы обращаемся к оценке французскими исследователями их собственных результатов изучения микросреды молодого правонарушителя, мы обнаруживаем чрезвычайную осторожность и половинчатость суждений. Обобщения же вообще отсутствуют. Именно в выводах мы наблюдаем уже отмеченное выше стремление перенести центр тяжести в область психологическую, а иногда — и в био-медицинскую. Например, влияние алкоголизма родителей оценивается следующим образом: делается вывод о распространении этого влияния по вертикальной линии (от отцов к

¹¹ 500 jeunes délinquants. Résultats d'une pré-enquête sur les facteurs de la délinquance juvénile. Vaucresson, 1963.

детям) и по горизонтальной (родители и дети — каждые между собой); наиболее неблагоприятным признается алкоголизм матери. Этим, собственно говоря, и заканчивается оценка этого криминогенного фактора. Не делается никаких обобщений или анализа влияния на алкоголизм социальных факторов.

Сказанное свидетельствует о том, что исследования микросреды молодого правонарушителя, при всех их детализованности и разнообразии, не ставят цели объяснения преступности молодежи действительно социальными факторами.

11. Второй, чрезвычайно распространенной среди буржуазных криминологов областью исследования, связанной с выяснением причин преступности несовершеннолетних, является изучение так называемых «кварталов нищеты» (slums laudis). Это — трущобы крупных городов, кварталов, населенные иммигрантами, неграми, места, где ютятся безработные и т. д. Изучением преступности в «кварталах нищеты» занимались представители «чикагской школы» — К. Шоу и Х. Мак-Кей, а также Е. Саттэрленд, Л. Е. Оулин и др.

Указанные исследования в широком масштабе проводят в США. Последнее не случайно. Статистика преступности США показывает преимущественный рост преступности несовершеннолетних именно в этих кварталах. Недаром требование «оздоровления» трущоб вошло в ряд национальных программ по предупреждению преступности в США (например, в программу, представленную комитетом по предупреждению преступности несовершеннолетних и молодежи, при президенте США; в программу Скаддера и Бима). В последней программе прямо сказано, что если США не вложат сейчас соответствующие суммы в дело «оздоровления» трущоб, им в ближайшем будущем придется заплатить вдвое дороже.¹² Таким образом, своего рода «государственный» аспект этой проблемы, наметившийся в последние годы, представляет собой неизбежное следствие катастрофического роста молодежной преступности в основных капиталистических странах, особенно, в США.

Что же касается так называемого «теоретического» ее аспекта, то он требует особого рассмотрения.

Надо сказать, что, изучая указанные «кварталы нищеты» и в ряде случаев будучи вынужденными констатировать тяжелые условия жизни подростков из этих кварталов, многие буржуазные криминологи, тем не менее, делают из своих исследований выводы, носящие ярко выраженный классовый характер. Вместо того, чтобы оценить нищету и бесправие

¹² The twenty billion Dollar Challenge. A National Program for Delinquency Prevention, by Kenyon J. Scudder and Kenneth S. Beam. New York, 1961.

как социальные причины преступности в буржуазном обществе, они объявляют «кварталы нищеты» криминогенными зонами, в которых, якобы, дети дышат «воздухом преступления», видят одни только примеры отрицательного поведения.

Так, уже упомянутый выше Уильям Кварацеус, противопоставляя здоровой личности в кварталах нищеты и, соответственно, благоприятные — в кварталах, где живут обеспеченные слои населения, — пытается объяснить совершение правонарушений первой группой подростков какими-то «моральными нормами» трущоб, якобы требующими от этих подростков именно антиобщественного поведения. У. Кварацеус выдвигает концепцию, что если у ребенка из среднего класса агрессивный характер, он использует его для достижения целей, указанных родителями. Ребенок же из бедной семьи свою агрессивность выражает с помощью кулаков, используя тем самым привычную в его среде норму поведения.¹³

В подобной оценке «криминогенного» характера окружающей подростка из трущоб среды затушевывается главное: тяжелые материальные условия, социальное неравенство, а подчас — и прямая дискриминация, толкающие несовершеннолетнего на преступный путь.

Наиболее последовательную позицию, с точки зрения правильной оценки влияния на преступность «кварталов нищеты», занимают швейцарские криминологи Морис и Елена Вейяр-Цибульские. Они признают криминогенным целый комплекс факторов, называемых ими экзогенными или социологическими. К этим факторам, они относят, в числе прочих, бедность, безработицу, плохое жилище, недостаточность социальной и медико-социальной службы в стране, анархичную урбанизацию и т. д.¹⁴

Говоря о «криминогенных зонах» как о выдвигаемой буржуазными криминологами причине преступности молодежи, нельзя забывать еще одно обстоятельство. В настоящее время буржуазные криминологи все чаще высказывают мысль о том, что так называемые «средние» классы поражены в не меньшей степени преступностью молодежи, чем «кварталы нищеты», «лачуги». При этом приводится немало примеров действительно разлагающего влияния на детей роскоши, легкомысленного образа жизни богатых родителей, отсутствия у детей обязанностей перед семьей и обществом и т. д.¹⁵

¹³ W. C. Kvaraceus. Op. cit., p. 47.

¹⁴ M. et H. Veillard-Cybulski. Les jeunes délinquants dans le monde. Neuchâtel, Suisse, 1963, p. 58, 61—64.

¹⁵ Renyon J. Scudder and Kenneth S. Beam. Op. cit., p. 30, 31.

12. Третье по счету, но не по значению и распространённости в буржуазной криминологии, направление, объясняющее происхождение преступности несовершеннолетних явлениями экономического прогресса.

В данном исследовании обычно изучаются следующие факторы: индустриализация, урбанизация, миграция населения.

Вопрос о проведении такого рода исследований — не новый. Ещё в 1942 году «чикагская школа» криминологов проводила изучение явления распространённости детской преступности в Чикаго в зависимости от изменения национального состава города в связи с миграцией. Учитывался и индустриальный рост города. Подобные же исследования проводились в разное время в различных странах (Е. Сатэрлендом в США — в 1955 г., Карлом Кристиансеном в Дании — в 1961—1962 гг.¹⁶ и др.).

Значительная часть исследований на эту тему касалась объяснения преступности, в том числе и несовершеннолетних, своего рода «издержками» технического прогресса. В этом случае речь обычно идет о проблеме преступности в странах, идущих по пути быстрого экономического развития, т. е. в развивающихся странах Африки и Юго-Восточной Азии.

Так, Международной организацией исследований вопросов социальных последствий технического прогресса ЮНЕСКО был подготовлен специальный доклад 1-му Женевскому конгрессу ООН по предупреждению преступности (1955 г.), в котором речь шла о так называемых превентивных мерах в отношении преступности, «сопровождающей экономический прогресс в слаборазвитых странах».¹⁷ В указанном докладе, носящем название «Проблемы социальной дезорганизации в связи с индустриализацией и урбанизацией в странах с быстро развивающейся экономикой», рассматривается специфика индустриализации и урбанизации в этих странах, причем оба этих экономических фактора в конечном счете объявляются причинами социальной дезорганизации и, соответственно, делинквентности и преступности несовершеннолетних.

Подобного рода исследования, применительно к развиваю-

¹⁶ Karl O. Christiansen. Industrialisation and Urbanisation in relation of Crime and Delinquency. International Review of Criminal Policy. ONU. 1960, № 16.

¹⁷ Revista Internacional de la Politica Criminal. 1956, № 9.

щимся странам, были также проведены американскими социологами Маршалом Б. Клинардом¹⁸ и Херманом Дж. Вентером.¹⁹

В основу большинства исследований рассматриваемой проблемы авторами кладется чрезвычайно распространенная в современной американской криминологии теория так называемой «социальной дезорганизации». Понятию «социальная дезорганизация» (аномия) с точки зрения причин, ее вызывающих, придается в буржуазной криминологии разное значение. Это, прежде всего, конфликт между пресловутой социальной структурой (системой взглядов, представлений, образа жизни определенной социальной группы) и личностью.²⁰ Это и «социальная дезорганизация», являющаяся, якобы, последствием технического прогресса. Этот последний аспект проблемы в настоящее время изучается чрезвычайно широко. Так, в рамках Европейского центра научных исследований в области социальных наук Экономического и социального Совета ООН разрабатывается тема «Преступность несовершеннолетних и экономическое развитие современной Европы».²¹

Что касается такого рода исследований, относящихся к развивающимся странам, то здесь, прежде всего, нельзя забывать политическую оценку как исследований, так и их результатов. В большинстве работ, посвященных данной проблеме, звучит явное предостережение против быстрого экономического развития указанных стран со ссылками на те «издержки» в виде молодежной преступности, которые, якобы, неизбежно сопровождают этот процесс. Очевидно, что такого рода высказывания ни в коей мере не способствует росту экономики молодых развивающихся государств.

Рассмотрим теоретические предпосылки и результаты некоторых исследований показателей экономического прогресса, с одной стороны, и преступности несовершеннолетних, — с другой, проведенных представителями континентальной буржуазной криминологии. Речь идет о французских и бельгийских криминологах.

¹⁸ Marshal B. Clinard. The organisation of urban community development services in prevention of crime and juvenile delinquency, with particular reference to less developed countries, International Review of Criminal Policy. ONU. 1962, № 19.

¹⁹ Herman J. Venter. Urbanisation and industrialisation as criminogenic factors in the Republic of South Africa, International Review of Criminal Policy. ONU. 1962, № 20.

²⁰ Данного понятия социальной дезорганизации придерживается, например, американский социолог Роберт Мертон.

²¹ См. В. Кудрявцев и Э. Мельникова. Преступность несовершеннолетних и экономическое состояние современной Европы. Международный коллоквиум криминологов в Варшаве («Советское государство и право», № 3, 1965).

Во Франции, в упомянутом выше Центре надзираемого воспитания, было проведено два исследования: 1) изучение 500 молодых правонарушителей; 2) изучение групповой преступности несовершеннолетних.²² Оба исследования проводились по указанной выше тройной схеме (анкеты социологическая, психологическая, био-медицинская).

Во втором исследовании, кроме микросреды, изучались более крупные экономические и социальные факторы: индустриализация, урбанизация, миграция. При изучении влияния урбанизации сопоставлялись данные о преступности несовершеннолетних и молодежи в классических индустриальных городах и быстро растущих индустриальных районах. Сравнивались также сведения о численности городского населения и размерах преступных групп молодежи.

В целом французские криминологи приходят к следующим выводам из указанного исследования: преступность несовершеннолетних тем выше, чем больше значимость самого города; индустриальное развитие усиливает рост молодежной преступности; на преступность несовершеннолетних влияет миграция в города; групповая преступность тем более развита, чем больше численность городского населения.

Менее детальным было исследование той же проблемы, проведенное в 1963 г. центром криминологических исследований в Брюсселе. Исследовалось влияние на движение преступности строительства крупных индустриальных комплексов в районах, ранее бывших сельскохозяйственными. В целом бельгийские криминологи приходят к тем же выводам, что и французские: экономическое развитие имеет неизбежным следствием бурный рост преступности среди молодежи.²³

Следует иметь в виду, что основным доказательством зависимости роста преступности от явлений экономического процесса как французские, так и бельгийские криминологи считают именно параллельный рост количественных показателей (например, количественные показатели миграции и количественные показатели преступных проявлений). Они не пытаются включить в число изучаемых факторы, регулирующие экономическое развитие (планирование, научное предвидение экономических и социальных изменений и т. д.). В этом и состоит слабость их теоретической позиции. Факти-

²² La délinquance des jeunes en groupe. Enquete et recherches.

²³ Стенограмма заседаний 1-го международного коллоквиума криминологов по проблеме «Преступность несовершеннолетних и экономическое состояние современной Европы» (Compte render de la réunion du groupe de travail. Varsovie, 27 an 30 octobre 1964.).

чески прямая причинная связь между экономическим прогрессом и преступностью несовершеннолетних устанавливается ими априорно.

Советская криминология в оценке влияния на преступность экономического развития стоит на качественно иных позициях, усматривая зависимость не между преступностью и экономическим прогрессом, а между преступностью и некоторыми факторами, которые могут возникнуть в результате анархического развития экономики. Как известно, именно последнее явление чрезвычайно характерно для буржуазного общества. Опыт промышленного развития СССР служит ярким подтверждением того, что в условиях социализма, в результате планирования, в целом стране как производства, так и развития городов, индустриализация становится для населения положительным общественным фактором.

Иное положение складывается в капиталистическом государстве. В нем, в связи с невозможностью планирования производства и, соответственно, регулирования процессов роста городов, движения населения, — создаются неблагоприятные изменения в социальных условиях жизни населения. Именно это, а отнюдь не самый экономический прогресс, может создать условия, способствующие росту преступности среди молодежи. И именно с этих позиций следует оценивать результаты многочисленных исследований буржуазных криминологов о влиянии экономического прогресса на преступность молодежи и подростков.

Не следует проходить мимо известных различий, существующих в динамике и структуре преступности несовершеннолетних в городах и сельской местности. Но для правильной научной их оценки требуется разработка специальной методики, опирающейся на прочную социально-экономическую основу, учитывающей объективные законы экономического развития данного общества и основные тенденции в развитии социальных условий жизни людей в связи с действием этих законов.

ALAEALISTE KURITEGELIKEST GRUPEERINGUTEST

K. Kimmel

Eesti NSV prokuröri asetäitja, III klassi riigiõigusnõunik

1. Hiljuti uuris vabariigi prokuratuur alaealiste kuritegelike grupeeringute olemust ja nende tekkimise põhjusi. Uurimisele võeti alaealsed kurjategijad, kes kandsid karistust kinnipidamiskohtades või viibisid vastavates eriõppeasutustes ohtlike kuritegude eest. Selgus, et neist panid kuriteo toime:

- a) grupis – 79,10/0,
- b) grupis ja ka üksi – 10,00/0.
- c) üksi – 10,90/0.

Seega peaaegu 90/0 uuritavaist pani kuriteo toime grupis.

Uurimine näitas, et alaealiste kuritegevust iseloomustab mitte ainult gruppides sooritatud kuritegude suur erikaal, vaid ka nende eriline ühiskonnaohtlikkus ning grupeeringutest osavõtjate psüühikas toimunud kõrvalekaldumiste sügavus. Näib, et mida sügavamalt on kõrvalekaldumised alaealise psüühikas juurdunud, seda aktiivsemalt otsib ta sidet omataolistega.

2. Väliselt sarnanevad alaealiste kuritegelikud grupid tavaliste, kriminaalseaduses loetletud kuritegelike gruppidega. Kuid täiesti ekslik oleks neid ainult väliste tunnuste põhjal mehhaaniliselt samastada, kuna nende vahel on rida olulisi sisulisi erinevusi. Alaealiste kuritegelikel grupeeringutel on selliseid spetsiifilisi iseärasusi, mis on omased üksnes neile.

Üks iseärasusi on see, et alaealiste kuritegelikus grupeeringus võivad olla lapsealised, kes ei ole kriminaalõiguslikult veel kuriteo subjektiks. Sellise grupeeringu poolt toimepandud ühiskonnaohtlikud teod ei moodusta kuriteo koosseisu ega kuulu kriminaalseadusandluse mõjusfääri. Kuid kuritegevuse põhjuste uurimise ja kuritegude ennetamise seisukohalt väärivad nad mitte sugugi vähemat tähelepanu kui need grupid, kelle liikmed kannavad juba kriminaalvastutust.

Teiseks oluliseks iseärasuseks on see, et vastandina kuritegelikele eesmärkidele, millest lähtuvad grupeerimisel täisealsed kurja-

tegijad, võivad alaealiste kuritegelikud grupeeringud tekkimismomendil olla kuritegeliku eesmärgita ja alles hiljem kuritegelikeks muutuda. Mõistagi ei saa selliseid gruppe seni kriminaalõiguslikult kuritegelikeks kvalifitseerida, kuni nad pole ühiskonnaohtlikke tegusid toime pannud. Kuid täiesti väär oleks neid kuritegevuse põhjuste uurimisel hoopiski ignoreerida ja arvesse võtmata jätta. Tuleb silmas pidada, et sageli on isegi puht sõpruse pinnal kujunenud alaealiste grupid omapead jäetult potentsiaalselt kuritegelikud. Ühised tegevuseotsingud, millega neis tingimustes tavaliselt ka ebaterved arutlused ja väärad eeskujud kaasnevad, avaldavad nooruki käitumisele kergesti negatiivset mõju. Vildakad huvid ja arusaamad võivad siin takistamatult võimule pääseda ja ühiskonnaohtlikeks tegudeks formeeruda.

Enesest mõista ei tohi tõelist sõprust samastada kuritegeliku grupeeringuga. Tõelist ja tervet sõprust tuleb noorte juures igati süvendada. Noori peab kasvatama kommunismiehitaja moraalikoodeksi vaimus, mille kohaselt inimene on inimesele seltsimees, sõber, vend.¹ Kuid seejuures ei tohi hetkekski unustada, et nooruk vajab pidevat abistamist, juhendamist ja järelevalvet ka sõprusse puutuvais küsimustes. On vaja hoolt kanda, et sõpruse varjus ei kujuneks kuritegelik sobing.

Kolmanda iseärasusena võiks esile tuua alaealiste ühiskonnaohtliku käitumise, sealhulgas ka kuritegelikesse grupeeringutesse koondumise motivatsiooni omapära. Vastandina täisealistele, kelle kuritegelikku käitumist, eriti aga kuritegelikesse gruppidesse koondumist, iseloomustab üldreeglina sihikindlus ja selgesti väljendatud motiiv, kogunevad alaealsed pahatihti kuritegelikesse gruppidesse ja võtavad osa kuriteo toimepanemisest mingi erilise eesmärgita või mõistliku motiivita. Alaealine võib kuriteo toime panna, ilma et seejuures isegi oskaks põhjendada, miks ta seda tegi. Selles avaldub ilmekalt alaealise psüühika omapära. Siin on kohane märkida, et uuritavatest sattusid kuritegelikesse grupeeringutesse:

- a) mittekuritegeliku eesmärgiga – 55,2%,
- b) teadvalt kuritegeliku eesmärgiga – 28,7%,
- c) juhuslikult – 16,1%.

Seega ei olnud enamusel uuritavaist gruppi sattumisel kuritegeliku eesmärki. See tekkis neil hiljem grupis oleku ajal.

Kõike öeldut kokku võttes võime konstateerida, et alaealiste kuritegelik grupeering on vähemalt kahest alaealisest koosnev grupp, mis on moodustatud teadvalt ühiskonnaohtliku teo või tegude toimepanemise eesmärgiga või mis on kujunenud juhuslikult (stiihiliselt) ühiskonnaohtliku teo toimepanemise käigus või mis tekkimismomendil oli otsese ühiskonnaohtliku eesmärgita, kuid on oma isult ja olemuselt ühiskonnaohtlik potentsiaalses tähenduses.

¹ Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei programm. Tallinn, 1963, lk. 110.

3. Uurimistulemustest ilmneb, et enamusel uuritavaist esinevad tõsised kõrvalekaldumised normaalsest arengust. Eelkõige torkab silma nende väga madal haridustase ja äärmiselt ükskõikne suhtumine õppimisse. 87,10% uuritavaist oli alla 8 klassi haridusega, 24,80% – vaid kuni 4 klassi haridusega. Tavaliselt ei ole alaealiste juures vähene haridus iseenesest veel mingiks näitajaks, mille alusel võiks tõsiseid järeldusi teha. Kuid käesoleval juhul on olukord hoopis teistsugune, kuna uuritavate vanuse ja hariduse vahel on tekkinud suur vastuolu. Viimase kuriteo toimepanemise ajal oli uuritavate keskmiseks vanuseks 15,7 aastat. Samal ajal oli neil keskmine haridus vaid 5 klassi, mis aga normaalse õppeedukuse puhul oleks pidanud olema vähemalt 8 klassi.

Siinjuures olgu mainitud, et vaid 1,40% uuritavaist õppis hästi ning 6,80% enam-vähem rahuldavalt. Ülejäänud 91,80% õppis halvasti. 83,40% uuritavaist olid klassikursuse kordajad, seejuures neist paljud korduvalt. 5-klassilise hariduse omandamiseks kulus uuritavail keskmiselt 6,8 aastat, seega 1,4 aastat iga klassi kohta. Erilist tähelepanu väärib seejuures asjaolu, et põhiline enamus (89,40%) klassikursuse kordajaist ei jõudnud edasi ainult sellepärast, et nad ei tahtnud ega viitsinud õppida. Juba aastaid käisid nad koolis vaid näiliselt, et esimesel sobival võimalusel sealt alati-seks lahkuda. Viimase kuriteo toimepanemise momendiks oli neist 49,60% koolile lõplikult selja pööranud. Seoses sellega väljendus uuritavate tegevus kuriteo toimepanemise ajal järgmises:

a) ainult õppis	– 42,60%.
b) õppis ja töötas	– 7,80%.
c) ainult töötas	– 17,40%.
d) ei õppinud ega töötanud	– 32,20%.

Neist andmeist nähtub, et pooled uuritavatest olid kooli kasvatusliku mõju sfäärist juba varakult välja langenud, seejuures 32,20% neist oli ühiskondlikult kasulikust tegevusest täiesti eemale jäänud. Sellises olukorras tekivad soodsad võimalused tänavamoraali ja ühiskonnastaste arusaamade mõju alla sattumiseks.

Näib, et põhimisel enamusel neist, kes on sattunud kuritegelikesse gruppidesse, on kujunenud täiesti eitav suhtumine ühiskondlikult kasulikku tegevusse. Ühiskondlikud huvid on nende juures tagaplaanile nihkunud või hoopiski võõraks jäänud.

Ka isiklikud huvid on neil äärmiselt piiratud, nende tundemaailm on pinnapealne ja kasin. 49,90%-l uuritavaist ei olnud mingisuguseid ideaale ega ühtki mõistlikku huvi, küll oli nende juures laialdaselt levinud suitsetamine, alkoholi tarvitamine, kerged eluviisid ja muud pahed. 860% uuritavatest suitsetas ja 70,40% tarvitas alkohoolseid jooke, 44% suitsetajaist ja 19,10% alkoholi tarvitajaist olid omandanud need pahed juba varases lapseas. Pole siis midagi imestada, et 74,50% uuritavaist rikkus ka muid ühiselu reegleid juba kaua enne kuriteo toimepanemist.

Vägagi omapärast pilti pakuvad andmed uuritavate iseloomust. Ilmnes, et 84,9⁰/₀ uuritavaist oli negatiivsete iseloomujoontega, sealhulgas domineerivad kergemeelsus või mõjutatavus. Nende hulgas oli kelkijaid, kiitlejaid, võimuahneid ja muid negatiivsete iseloomujoontega noorukeid. Sellega seoses väärib allakriipsutamist, et 57,5⁰/₀ uuritavaist võttis kuriteo toimepanemisest osa teiste eestvedamisel või mõjutamisel. Näib, et negatiivsete iseloomujoonte ja halva käitumise vahel on orgaaniline seos ja et nad avaldavad teineteisele teatavat vastastikust mõju.

Käesolev uurimine näitas, et üle poole (55,2⁰/₀) uuritavaist sattus kuritegelikku gruppi mitte kuritegelikul eesmärgil, vaid kuritegelik eesmärk formeerus neil alles pärast gruppi sattumist, s. t. juba grupi mõjusfääris oleku ajal. Sellest järeldub, et isiksus ja grupp avaldavad vastastikku teineteisele tugevat mõju.

Mida laostunum on isiksus, seda suurem eeldus on tal kuritegeliku gruppi sattumiseks ja vastupidi – mida kauem kuulub ta gruppi, seda enam laostub tema isiksus.

Rääkides grupi mõjust isiksusele, tuleks kõigepealt alla kriipsutada, et grupis esinevad erakordselt soodsad tingimused vildakalt kujunenud isiksuse edasiseks laostumiseks. Seda soodustab siin teiste halb eeskugu, ebaterve sõprus, moonutatud solidaarsus ning paljud muud väärnähtused, mis grupi tingimustes takistamatult esile kerkivad ja nooruki isiksuse edasisele arenemisele hukutavat mõju avaldavad. Nende mõjul formeerubki lõplikult kuritegelik hoiak, mis vastava situatsiooni või ajendi ilmnemisel ühiskonnaohtriku teona realiseerub.²

On vaja välja selgitada ja otsustavalt kõrvaldada väärnähtused, mis tingivad defektse isiksuse kujunemise ja põhjustavad kuritegelike grupeeringute tekkimist.

Meie arvates oleks eeskätt tarvis:

a) tagada kõigile noortele juba nüüd täielik keskharidus. Noorte huvi suurendamiseks hariduse vastu tuleks töötasustamine viia kõikjal sõltuvusse haridusest;

b) tagada, et iga nooruk oleks pidevalt kasvatusliku mõju orbis. Vastavad juhendid selleks peaks välja töötama pedagoogikateadus;

c) tõsta vanemate ja kooli vastutust laste kasvatamise eest kommunistlike laste moraalkoodeksi vaimus, tagades ühtlasi lastevanematele, eriti aga emadele, veelgi suuremad võimalused selle vastutusriikka ülesande täitmiseks;

d) täiustada alaealiste korrarikkujate mõjutamise vahendeid ning vorme, pöörates erilist tähelepanu vanemate osatähtsuse tõstmisele ka selles osas. Mõistagi peaks pedagoogikateadus ka siin esimese sõna ütleva.

² Vt. ka В. Н. Кудрявцев. К вопросу об обучении причин преступности. — «Советское государство и право» 1964, № 5, lk. 12.

4. Alaealiste kuritegelike grupeeringute tekkimist põhjustavad väga mitmesugused tegurid ja asjaolud, mis on tihedas seoses isiksusega. Üheks niisuguseks teguriks on isiku sotsiaalse tunnustamise vajaduse rahuldamise otsing.

Teatavasti avaldab isiku sotsiaalse tunnustamise vajadus inimese käitumisele üldiselt positiivset mõju. See on kommunismiehtaja moraalikoodeksi printsiipide tagamise tähtsaks teguriks. Et pälvida kaaskodanike tunnustust (austust, lugupidamist jne.), püütakse hästi töötada, eeskujulikult käituda ja ühiskonnale igati kasulik olla. Nii on see üldreeglina. Kuid teatud tingimustes võib isiku sotsiaalse tunnustamise vajadus kujuneda nii kuritegelikesse grupeeringutesse astumise kui ka kuritegeliku käitumise ajendiks ja seda siis, kui see vajadus on arenenud vildakalt ning seetõttu tegelikkusega konflikti sattunud. Isik, kelle arusaamad, tõekspidamised ja käitumine on vastuolus antud keskkonnas valitseva moraaliga, osutub seal peagi „võõrkehaks“. Kuid inimene on eelkõige ühiskondlik olend. Ta pole võimeline eksisteerima väljaspool ühikonda, omaette, teistest isoleerituna. Seepärast, sattunud niisuguse „võõrkeha“ seisundisse, hakkab ta mujalt, omataoliste juurest, seltsi ja tunnustust otsima. Käesolev uurimine näitas, et 83,90%-l uuritavaist ilmnis tunnuseid, mis viitavad sellele, et üheks grupeerumise peamiseks põhjuseks oli neil keskkonna otsing, kus vildakalt arenenud huvid ja arusaamad leiaksid mõistmist ning tunnustamist. Ülejäänud 16,10% uuritavaist seksus grupi tegevusse või sattus selle mõjusfääri küll juhuslikult, põhiliselt kuriteo toimepanemise ajal, kuid teatud mõju avaldas ka siin isiku vildakalt arenenud sotsiaalse vajaduse rahuldamise otsing.

Avaldudes kuriteo ajendina, ei too isiku sotsiaalse tunnustamise vajaduse rahuldamise otsing siiski alati kaasa vildakate huvide ja arusaamade kandjate tegelikku grupeerumist, kuigi potentsiaalis jääb selline võimalus alati püsima. Asi seisneb selles, et alaealised korrarikkujad otsivad poolehoidu ja tunnustamist mitte ainult oma suguste, vaid ka korralike laste silmis. Selleks panevad nad toime igasuguseid ulakusi ja ühiskonnaohtlikke tegusid, püüdes just nende abil end esile tõsta ja kangelasena näida. Sellest tulenebki, et paljudel juhtudel panevad alaealised toime kuriteo, ilma et selleks oleks vähemutki mõistlikku põhjust. Ja vastupidi – mõjutades vildakate huvide ja arusaamade kandjate grupeerumist, ei pruugi isiku sotsiaalse tunnustamise vajaduse rahuldamise otsing samal ajal ka kuriteo ajendiks olla, kuigi see tihti on just nii. Seejuures tuleb silmas pidada, et asjaolud, mis moodustavad kuriteo vahetu ajendi, ei tarvitse üldsegi ühtida asjaoludega, mis ajendavad kuriteo toimepanemist grupiga. Uurimine näitas, et kõik need asjaolud, mis moodustasid uuritavate juures kuriteo vahetu ajendi või situatsiooni, võiks jagada nelja põhigruppi, kusjuures iga grupi erikaal väljenduks protsentides järgmiselt:

a) teiste negatiivne mõju (eestvedamine, eeskuju, ahvatlemine, sundimine jne.) – 57,50%;

b) ebaterve uudishimu ja romantika (enamikel juhtudel konkureerib sellega ka teiste negatiivne mõju) – 15,20%;

c) omakasu rahuldamise võimalus – 14,40%;

d) muud ajendid – 12,90%.

Samal ajal aga ajendas kuritegu nimelt grupiga toime panema:

a) ebaterve sõprus ja moonutatud solidaarsus – 50,20%;

b) tahe teiste ees kangelasena näida (paljudel juhtudel konkureerivad sellega ka ebaterve sõprus ja moonutatud solidaarsus) – 19,50%;

c) kuriteo toimepanemise hõlbustamine (paljudel juhtudel konkureerivad sellega ebaterve sõprus või moonutatud solidaarsus) – 30,30%.

Siit nähtub, et grupiga kuriteo toimepanemise ajenditena domineerivad faktorid, mis on otseselt või kaudselt seotud isiku sotsiaalse tunnustamise vajaduse rahuldamise otsinguga. **Näib, et vildakate huvid ja tõekspidamiste ühtsusele rajanev isiku sotsiaalse tunnustamise vajaduse rahuldamise otsing on üheks peamiseks teguriks, mis ühendab nende kandjaid kuritegelikesse grupeeringutesse.**

5. Vildakatele huvidele ja tõekspidamistele rajanev isiku sotsiaalse tunnustamise vajaduse rahuldamise otsing on tähtis, kuid kaugeltki mitte ainus alaealiste kuritegelikke grupeeringuid põhjustav ning soodustav asjaolu. Tegelikuses esineb hulgaliselt ka veel muid faktoreid ning asjaolusid, mis otseselt või kaudselt, iseseisvalt või kogumis teistega põhjustavad ja soodustavad alaealiste kuritegelike grupeeringute formeerumist. Tavaliselt mõjutab inimese käitumist üheaegselt rida omavahel keeruliselt läbipõimunud asjaolusid. Nende hulgast väärib kõrvuti isiku sotsiaalse tunnustamise vajadusega esiletõstmist **lapse kodust irdumine**. Andmed näitavad, et paljud kuritegelikest grupeeringutest osavõtjatest on kaotanud kodu vastu igasuguse austuse ja armastuse. Uuritavaist oli 51,30% kodust täiesti irdunud. Kodu oli neile vaid kohaks, kust vajaduse korral võis tasuta riietust, toitu ja öömaja saada.

Isiksuse kujunemist mõjutab kõigepealt inimest vahetult ümbritsev keskkond.³

Lapse vahetusse keskkonda kuulub eelkõige kodu. Siin rajatakse ta iseloomule alusmüür, mille tugevusest olenevad mitte ainult iseloomuväärtused, vaid kujuneva isiksuse kvaliteet tervikuna. Siin formeeruvad tal moraalist ja käitumisest, heast ja halvast esmased arusaamad, mis avaldavad suurt mõju isiksuse edasisele kujunemisele ja arenemisele. Nende arusaamade kvaliteet oleneb kodusest miljööst, eeskätt vanemate kultuuritasemest, moraalist ja käitumi-

³ «Коммунист» 1963, № 3, lk. 6.

sest. Kui normaalne kodune miljö loob vajalikud eeldused lapse normaalseks arenemiseks, siis negatiivne kodune miljö võib põhjustada lapse irdumise kodust ja ühtlasi ka konflikti kodus omandatud arusaamade ja väljaspool kodu valitsevate tõekspidamiste vahel. Lapsel on raske kohaneda väljaspool kodu valitsevate arusaamade, tõekspidamiste ning käitumisreeglitega, kui need on võrreldes kodus omandatud kvaliteediga hoopis midagi muud. Kui sellist last õigeaegselt ja oskuslikult ei abistata, võib ta loobuda kohanemispüüdest ja hakata otsima keskkonda, mis vastaks tema arusaamadele ning tõekspidamistele. Niisuguse keskkonna leiab ta nende juurest, kes nagu temagi on ühiskonnaga konflikti sattunud. Uurimine näitas, et sellistest kodust irdunud ja ühiskonnaga konflikti sattunud lastest kujunevad kergesti kuritegelikud grupeeringud.

Uurimistulemustest järeldub ühtlasi, et laps irdub tavaliselt kodust, kus on midagi korrast ära. Uuritavaist pärineb peaaegu 80% kodudest, kus esinevad ühed või teised väärnähted.

Üheks sääraseks väärnähteks on alkoholi kuritarvitamine isa või ema poolt. Veelgi laostavamalt mõjub lapsele mõlema vanema joomine. Kahjuks esineb meil veel hulgaliselt selliseid kodusid, kus isa või ema on alkohoolik. 18,9% uuritavate isadest ja 5,8% emadest (arvesse on võetud üksnes need isad ja emad, kes elavad koos perekonnaga) olid joodikud. Faktid näitavad, et niisugune kodu muutub lapsele kergesti vastumeelseks. Vanemad kaotavad siin peagi lugupidamise ja autoriteedi ning laps lakkab nende sõna kuulmast. Ajajooksul hakkab ta sellist kodu ja selliseid vanemaid häbenema, neist eemale hoiduma ning väljastpoolt kodu seltsi ja mõttekaaslasi otsima. Seejuures võib ta aga kergesti kuritegelikku grupeeringusse sattuda, mida omakorda soodustab kodune väärkasvatus, mis on sellistes tingimustes lapse isiksusele juba ammu oma pitseri vajutanud. Meenutagem vaid, et 70% uuritavaist tarvitas juba ka ise alkoholi.

Lapse kodust irdumist võib põhjustada ka isa või ema kuritegelik käitumine ja seoses sellega kohtu alla sattumine. Niisugustest perekondadest pärines 13,7% uuritavaist. Isa või ema kuritegelik tegevus ning selle ilmsikstulek võib lapse käitumisele mitmeti negatiivset mõju avaldada. Esiteks võib see käitumine ka lapsele üle kanduda, teiseks aga võib selle ilmsikstulek lapse teiste põlu alla viia. Näiteks Mati A., rääkides kuritegelikku gruppi sattumise põhjustest, märgib: „Mulle ei meeldinud ükski neist poistest, kellega koos panin toime kuriteod. Ma hakkasin nendega läbi käima ainult sellepärast, et korralikud poisid ei tahtnud minuga enam sõbrutseda, kuna minu ema mõisteti süüdi varguse eest. Mulle hakati näpuga näitama ja mind „vargapojaks“ kutsuma.“

Laste kodust irdumise põhjuste vaatlemisel väärivad erilist tähelepanu nn. poolikud perekonnad. Jutt on perekondadest, mis on

ühel või teisel põhjusel purunenud (vanemad lahutatud, faktiline abielu, üks või mõlemad vanemad surnud) või juba eos poolikud (lapse sündimine väljaspool abielu). Selliseid perekondi esineb tegelikkuses rohkesti. Uurimine näitas, et peaaegu pooled uuritavaist (48,1⁰%) pärinesid just niisugustest perekondadest.

Elu on juba ammu kinnitanud, et sellistes perekondades puudub lapse kasvatamiseks vajalik kooskõla ja monoliitsus, nad on üldreeglina ebakindlad ega suuda lapsele õigeid tõekspidamisi ning küllaldast koduarmastust sisendada. Siin annab end ka laste kodune järelevalvetus valusamini tunda kui kuskil mujal. Kõik see loob soodsad tingimused lapse kodust irdumiseks.

Tegurite hulgas, mis põhjustavad või soodustavad lapse kodust irdumist, väärib esiletoomist samuti vanemate madal kultuuri- ja haridustase, mis kaasajal üha teravamalt esile kerkib. 61,5⁰% uuritavate isadest ja 65,3⁰% emadest ei oma 8-klassilist haridust. Suuremal osal neist on haridus kõigest 2–3 klassi.

Teatavasti on harmooniline kooskõla mõeldav vaid inimeste vahel, kelle silmaring, vaated ja kultuuritase on enam-vähem võrdsed. Ebakultuurne ja harimatu inimene pole kaasajal suuteline lapsi õigesti kasvatama, tema arusaamad ja huvid võivad kergesti lapse huvide ja arusaamadega vastuollu sattuda ning tõsisid konflikte põhjustada. Tulemuseks on see, et laps kaotab vanemate vastu austuse ja irdub kodust.

Rääkides perekonna defektidest kui laste kodust irdumise põhjustest, peab märkima, et neid pole võimalik ka tulevikus täielikult vältida. Kuid neid tuleb ja saab vähendada. Selleks on tarvis tagada koolikohustuse seaduse kõrvalekaldumatu täitmine, tugevdada abielu ja perekonda, likvideerida alkoholism ja parandada elanikkonna kommunistlikku kasvatamist. Kõrvuti nende abinõudega tuleks tagada, et kõik defektid perekonnad oleksid vastavate riigiporganite ja üldsuse pideva ning tõhusa kontrolli all.

6. Uurimine näitas, **et alaealiste sattumist kuritegelikesse grupeeringutesse põhjustab ja soodustab samuti lapse tegevusetus, mis võib seisneda kõrvalejäämises ühiskondlikult kasulikust tegevusest** (näit. ei õpi ega tööta) **või vaba aja sisustamatuses.** Vaba aja sihipärase kasutamine sandistab isiksust, soodustab kuritegelike grupeeringute tekkimist ja kuritegude toimepanemist. Kestva tegevusetuse mõjul kujuneb lapsel ükskõikne, eitav suhtumine ühiskondlikult kasulikku tegevusse – ta hakkab sellest sihilikult kõrvale hoiduma. Uuritavaist oli 32,2⁰% ühiskondlikult kasulikust tegevusest täiesti eemale jäänud: nad ei õppinud, ei töötanud ega võtnud sellest ka muul viisil osa. Selles on süüdi kõik need, kelle ülesannetesse kuulub laste ja noorte vaba aja veetmise organiseerimine. Erilist vastutust peavad kandma aga koolid ja töökohad. Ei saa ju pidada normaalseks, et koolis oli ühiskondliku tegevusega haaratud vaid 32,7⁰% uuritavaist, töökohtadel aga kõigest 8,8⁰%.

Neist andmeist järeldub, et põhiline enamus uuritavaist sisustas ja kasutas vaba aega oma äranägemise järgi, raisates seda täiesti kasutult.

Laste vaba aja õigeks sisustamiseks on vaja veel palju ära teha. Kõigi muude ürituste kõrval oleks suuremates linnades otstarbekohane rajada noorte vaba aja sisukaks ja kasulikuks veetmiseks vastavalt sisustatud suveaiad, kuhu võiks tõmmata rohkem noori ja kus oleks võimalik organiseerida hulgaliselt kõrgeideelisi üritusi.

Lõpuks peab märkima, et käesolev uurimus ei ole oma ulatuselt kaugeltki kõikehaarav ega pretendeeri vaieldamatusele. Lühikeses artiklis pole võimalik ka materjali täies ulatuses ette tuua, kõiki asjasse puutuvaid küsimusi põhjalikult valgustada ning esitatud seisukohta põhjalikult argumenteerida.

Sellepärast on käesolevaga käsitletud vaid mõningaid olulisemaid momente, mis puudutavad alaealiste grupilist kuritegevust ja selle põhjusi.

О ПРЕСТУПНЫХ ГРУППИРОВКАХ НЕСОВЕРШЕННО-ЛЕТНИХ

К. Киммель

Резюме

Настоящая работа является результатом исследования группы несовершеннолетних преступников. В ней делаются попытки раскрыть сущность преступных группировок несовершеннолетних и основные причины, порождающие их возникновение.

Автор считает, что, несмотря на общность внешних признаков, преступные группировки несовершеннолетних существенно отличаются от преступных групп взрослых преступников.

Прежде всего бросается в глаза различие в субъекте: преступные группировки несовершеннолетних могут, в отличие от преступных групп совершеннолетних, состоять исключительно из малолетних, которые не являются еще субъектами преступления.

Различны, как правило, также цели и мотивы группирования. Если преступные группы взрослых формируются только в преступных целях, то преступные группировки несовершеннолетних могут в момент возникновения таких целей не иметь и являться преступными лишь в потенциальном смысле.

Только 28,7% обследованных заведомо вступили в группировки с целью совершения преступления.

Что касается мотивов группирования, то у взрослых они обычно носят ярко выраженный и целенаправленный характер, в то время как несовершеннолетние могут группироваться и даже совершить преступление без каких-либо разумных мотивов. Несовершеннолетние часто и сами не в состоянии объяснить мотивы своего поступка.

Автор считает, что преступная группировка несовершеннолетних представляет собой группу, состоящую из двух или более несовершеннолетних, созданную заведомо для совершения одного или нескольких правонарушений или возникшую стихийно, в процессе совершения правонарушения, или которая хотя в момент возникновения и не имела антиобщественной цели, но по своему содержанию и сущности является потенциально общественно опасной.

Говоря о причинах возникновения преступных группировок несовершеннолетних, следует иметь в виду, что на поведение человека оказывает воздействие ряд одновременно сложно переплетающихся между собой обстоятельств, среди которых центральное место занимают человеческие потребности. Одним из таких обстоятельств является потребность в удовлетворении социального признания личности.

Потребность в социальном признании личности оказывает на поведение человека, как правило, благоприятное воздействие. Однако, в определенных условиях она может впасть в конфликт с интересами общества и стать причиной антиобщественного поведения. Это происходит в случае неправильного формирования личности, вследствие чего личность приобретает антиобщественные наклонности. Но как бы ни была сформирована личность, человек не может существовать вне общества, без удовлетворения потребности в социальном признании. Под воздействием этой потребности индивид, личность которого приобрела антиобщественные наклонности, вынужден либо приспособиться к окружающей среде и воспринять господствующие в ней правила поведения, либо искать среду, в которой антиобщественные качества его личности нашли бы признание. У 83,9% исследованных обнаруживались признаки, указывающие на поиск среды для удовлетворения потребности в социальном признании, как на одну из наиболее распространенных и ощутимых причин участия несовершеннолетних в преступных группировках. Следовательно, основанный на общности искаженных интересов и убеждений поиск удовлетворения потребности в социальном признании личности является одним из главных обстоятельств, способствующих возникновению преступных группировок несовершеннолетних.

Не менее ощутимым обстоятельством, способствующим возникновению преступных группировок несовершеннолетних, является утрата ребенком должного уважения и привязанности к своему дому.

Более половины обследованных (51,3%) не питали к дому никакого уважения и поддерживали с ним связь только лишь из материальных соображений. Дети, как правило, утрачивают любовь, уважение и привязанность к дому лишь в том случае, если у семьи обнаруживаются серьезные дефекты (родители пьянствуют, нарушают правила поведения, ведут паразитический образ жизни, уклоняются от выполнения своих родительских обязанностей или злоупотребляют своими родительскими правами и т. д.). 80% обследованных происходило именно из таких семей.

Исследование показало, что возникновению преступных группировок способствует также бездеятельность ребенка, выражающаяся либо в уклонении его от общественно-полезной деятельности вообще, либо в неправильной организации его досуга. 32,2% обследованных никакой общественной деятельностью не занимались (не учились и не работали), а из тех, кто работал, только 8,8% были вовлечены в общественную работу. Свободное время подавляющим большинством обследованных попросту растрачивалось на бессмысленное времяпровождение.

TARTU LINNA TSN TK ALAEALISTE ASJADE KOMISJON VÕITLUSES ÕIGUSERIKKUMISTE VASTU

J. Lott

Tartu Linna TSN TK esimehe asetäitja

Noorsoo kasvatamisel suureneb järjekindlalt üldsuse osatähtsus. Selle tõhustamisel on olulised rajoonide ja linnade täitevkomiteede juures töötavad alaealiste asjade komisjonid.

Vastavalt alaealiste asjade komisjoni põhimäärusele on komisjonide peamine ülesanne õiguserikkumiste ärahoidmine alaealiste osas, abinõude rakendamine järelevalvetuse vastu võitlemiseks, samuti laste ja noorte elu korraldamine ning nende õiguste kaitse.

Kuigi noorsoo kasvatuses ja õiguserikkumiste ärahoidmisega tegeleb rida riiklikke asutusi ja organeid, nagu koolid, koolivälised lasteasutused, prokuratuur, kohus, miilitsaorganid jt., rida ühiskondlike organisatsioonide, eeskätt komsomoli- ja ametiühinguorganisatsioon ning rahvamalev, on alaealiste asjade komisjonil vastutusrikkad ülesanded alaealiste kuritegevuse vältimisel. Alaealiste asjade komisjoni ei tule vaadelda eespool toodutega paralleelselt tegutseva organina, vaid operatiivse keskusena, mis koordineerib alaealiste seas tehtavat kasvatustööd, eriti aga tegevust alaealiste õiguserikkumiste ärahoidmiseks.

Ka Tartu Linna TSN Täitevkomitee juures töötav alaealiste asjade komisjon ei ole omaette töötav organ, vaid ta toetub laialdasele aktiivile – töörahva saadikute nõukogude alalistele komisjonidele, saadikute gruppidele, ametiühingute käitis- ja kohalikele komiteedele, vabatahtlikele rahvamalevlastele, majavalitsuste kaastöökomisjonidele, samuti haridus- ja tervishoiuorganitele, miilitsa lastetoale ning kultuurhariduslikele asutustele.

Toetudes eespool nimetatud organisatsioonidele, on alaealiste asjade komisjon püüdnud juhendada ja suunata nende tegevust ning anda neile soovitusi töö korraldamiseks alaealistega ja nende vanematega.

Alaealiste asjade komisjoni peatähelepanu on suunatud põhjuste väljaselgitamisele alaealiste kõrvalekaldumistes ja üldsuse mobiliseerimisele nende kõrvaldamiseks.

Õiguserikkumiste vastu võitlemisel on Tartu Linna TSN Täitevkomitee alaealiste asjade komisjon pööranud tõsist tähelepanu tööle kooliõpilaste hulgas.

Tartu Linna TSN Täitevkomitee alaealiste asjade komisjoni praktika tõestab, et suur osa õiguserikkujatest on just halvasti edasijõudvad õpilased või juba koolist lahkunud õpilased, kel on harridust ainult 5–6–7 klassi.

Selletõttu on püütud likvideerida õpilase mitteedasijõudmise ning enne kohustusliku hariduse omandamist koolist väljalangemise põhjusi.

Et enamikul juhtudel ilmnevad halb õppeedukus ja sellega kaasnev halb käitumine nende laste juures, kelle kodus ei püüta või ei suudeta lapses arendada töökust, distsipliinitunnet, ausust, siis on püütud viimastel aastatel mõjutada kõigepealt neid perekondi.

Alaealiste asjade komisjoni ülesandel selgitati koolides välja kõik need perekonnad, kus vanemate lahkkelide, amoraalse käitumise, alkoholi kuritarvitamise jt. asjaolude tõttu ei suudeta kujundada lapsi õiges suunas.

Koolide ja lastevanemate komiteede poolt püüti ja püütakse abistada perekondi, kes seni ei ole toime tulnud laste sihikindla kasvatamisega. Enamikus koolides on kinnitatud sellistele perekondadele individuaalšefid, et nad vanemaid kasvatamisel aitaksid. Paremaid tulemusi sel alal on saavutatud Tartu I ja II keskkoolis. Kui mõni aasta tagasi mitmed nimetatud koolide õpilased panid toime rea õiguserikkumisi ja kuritegusid, siis 1965/66. õppeaastal suudeti seda juba täielikult vältida.

Koolide lastevanemate komiteede poolt individuaalšefluse teostamine on aidanud kaasa real juhtudel ka koduse olukorra normaliseerimisele.

Et alaealiste kõrvalekaldumise üheks teguriks on korduv klassikursuse kordamajätmine, siis on alaealiste asjade komisjon püüdnud saavutada korduva kordamise likvideerimist. Kuigi alaealiste asjade komisjon juhtis probleemile tähelepanu juba 1962. aastal, ei ole siin veel märgata olukorra muutumist.

1965. a. lõpul uuriti kolmes koolis (VIII Keskkoolis, IX ja XIII 8-kl. koolis) klassikursuse kordamise olukorda. Kontrollimisel selgus, et 3 koolis kokku oli 30 sellist õpilast, kes kogu õppeperioodi kestel on kursust korranud kaks korda, kolm korda 11 õpilast ja neli korda 1 õpilane.

Kontrollimisel selgus, et klassikursuse kordamise olulisemaid põhjusi on õpilase õppimistahte ja kohusetunde puudumine (38 õpilast 87 puuduliku hindegga õpilasest), edasi vähene järelevalve päevarežiimi täitmise üle (19 õpilast) ja kolmandaks õpilase vastuvõtvõime piiratus mõnes aines (17 õpilase juures). Pideva kontrolli kindlustamisel õpilase tegevuse üle ning temas töötahte ja distsipliini

nitunde süvendamisel oleks saavutatud ka normaalne õppeedukus.

Viimasel ajal on alaealiste asjade komisjon soovitanud halva edasijõudmise ja käitumisega õpilaste väljakutsumist nende vanemate töökohtadesse. Praktika on tõestanud, et õpilaste regulaarne ning süsteemikindel väljakutsumine vanemate töökohtadesse ning nendega seal vestlemine on suure distsiplineeriva mõjuga. Suuremat järjekindlust sel alal on ilmutanud Tartu Apraaditehas, Naha- ja Jalatsite Kombinaat, Tartu Ehitusmaterjalide Tehas jt.

Viimase kolme aasta jooksul on tehtud suurt tööd õpilaste koolist lahkumise vältimiseks enne 8. klassi lõpetamist. Kui 1962. aastal läks koolist tööle rohkem kui 140 sellist noort, siis 1965. aastal ainult 35. Sellel faktil on väga suur tähendus. Seoses 8-klassilise hariduseta noorukite koolist lahkumise vähenemisega on vähenenud ka töötavate alaealiste hulgas õiguserikkumiste arv.

Et iga aastaga väheneb koolist 8-klassilise hariduseta noorte lahkumine, siis on vaja, et koolide lastevanemate komiteed ning vanemate töökohad suurendaksid kontrolli nende õpilaste üle, keda ei lubatud koolist lahkuda. Tartu II Keskkoolist ei lubatud 1965. a. sügisel lahkuda 16-aastaselt Rein S-il. Metsakombinaadi ametiühinguorganisatsioon ei suutnud aga teostada järjekindlat kontrolli Rein S-i õppimise üle, mistõttu viimane ei täitnud temale pandud lootusi.

Tähtis lõik alaealiste õiguserikkumiste ärahoidmisel on kindlasti laste suvevaheaja õige korraldamine. Viimastel aastatel on see probleem olnud nii täitevkomitee kui ka alaealiste asjade komisjoni orbiidis.

1964. ja 1965. a. õnnestusid koolide juures korraldatud suvelaagrid. Nendesse laagritesse suunati ka õpilasi, kellel oli tõsisemaid puudusi käitumises. Sellega suudeti siduda ja haarata neid õpilasi, kes üksi olles oleksid võinud kalduda ebaõigele teele.

Kuigi suvised üritused on õnnestunud hästi, on selle korraldamisel ka puudujääke. Koolide ja lastevanemate kontakti vähesuse tõttu ei ole haaratud suvevaheaja üritustega veel kõiki õpilasi. Selle tulemusena otsivad mitmed õpilased ise endale tegevust ning panevad toime õiguserikkumisi.

Selles lõigus peab alaealiste asjade komisjon tugevdama nõudlikkust koolide ning nende lastevanemate komiteede suhtes, et eelseisvatel aastatel ei korduks varasematel esinenud vead.

Et alaealiste õiguserikkumiste ärahoidmisel on koduses kasvatuses esinevate puudujääkide kõrvaldamine olulise tähtsusega, siis on selle probleemiga tulnud otseselt tegelda ka Tartu Linna TSN Täitevkomitee alaealiste asjade komisjonil, ja peamiselt siis, kui kooli pedagoogide ja lastevanemate komitee poolt antud soovitusi ei ole andnud tulemusi.

1964. aastal arutati alaealiste asjade komisjonis 45 juhul koduse kasvatuse olukorda, 1965. aastal 50 juhul, 1964. aastal esitati

22 hagi Tartu Linna Rahvakohtusse vanemlike või kasvatuslike õiguste äravõtmiseks, rahvakohus rahuldab hagi 18 juhul. 1965. aastal välistati kasvatuslikud õigused 3 juhul.

1965. aastal võimaldus alaealiste asjade komisjonil rakendada lastevanemate suhtes ka omapoolseid mõjutusvahendeid vastavalt põhimääruses tehtud täiendustele. Nii trahviti 1965. a. 28 lastevanemat ja nende nõusolekuta suunati internaatkoolidesse 15 alaealist.

Linnas on veelgi perekondi, kes ei ole võimelised kujundama lastest tublisid nõukogude inimesi. On vaja lapsed sellistest perekondadest õigeaegselt suunata riiklikule kasvatusle.

Töö korraldamiseks alaealistega viib alaealiste asjade komisjon regulaarselt läbi seminare koolide direktoritele, klassijuhatajatele, ettevõtetele, asutuste ametiühingukomitee esimeestele ning laste ja noorukite töö komisjonidele.

1962. a. algatas alaealiste asjade komisjon seksuaalküsimuste valgustamist vanemate klasside õpilastele. Tollel aastal ja ka hiljem on selles valdkonnas tehtud tõhusat tööd antud probleemi valgustamisel nii õpilastele kui ka lastevanematele.

Alaealiste asjade komisjoni tegevussfääris on pidevalt töö ettevõtetes ja asutustes töötavate alaealistega. Komisjoni ühiskondlikud inspektorid ja liikmed kontrollivad regulaarselt alaealiste tööd ja käitumist ettevõtetes. Praktika on tõestanud, et paljud alaealised soovivad töölt lahkuda, kui nendega hakatakse järjekindlamalt töötama.

Et vältida alaealiste väljumist kollektiivi mõju alt, selleks on vaja ettevõtete ühiskondlikel organisatsioonidel selgitada lahkumise motiivid ning püüda vältida alaealise lahkumist ettevõttest. Selle abinõu ellurakendamisel suudetakse paremini ja järjekindlamini korraldada alaealiste elu.

On praktiseeritud individuaalšeffide määramist töötavatele alaealistele. Tartus on individuaalšefid määratud töökoha poolt. Enamusele alaealistest, kelle küsimust on tulnud arutada alaealiste asjade komisjonis, on määratud šefid. Rida individuaalšeffe on tulnud oma ülesannetega hästi toime. Nad on edukalt aidanud kujundada oma šeflusalustel kasulikke iseloomuomadusi. Paljudest töötavatest alaealistest, kelle küsimusi tuli komisjonil arutada 2–3 aastat tagasi, on kujunenud tublid noored.

Töö aktiveerimisest töötavate alaealiste hulgas annab tunnistust ka see asjaolu, et kui 1964. a. arutati komisjonis 88 töölisnoore õiguserikkumist, siis 1965. a. oli neid 38.

Alaealiste käitumise kontrolli tõhustamiseks ja sellealase koordineeriva töö aktiveerimiseks moodustati 1965. a. augustis alaealiste asjade komisjoni juurde 3 sektsiooni:

1) õiguserikkumisi ja kuritegusid toimepannud alaealiste käitumise kontrolli komisjon,

- 2) koduse kasvatuse kontrolli sektsioon ja
- 3) alaealiste kohta käiva tööseadusandluse täitmise kontrolli sektsioon.

Sektsioonid on tugevdanud alaealiste asjade komisjoni otsuste täitmise kontrolli.

Alaealiste asjade komisjon on oma tegevuses püüdnud toetuda alalistele komisjonidele ja rahvasaadikutele. Alates 1963. aastast on korraldatud rahvasaadikutele saadikute päevi alaealistega tehtava töö korraldamisest.

Laiemad ja suuremad ülesanded seati rahvasaadikutele 1965. a. septembris toimunud rahvasaadikute päeval. Lähtuti põhimõttest, et iga saadiku tegevuspiirkonnaks on valimisringkond, kus ta puutub kokku enamikuga perekondadest. Alaealiste asjade komisjon jaotas rahvasaadikutele vastavalt nende valimisringkonnale kontrollimiseks need alaealised, kelle küsimusi on arutatud alaealiste asjade komisjonis. Nende ülesannete täitmist on pidevalt kontrollinud saadikute grupid. 1965. a. lõpus ja 1966. a. algul kontrollis enamus saadikute gruppe rahvasaadikutele antud ülesannete täitmist. Rahvasaadikute grupid on aktiivselt hakanud tegelema ka laste ja noorukite elukohajärgse töö korraldamisega. Grupi koosolekuil on arutatud laste mängunurkade ja -platside rajamist ning laste suvevaheaja korraldamist.

Ka alalised komisjonid on lülitunud aktiivsemalt noorsooprobleemide lahendamisele. Peale hariduskomisjoni on alaealistega tehtavat tööd arutanud veel kultuurikomisjon ja alaline rahanduskomisjon. Alalised komisjonid püüavad kõrvaldada neid tegureid ja põhjusi, mis võimaldavad noortel õiguserikkumistele kalduda, ja otsivad teid noorte huvide paremaks rakendamiseks.

КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИК СДТ Г. ТАРТУ В БОРЬБЕ С ПРАВО- НАРУШЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И. Лотт

Резюме

Основной задачей комиссии по делам несовершеннолетних является предотвращение правонарушений несовершеннолетними, борьба против безнадзорности, устройство жизни детей и юношей, а также защита их прав.

Комиссию по делам несовершеннолетних необходимо рассматривать как оперативный центр, который координирует воспитательную работу среди несовершеннолетних, особенно, в предупреждении нарушений несовершеннолетних. В своей деятельности она опирается на общественные организации.

Комиссия по делам несовершеннолетних г. Тарту большое внимание уделяет работе среди слабоуспевающих учащихся, так как большое число из них совершает и правонарушения. Были приняты меры по устранению причин неуспеваемости учащихся и выяснено, что основной причиной является отсутствие желания прилежно учиться.

Ответственной задачей также является организация летнего отпуска. Хотя из года в года организационная сторона этого дела улучшается, недостатки все же имеются. Из-за отсутствия контакта между школами и родителями не все учащиеся охватываются летними мероприятиями.

В большинстве школ по предложениям комиссии к некоторым семьям прикреплены индивидуальные шефы, которые помогают этим семьям воспитывать детей.

Комиссия по делам несовершеннолетних регулярно организует и семинары для директоров, классных руководителей, представителей предприятий, комиссий по устройству молодежи на работу.

Основной функцией комиссии по делам несовершеннолетних является работа с рабочей молодежью. Общественными инспекторами и членами комиссий по делам несовершеннолетних регулярно проверяется работа несовершеннолетних.

Комиссия по делам несовершеннолетних в своей работе всегда опирается на народных заседателей, постоянные комиссии горисполкома и группы депутатов. Начиная с 1963 г., для депутатов устраиваются специальные дни для ознакомления с работой комиссии по делам несовершеннолетних.

Группы депутатов горисполкома занимаются трудоустройством молодежи, организацией детплощадок и проведением летних каникул.

PEDAGOOGI OSAVÖTT ALAEALISTE ÜLEKUULAMISEST

O. Püssa

Õigusteaduse kandidaat

Tartu Riikliku Ülikooli Õigusteaduskond

Kõikide liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksites on ette nähtud pedagoogi osavõtt alaealiste ülekuulamisest. Samaaegselt on see küsimus aga üks niisugustest, mis on meie koodeksites lahendatud väga erinevalt. Näiteks alaealise süüdistatava ülekuulamisest osavõtvate isikute küsimus on 15 koodeksis lahendatud 11 erineval viisil, alaealise tunnistaja ülekuulamisest osavõtvate isikute küsimus aga 9 erineval viisil. Erinevused esinevad näiteks selles, kas kutsuda ülekuulamisest osa võtma ainult pedagoog või ka teisi, nagu alaealise vanemaid või seaduslikke esindajaid, arsti, sugulasi, kas pedagoog kutsuda osa võtma kohustuslikult, uurija äranägemisel või kaitsja taotlusel, kas pedagoog kutsuda osa võtma kuni 14 a. (ainult tunnistajate puhul), kuni 16 a. või kuni 18 a. vanuste alaealiste ülekuulamisest, kas pedagoog võtab ülekuulamisest osa või viibib ülekuulamise juures jne.

Peaks olema üldreegliks, et ülekuulamisest võtavad osa ainult ülekuulatatav ja uurija. Samuti ei tohiks keegi kõrvaline viibida ka ülekuulamise juures. Kõige paremaid resultate on kindlasti võimalik saada siis, kui uurija ja ülekuulatatav räägivad n.-ö. nelja silma all. On ju teada, kuidas see vestlejatele mõjub, kui nende jutuaajamist, eriti isiklikku ellu puutuvat, kuulab pealt keegi kolmas. Süüdistatava ja kannatanu suhtes on aga kuritegu alati nende isikliku eluga seotud sündmus.

Seda põhimõtet pole sugugi arvestanud ei Eesti NSV ega ühegi teise liiduvabariigi KrPK. Alaealise süüdistatava ülekuulamisest võivad Eesti NSV KrPK kohaselt vajaduse korral osa võtta järgmised isikud: 1) tõlk, 2) isik, kes saab aru tumma või kurdi väljendusviisist, 3) uurimise üle järelevalvet teostav prokurör, 4) kaitsja, 5) ekspert, 6) asjatundja, 7) pedagoog. Koos uurijaga on neid seega 8. Alaealise tunnistaja ja kannatanu ülekuulamisel tulevad arvesse kõik samad isikud, lisaks neile aga veel ka alaealise vanemad või teised

seaduslikud esindajad, seega kokku 9 isikut. Mõnede väikeste eranditega kehtib see kõikide liiduvabariikide kohta.

Lohutuseks on muidugi see, et tavaliselt ei pea kõik 8–9 ülekuulamisest korraga osa võtma. Küll aga on reaalne, et alaealise ülekuulamisest võtavad siiski korraga osa tõlk, pedagoog ja kaitsja, seega uurijaga kokku ikkagi neli inimest. Ülekuulamisest hulga inimeste osavõtu fakt võib aga ise muutuda negatiivseks nähtuseks. Praktikast on teada juhte, kus alaealine, kes uurijale nelja silma all rääkis kõik avameelselt, ei rääkinud ametlikul ülekuulamisel, millest võttis osa mitu inimest, ja samuti kohtus, kus kuulajaid on sageli üsna palju, peaaegu üldse.

Seega peab olema uurija eesmärgiks ülekuulamisest osavõtivate isikute arvu miinimumini viimine, piirdudes tõepoolest ainult nendega, kelle puudumine otseselt kahjustaks ülekuulamise resultaati.

Ülekuulamisest osavõttev pedagoog on protsessuaalselt vaadeldav spetsialistina, s. o. uurija abilisena, konsultandina. Pedagoogi ülesandeks on uurija abistamine **esiteks** alaealise ülekuulamise ettevalmistamisel, **teiseks** ülekuulamise läbiviimisel ja **kolmandaks** ülekuulamise tulemuste fikseerimisel.

Sisuliselt on pedagoogi ülesannete hulgas esikohal uurija abistamine ülekuulatava alaealisega kontakti loomisel, hiljem ülekuulamise käigus aga selle kontakti hoidmisel. Kui ülekuulatavaga on saavutatud ja säilitatud kontakt, tähendab see peamiste ülekuulamisega seotud raskuste ületamist.

Et pedagoog saaks abistada uurijat alaealisega kontakti loomisel, samuti ka tema ülekuulamiseks kohaste taktikaliste võetete kujundamisel, peab ta olema 1) tuttav **selleealiste noorte** psüühika erisustega, kuid selle kõrval veel ka (2) **konkreetselt ülekuulatava** psüühika isepäraga.

Uurimispraktikas kasutatakse pedagoogina harilikult 1) haridusosakonna inspektorit, 2) alaealisele võõrast õpetajat, 3) alaealise oma õpetajat (peamiselt klassijuhatajat). Kes neist vastab kõige täielikumalt pedagoogi suhtes esitatud nõuetele? Sellele vastamisel lähtume uurimispraktikas omaksvõetud seisukohast, mille kohaselt pedagoog peab viibima kogu ülekuulamise kestel selle juures.

Nii võõras õpetaja kui ka haridusosakonna inspektor, olles tuttavad selleealiste noorte psüühikaga, vastavad esimesele nõudele. Nad näevad aga konkreetset alaealist esimest korda ega tunne seepärast tema psüühika omapära. Selline pedagoog ei suuda uurijat alaealisega kontakti leidmisel abistada. On ju vaja teada, millisele „nupule“ tuleb just konkreetse alaealise juures vajutada, mis on ta n.-ö. nõrk koht, millised on ta huviad ja kalduvused. Uurija ja alaealise jutuajamine peab aga paratamatult just neist küsimusist algama. Alaealisele võõras pedagoog, tundmata konkreetset alaealist, jääb seega paratamatult kas formaalseks juures istujaks

või juhul, kui ta ülekuulamisest püüabki aktiivselt osa võtta, sekkub ainult stiihiliselt ülekuulamisse.

Alaealise oma õpetaja kasutamisel paistab olevat palju positiivset. Meie juriidilises kirjanduses üldiselt soovitataksegi alaealise oma õpetaja kasutamist pedagoogina. Selline pedagoog tunneb tõesti vastavaealiste noorte psüühikat, kuid selle kõrval ka konkreetse ülekuulatava noore psüühika erisusi, ta huve ja kalduvusi. Tundub, et selline pedagoog suudab uurijat tõepoolest kõige rohkem abistada nii alaealisega kontakti loomisel kui ka järgneva ülekuulamise käigus. Tegelikuses ei pruugi see aga sugugi nii olla. **Selline pedagoog ei saa sageli mitmesugustel põhjustel ei oma üldisi pedagoogilisi teadmisi ega konkreetse ülekuulatava põhjalikku tundmist ellu rakendada.** Need põhjused on süüdistatava, tunnistaja ja kannatanu puhul erinevad.

Alaealise süüdistatava võib oma õpetaja juuresolek muuta kiniseks või ajendada teda koguni ebaõigetele ütlustele. Noorukil võib olla häbi õpetaja juuresolekul oma pahadest tegudest jutustada ja ta võib kergesti hakata kas lihtsalt salgama või oma osa kuriteos moonutama. Sama tulemusi võib tingida ka kartus, et pealtkuulava õpetaja kaudu võivad ta teo üksikasjad saada teatavaks kogu koolile, nii õpetajaile kui ka õpilastele. Õpilane kaalutleb, et kuigi pääseb uurija käest, võidakse teda koolis ikkagi karistada või ta saab teistele õpilastele pilkeobjektiks. Uurimispraktikas on selliseid juhte olnud.

Sama olukord võib esineda ka kannatanute puhul. Eriti kehtib see nende kannatanute suhtes, kellele on kuriteo läbi tekitatud moraalset ja füüsilist, kuid mõnikord ka materiaalselt kahju. Selline olukord esineb sageli seksuaalkuritegude puhul, mil kannatanu on kuriteo toimepanemisel paigutatud alati mõnevõrra piinlikku seisundisse. Praktikast on teada küllalt juhte, kus alaealine naisõpilane ei räägi oma õpetaja juuresolekul enda vägistamisest. Ühel juhul ei näidanud alaealine kannatanu teadlikult äratundmiseks esitamise juures vägistajale, kuigi ta enne oli temast ülekuulamisel andnud väga täpse isikukirjelduse. Kui äratundmiseks esitamise juures viibinud ema hiljem tütrelt küsis, miks ta ei näidanud kurjategijale, ütles tütar, et tal oli piinlik õpetaja ees, kusjuures kartis ka seda, et asjast saavad teada teised õpilased. Sama olukord võib esineda ka näiteks neil juhtudel, kui huligaanid on alaealist peksnud või kui alaealise suhtes on toime pandud kelmus. Niihästi enda peksta laskmist kui ka kelmuse puhul petetuna esinemist võivad alaealised hinnata häbistavaks, kartes muutuda koolis pilkealusteks.

Mis puutub alaealistesse tunnistajatesse, siis nende ülekuulamisel võib alaealise oma õpetaja juurdekutsumine rohkem kui muidu tulla kõne alla, kuna üldreeglina annab tunnistaja ütlusi talle kõrvalise sündmuse suhtes. Kuid ka siin tuleb arvestada kuriteolise

sündmuse iseloomu ja tunnistaja seost sellega. Neil juhtudel, kui kuritegu puudutab näiteks alaealise perekonnaliikmeid või teisi lähedasi isikuid, ei ole soovitatav alaealise tunnistaja oma õpetajat ülekuulamise juurde kutsuda. Mõnikord on aga tunnistajana esinev alaealine ise seotud kuriteoga, olles näiteks kakluse põhjustajaks jne. Selline tunnistaja on sisuliselt süüdistatav ning seetõttu võib tema puhul oma õpetaja osavõtt ebasoovitatav olla.

Tuleb silmas pidada, et õpilase ja õpetaja suhted on üldse väga sügavad ja püsivad. Endises õpilases säilib isegi aastakümneid hiljem õpilasetunne oma kunagise õpetaja suhtes ja see tunne annab oma värvingu nende isikute vahel isegi vanas eas kujunevatele suhetele. Tegelikult on õpilase seisundis oleva isiku puhul see tunne aga valdav ja varjutab teisi.

See, et alaealist ülekuulatavat mittetundva pedagoogi osavõtt võib kergesti kujuneda formaalseks, alaealist tundva pedagoogi osavõtt aga üsna sageli kahjustada ülekuulamise tulemusi, ongi nähtavasti põhjustanud paljude uurijate juures eitava suhtumise pedagoogi kasutamisse üldse. Kuna pedagoogi osavõtt on seaduses siiski ette nähtud, tuleb uurijail selle kui paratamatusega lihtsalt leppida. Kuidas saavutada aga seda, et pedagoogi osavõttust oleks alati kasu?

Sellele vastamiseks tuleb kõigepealt võtta seisukoht ühes terminoloogilises küsimuses, millel on siiski ka suur sisuline tähtsus. Osa liiduvabariikide KrPK-dest räägib pedagoogi **osavõtust**, teine osa pedagoogi **juuresviibimisest**. Mõned KrPK-d, nende hulgas ka Eesti NSV KrPK, kasutavad aga mõlemaid väljendeid, rääkides süüdistatava ülekuulamisel pedagoogi osavõtust, tunnistaja puhul aga pedagoogi juuresviibimisest. Selline terminoloogiline mitmekesisus pole millegagi põhjendatud.

Osavõtu ja juuresviibimise vahel on siiski suur erinevus. Uurimistoiminguist osavõtt tähendab aktiivset kaasategutsemist, juuresviibimine aga ainult uurimistoimingu jälgimist. Tüüpilisteks uurimistoimingute juures viibijateks on manukad.

Ülekuulamise puhul saavad esineda ainult osavõtjad. Juuresviibijaid selle toimingu puhul üldse olla ei saagi. Ka pedagoog on alati ülekuulamisest osavõttev isik. Ta on selle uurimistoimingu aktiivne osaline. Pedagoogil pole ülekuulamise juures täita manuka funktsioone. Seepärast ei saa õigeks lugeda neid KrPK-sid, kus pedagoogi ülesanne on formuleeritud juuresviibimisena.

Kas aga osavõtt peab tingimata tähendama seda, et pedagoog peab kogu aeg algusest kuni lõpuni viibima ülekuulamise juures? Kuigi see seisukoht on meie uurimispraktikas üldiselt omaks võetud, ei pea ülekuulamisest osavõtt tingimata ainult seda tähendama. Selline seisukoht ei järeldu ka seaduse sõnastusest. **Ülekuulamisest osavõtt võib toimuda väga mitmeti, kusjuures osavõtu vormi peab otsustama igal konkreetsel juhul uurija koos pedagoogiga.**

Pedagoogi tegevust tuleb nimetada ülekuulamisest osavõtuks ka siis, kui ta abistab uurijat ainult ülekuulamise ettevalmistamisel, ülekuulamise enda juures aga üldse ei viibi. Sellise osavõtu vormi korral tutvustab pedagoog uurijat ülekuulatava alaealise psüühiliste omadustega ning arutab koos uurijaga läbi eesmise ülekuulamise taktika, eriti aga alaealisega kontakti saavutamise võimalused. Pedagoogi sellist osavõttu tulebki pidada peamiseks.

Ülekuulamisest osavõtt võib tähendada aga ka seda, et pedagoog viibib ülekuulamise juures ainult osa aega. Mõnikord võib taktikalistel kaalutlustel osutada vajalikuks just selline osavõtt – pedagoog võtab näiteks osa ainult ülekuulamise alustamisest ja pärast kontakti saavutamist ülekuulatavaga lahkub.

Loomulikult jääb üheks võimalikuks osavõtu vormiks ka see, mida praktika praegu kasutab, nimelt pedagoogi viibimine kogu ülekuulamise kestel selle juures.

Mõistes ülekuulamisest osavõttu mitte ainult pideva juuresviibimisena, vaid mitmekesisemates vormides, saab ülekuulamisest pedagoogina osa võtta ka alaealise oma õpetaja, kahjustamata sellega ülekuulamise tulemusi. Kui oma õpetaja viibimine ülekuulamise juures on ebasoovitav, võib uurija teda väga edukalt kasutada ülekuulamise ettevalmistamise juures.

On avaldatud ka seisukoht, et pedagoogi viibimine alaealise ülekuulamise juures on vajalik veel ülekuulamise seaduslikkuse tagamiseks. Selline väide pole põhjendatud. Meie kriminaalprotsessi seadusandlus ei lähtu uurimise reguleerimisel umbusaldusest uurija vastu. Pealegi teevad suurem osa liiduvabariike pedagoogi kasutamise niikuinii sõltuvaks uurija enda äranägemisest. Järelikult ei saa pedagoogil olla seaduslikkuse valvuri ülesannet.

Kokkuvõtteks võib öelda, et alaealise ülekuulamisest pedagoogi osavõtu vormi tuleb mõista paindlikumalt, kui seda teeb praegune uurimispraktika. Osavõtu vormi määrab aga uurija koos pedagoogiga. Osavõtt ei pea tingimata seisnema pidevas ülekuulamise juures viibimises, vaid vajaduse korral kas ainult ülekuulamise ettevalmistamisest osavõtus, juuresviibimises ainult osa aega või uurija abistamises ütluse fikseerimisel. Selline tõlgendus võimaldab ilma ülekuulamist kahjustamata kasutada pedagoogina ka alaealise oma õpetajat.

УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

О. Пюсса

Резюме

Наилучшие результаты при допросе можно получить в том случае, когда следователь и допрашиваемый беседуют наедине.

Однако, это совершенно не учтено ни в УПК Эстонской ССР, ни в УПК других союзных республик. В допросе несовершеннолетнего обвиняемого, согласно уголовно-процессуальному кодексу Эстонской ССР, в случае необходимости могут принимать участие следующие лица: 1) переводчик, 2) лицо, понимающее разговор немых и глухих, 3) прокурор, осуществляющий надзор за следствием, 4) защитник, 5) эксперт, 6) специалист, 7) педагог. Итак вместе со следователем всего 8 человек. При допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего, кроме этих лиц, могут присутствовать еще родители или другие законные представители несовершеннолетнего, всего 9 лиц. Дело смягчается, конечно, тем, что все эти лица не всегда должны одновременно участвовать в допросе.

Стало быть, задача следователя заключается в доведении числа лиц, участвующих в допросе, до минимума. Приглашаться должны лишь те лица, отсутствие которых вредило бы результатам допроса.

Педагога, участвующего в допросе, процессуально нужно рассматривать как специалиста, т. е. помощника следователя, консультанта. Задача педагога состоит в оказании помощи следователю, в о-п е р в ы х, при подготовке допроса несовершеннолетнего, в о-в т о р ы х, при проведении самого допроса и, в-т р е т ь и х, при фиксировании результатов допроса.

По существу, главная задача педагога заключается в оказании помощи следователю для достижения контакта с допрашиваемым несовершеннолетним, позже, в ходе допроса — сохранение этого контакта. Для этого необходимо, чтобы такой педагог был знаком: 1) с особенностями психики юношей этого возраста, вместе с тем и 2) с особенностью психики конкретного допрашиваемого.

В следственной практике в качестве педагогов используются главным образом лица трех категорий: 1) инспектора народного образования, 2) постороннего для несовершеннолетнего учителя, 3) учителя самого несовершеннолетнего (обычно классный руководитель). Кто из них более полно отвечает требованиям, предъявляемым педагогу? Для ответа на этот вопрос, необходимо исходить из принятого следственной практикой положения, согласно которому педагог должен находиться в продолжение всего допроса при его проведении.

Как чужой учитель, так и инспектор отдела народного образования, будучи знакомы с психикой трудновоспитуемой молодежи, отвечают первому требованию. Однако, они видят конкретного несовершеннолетнего впервые и потому не знают особенности его психики. Такой педагог не может помочь следователю в достижении контакта с несовершеннолетним.

Привлечение учителя самого несовершеннолетнего, думается, значительно эффективнее. В действительности же не всегда это бывает так. Такой педагог зачастую по различным причинам не может проявить ни своих педагогических знаний, ни полного знания конкретного допрашиваемого. Эти причины различны в отношении обвиняемого, свидетеля и потерпевшего.

Несовершеннолетнего обвиняемого присутствие своего учителя может сделать замкнутым или даже толкнуть его на дачу неправильных показаний. Юноше бывает стыдно в присутствии учителя рассказывать о своих поступках и он может либо просто отрицать, либо искажать свою роль в преступлении. Такой результат может быть вызван и боязнью того, что через учителя, присутствовавшего при показаниях, обстоятельства его поступка могут стать известными всей школе, как учителям, так и учащимся.

Такое же положение может случиться и в отношении потерпевших. В качестве примера можно привести сексуальные преступления, в результате которых потерпевший попадает в несколько позорное положение. Из практики известно достаточно казусов, когда несовершеннолетняя ученица в присутствии своего учителя не говорит об изнасиловании. Аналогичное положение может иметь место и в тех случаях, когда несовершеннолетний был избит хулиганами или когда в отношении несовершеннолетнего совершено мошенничество. Факт избия, а также обманутость в результате мошенничества могут быть расценены несовершеннолетним как позорные явления и вызвать боязнь стать в школе объектом насмешек.

Что касается несовершеннолетних свидетелей, то вызов своего учителя в качестве педагога может иметь место чаще, чем когда-либо, так как свидетель дает обыкновенно показания о посторонних для него происшествиях. Но и здесь следует учитывать характер преступного происшествия и связь свидетеля с ним.

Участие педагога, не знающего допрашиваемого несовершеннолетнего, может стать лишь формальным, а участие педагога, знающего несовершеннолетнего, зачастую вредит результатам допроса. Это, вероятно, и послужило причиной отрицательного отношения многих следователей к использованию педагога вообще. Поскольку, однако, участие педагога все же предусмотрено законом, то следователю приходится с этим считаться как с неизбежным фактом. Но как достигнуть такого положения, чтобы участие педагога всегда приносило пользу?

Для ответа следует решить один терминологический вопрос, имеющий существенное значение. В одних УПК говорится об участии педагога, а других — о присутствии. В некоторых УПК, в том числе и в УПК Эстонской ССР, используются оба выражения, причем при допросе обвиняемого участие педагога, а в отношении свидетеля — присутствие. Такая терминологическая разносторонность ничем не обоснована.

Между участием и присутствием все же большая разница. Участие в следственных действиях означает активную деятельность, присутствие же — лишь наблюдение следственного действия. Типичными присутствующими при следственных действиях являются понятые.

При допросе могут быть лишь участники. Педагог также всегда является лицом, участвующим в допросе. Он — активный участник этого следственного действия. Поэтому нельзя считать верными положения тех УПК, в которых роль педагога сформулирована как присутствие.

Существует точка зрения, принятая нашей следственной практикой, что участие в допросе означает присутствие педагога с начала до конца допроса. Но это не следует из изложения закона. Участие в допросе может происходить различно, причем форма участия в каждом конкретном случае решается следователем совместно с педагогом.

Действия педагога следует рассматривать как участие в допросе и тогда, когда он помогал следователю только в подготовке допроса, а при самом допросе вообще не присутствовал. При такой форме участия педагог знакомит следователя с психическими качествами допрашиваемого несовершеннолетнего и обсуждает вместе со следователем тактику предстоящего допроса, особенно, возможности достижения контакта с несовершеннолетними. Подобное участие педагога и следует считать основным.

Однако, участие в допросе может означать и то, что педагог присутствовал при допросе лишь часть времени. В некоторых случаях из тактических соображений может оказаться необходимым именно такое участие. Например, педагог участвует только в начале допроса, а когда контакт с допрашиваемым достигнут, он уходит.

Естественно, одной из возможных форм участия остается та, которая сейчас используется в практике — присутствие педагога в течение всего допроса.

Рассматривая участие в допросе не только как постоянное присутствие, а имея в виду различные формы его, в допросе

в качестве педагога может участвовать также учитель самого несовершеннолетнего, не принося этим вреда результатам допроса. Если присутствие своего учителя при допросе нежелательно, следователь может его использовать при подготовке допроса.

Встречается также необоснованное мнение, что присутствие педагога при допросе несовершеннолетнего необходимо и для обеспечения законности допроса.

В итоге можно сказать, что форму участия педагога в допросе несовершеннолетнего следует понимать более гибко, чем это принято следственной практикой в настоящее время. Участие не обязательно должно означать присутствие на протяжении всего допроса, а по надобности лишь подготовку допроса, присутствие лишь в течение части времени или же помощи следователю при фиксации показаний, такое истолкование позволяет использовать в качестве педагога учителя несовершеннолетнего без вреда допросу.

MÕNINGAID ALAEALISTE KRIMINAALÕIGUSLIKU KAITSE KÜSIMUSI

E. Raal

Õigusteaduse kandidaat

Tartu Riikliku Ülikooli Õigusteaduskond

1. Viimastel aastatel on alaealiste kuritegevuse küsimusi käsitletud väga mitmest aspektist. Juriidilises kirjanduses on õigustatult pööratud suurt tähelepanu alaealiste kriminaalvastutuse ja sellest vabastamise probleemidele. Vähem tähelepanu on aga osutatud alaealiste **kriminaalõiguslikule kaitsele**, ehkki see etendab sotsiaalelukondlike ja pedagoogiliste vahendite kõrval olulist osa alaealiste normaalse arengu kindlustamisel ja õiguserikkumiste ärahoidmisel.

2. Nõukogude riigis kaitstakse alaealiste õigusi ja seaduslikke huve perekonna-, tsiviil-, töö- jt. õigusvaldkondade normidega. Kriminaalseadusandluse eripära seisneb selles, et ta kaitseb alaealise isikut, tema normaalset füüsilist ja vaimset arengut kuritegelike rünnete **vastu**. Kõik kriminaalseaduse sätted, mis kaitsevad inimese elu, tervist, vabadust, au ja väärikust, kindlustavad ka alaealise isikupuutumatust. Arvestades aga seda, et ühiskonnaohtlikud ründed alaealiste suhtes põhjustavad raskemaid tagajärgi ja näitavad süüdlase suuremat ohtlikkust kui samade tegude sooritamine täiskasvanute suhtes, kehtib nõukogude kriminaalseadusandluses põhimõte, et kuriteo toimepanemine **lapsealase** suhtes on karistuse mõistmisel vastutust raskendav asjaolu „Eesti NSV kriminaalkoodeksi“ § 38 p. 5)¹. Karistuse mõistmisel on vastutust raskendavaks asjaoluks ka **alaealise kihutamine** kuriteo toimepanemisele või tema **ahvatlemine** kuriteost osavõtmisele (KrK § 38 p. 6).

Täiskasvanu, kes kuriteo toimepanemiseks kasutab kriminaalvastutusele nooruse tõttu mittekuuluvaid alaealisi (näit. alla 14-aastasi), vastutab ise selle kuriteo täideviimise eest.

KrK eriosa üksikute paragrahvide (§-d 115, 115¹ ja 118) eri lõigetes on otseselt ette nähtud vastava kuriteo (näit. vägistamisel) eest raskem karistus siis, kui tegu on toime pandud alaealise suhtes.

¹ Edaspidi KrK.

3. Kuid nõukogude kehtivate kriminaalkoodeksite eriosas on ka täiesti iseseisvaid paragrahve, kus nähakse ette vastutus **ainult alaealiste** suhtes toimepandud ühiskonnaohtlike tegude eest. Need spetsiaalsed sätted, mis alaealisi kaitsevad, ei ole koondatud meie KrK-s iseseisvaks peatükiks, vaid on paigutatud isikuvastaste või mõnede muude kuritegude peatükki. Selles osas erineb nõukogude kriminaalkoodeksite süsteem oluliselt mitmete teiste sotsialistlike riikide (näit. Tšehhoslovakkia, Ungari jne.) kriminaalkoodeksite süsteemist, kus vastavad sätted moodustavad kriminaalkoodeksi eriosa iseseisva peatüki – „Kuriteod noorte ja perekonna vastu.“ Juba see näitab nende maade kriminaalseadusandluse tähtsat osa noorte ja perekonna huvide kindlustamisel.

Eesti NSV kriminaalseadusandluses on üheks selliseks spetsiaalseks sätteks KrK § 121, mis näeb ette vastutuse vanema kuritahtliku kõrvalehoidumise eest lapsele kohtu poolt väljamõistetud **alimentide maksmisest**. Seda kuritegu karistatakse vabadusekaotusega kuni 1 aasta ja 6 kuuni või parandusliku tööga kuni 1 aastani.

Antud kuriteo moodustab lapse jätmine üksnes **ainelise toetuse**ta, kui see on lapsevanemalt või mõnelt teiselt isikult (lapsendajalt jne.) kohtuotsusega välja mõistetud. Et vanemlike õiguste äravõtmine ei vabasta vanemat oma lapse ülalpidamise kohustusest (APEK § 51), siis võib antud kuriteo eest vastutada ka isa või ema, kel ei ole enam vanemlikke õigusi.

Meie seadusandluses ei ole aga ette nähtud vanemate kriminaalvastutust **kasvatuskohustuste kuritahtliku mittetäitmise** eest isegi siis, kui laps selle tagajärjel areneb täiesti väärast suunas ja satub kuritegevusele. Sellise vanema suhtes võib kohaldada „Alaealiste asjade komisjoni põhimääruse“ §-s 13 tähendatud ühiskondliku mõjutamise vahendeid, sealhulgas rahatrahvi kuni 10 rublani.²

Sageli on ühiskondliku mõjutamise vahendid küllaldased vanemate korralekutsumiseks. Kuid esineb ka juhtumeid, kus vanemal on head majanduslikud võimalused ja muud eeldused laste normaalseks kasvatamiseks, kuid ometi nad ei tee seda oma mugavusest või vastutustundetusest. Hoolimata ühiskondlikust mõjutamisest jäetakse lapsed täiesti järelevalveta, võimaldades neil õppimisest kõrvale hoiduda ja moraalselt laostuda. Alles hiljuti kirjutati selliseist vanemaist ajalehes „Edasi“.³

Vanemate süü tõttu hävines 6 lapse ühine kodu. Vanemad läksid lahku. Varakult murdeikka jõudnud tütar sattus moraalselt laostunud noorte jõuku. Ta suunati riiklikku kasvatusasutusse. Varsti paigutati internaatkooli ka teine tütar. Seal käitus ja õppis ta korralikult. Siis tõi ema tütre kasvatusasutusest koju. Kuid kodus algas

² Muudetud. «Põhimääruse» kehtiv redaktsioon (§ 19) näeb ette rahatrahvi kuni 30 rubla (ENSV ÜVT 1967, 51, 435). Vastutav toimetaja.

³ Ühiskondliku inspektori vaatenurgast. — «Edasi», 15. III 66.

taas langus: tütar töötas lohakalt, hulkus töölisnoorte kooli tundide ajal ringi, olles isegi vahel mitu päeva kodunt ära. Sellest ajast pärinesid juba tema esimesed õiguserikkumised. Tütarlaps läks isa juurde, kuid ka tema ei püüdnud last õigele teele suunata. Et vanemad ei loonud õppimisvõimalusi ka teistele lastele, võeti isalt ja emalt vanemlikud õigused.

Teine näide. Majanduslikult hästi kindlustatud isa tõi majja võõrasema. Kumbki ei hoolinud alaealisest tütarlapsest ega püüdnudki talle uut olukorda selgeks teha. Tõrges tütar paigutati lihtsalt eraldi elama pooleli olevasse individuaalelamusse. Olles vabanenud iga-sugusest kontrollist, jättis tüdruk õppimise ja hakkas vanematele teadvalt elama amoraalselt: öised joomingud, mürgeldamised, halvad sõbrad jne. Järgnes sündmuste tavaline areng: alaealiste asjade komisjon, kohus. . . Vahepeal oli tütar saanud täisealiseks. Tal sündis vallaslaps, kelle ta andis väikelastekodusse, ise aga jätkas omaks saanud eluviisi, kuni läks varguse eest vanglasse.

Kuid elust on teada veelgi kurvemaid vanemlike kohustuste kuritahtliku täitmata jätmise tagajärgi, milles isa või ema süü on ilmne.

Tõsi, ka sellistes perekondades üleskasvanud alaealine peab vastutama ise oma tegude eest. Kuid ebaõige oleks jätta sellised vanemad karistamata või piirduda nende suhtes alati ühiskondliku mõjutamise vahenditega. On tarvis tõhusamaid õiguslikke vahendeid, et nõuda vanemalt oma kohustuste täitmist. Kehtiv seadusandlus annab selleks vähe võimalusi. Ta ei näe ette isegi selliste vanemate karistamise võimalust administratiivkorras. Näib, et selles osas vajaks seadusandluse täiustamine tõsist kaalumist. Muidu võib kujuneda omapärane olukord: kodanikku, kes ettevaatamatuse (hoole-tuse) tõttu ei täida näiteks oma kohustusi riigi või ühiskonna vara valve alal, võidakse karistada kuni 1-aastase vabadusekaotusega, kui ta põhjustab oma kohustuste rikkumisega suure varandusliku kahju (näit. ulatuslik riisumine valvatava kaupluse juurde magama-jäämisel). Kui lapsevanem aga täiesti teadvalt ja kuritahtlikult ei täida kasvatuslikke kohustusi ning jätab lapsed järelevalveta ja need just selle tagajärjel moraalselt laostuvad, rikuvad avalikku korda ja panevad toime raskeid kuritegusid, siis jääb selline vanem vanemlike kohustuste täitmata jätmise eest karistamata ja tema suhtes võidakse kohaldada vaid ühiskondliku mõjutamise vahendeid. On ilmne, et tähendatud vanemlike kohustuste rikkumise raskus ja tagajärgede ohtlikkus peaksid leidma ka vastava hin-nangu meie kriminaalseadusandluses, olenemata alaealiste endi vastutusest. Vaevalt arvab keegi, et vara tuleks tugevamini kaitsta kui meie kasvava põlvkonna normaalset arengut.

4. Alaealiste kõlbelise arengu kaitse seisukohalt on oluline tähtsus ka Nõukogude liiduvabariikide kehtivais kriminaalkoodeksis sisalduvail sätteil, mis näevad ette range vastutuse **alla kaheksateist-**

kümne aasta vanuse isiku kaasatõmbamise eest kuritegevusele, samuti alaealise kasutamise eest parasiitliku äraelamise eesmärgil.

Eesti NSV KrK § 202 järgi karistatakse neid kuritegusid toimepannud isikuid vabadusekaotusega kuni viie aastani või asumisele saatmisega samaks tähtjaks.

Antud tegude eest võivad vastutada mitte ainult lapsevanemad, vaid ka teised täiskasvanud, kelle initsiatiivil pannakse alaealise osavõtul toime kuritegu. Mõnikord kasutatakse alkoholi andmist alaealistele nende kaasatõmbamiseks kuritegevusele. Kui on tuvastatud, et süüdlasel oli alaealisele alkoholi andmisel just see eesmärk, vastutab ta KrK § 202 järgi.

Iga Nõukogude kodaniku **moraalseks** kohustuseks on kaitsta alaealisi alkoholi laostava mõju vastu. Kahjuks esineb meil aga üsna sageli juhte, kus täiskasvanud toimivad otse vastupidi. Kas oma vastutustundetuse tõttu või teatavatel madalatel ajedel ahvatlevad nad alaealisi joomisele ja joodavad neid purju. Meie vabariigi kriminaalseadusandlus ei näe alaealiste purjujootmise eest ette vastutust. Täiskasvanute selline käitumine on aga sageli otsene tingimuste loomine ühiskonnavastaste harjumuste ning joomahimu tekkimiseks ja alaealise moraalseks languseks. Täiskasvanud, kes meelitavad alaealisi alkoholi tarvitama ja joodavad neid purju, on suure ühiskonnaohtlikkusega ka siis, kui alaealsed ei soorita alkoholi mõjul õiguserikkumist. Alaealiste kaitsmiseks täiskasvanute selliste ühiskonnaohtlike tegude eest tuleks ette näha range vastustus.

Selles osas võib huvi pakkuda mitte ainult teiste nõukogude liiduvabariikide ning sotsialismimaade, vaid ka üksikute kodanlike riikide kriminaalseadusandlus. Nii näiteks nähakse **Kanadas** ette kaks aastat vanglakaristust pideva joomise eest korteris, kus elab laps. **Bulgaaria Rahvavabariigi** kriminaalkoodeksi (§ 155 lg. 1) järgi karistatakse isikut, kes joodab purju alaealise, vabadusekaotusega kuni 6 kuuni.

Tšehhoslovakkia Sotsialistliku Vabariigi kriminaalkoodeks (§ 213) näeb ette kuni 1-aastase vabadusekaotuse isikule, kes annab alaealisele tarvitamiseks alkohoolseid jooke sellises koguses, mis võib luua ohu tema tervisele. Ulatuslikku tähelepanu pööratakse alaealiste kõlbelise arengu kindlustamisele ka **Ungari Rahvavabariigi** kriminaalseadusandluses. Ungari KrK (§ 274 lg. 1) näeb ette karistuse vabadusekaotuse kuni kolme aastani lapsevanemale või teda asendavale isikule, kes oma käitumisega asetab lapse füüsilise ja kõlbelise arengu tõsisesse ohtu. Sama karistus ähvardab kriminaalkoodeksi järgi ka neid täiskasvanuid, kes kallutavad või püüavad kallutada alaealist kuriteole või amoraalsele eluviisile.

Nimetatud maade kogemused näitavad, et selliste seaduste kohaldamisel esineb küll teatavaid raskusi, näit. kuriteo tõendamise

raskus jne., kuid arvestades alaealise normaalse arengu kindlustamise tähtsust, õigustab selline vastutuse kord end.

5. Nõukogude kehtivas kriminaalseadusandluses kaitseb üsna ulatuslik normide süsteem alaealise normaalset **sugulist arengut**. Nähakse ette range vastutus alaealise vägistamise eest. Seda kuritegu karistatakse pikaajalise vabadusekaotusega või eriti raskendavil asjaoludel isegi surmanuhtlusega (§ 115 lg. 3). Karistatav on ka mittevägivaldne suguuhendus alla kuueteistkümne aasta vanuse naissoost isikuga (§ 116), samuti alla kuueteistkümne aasta vanuste isikute kõlbeline rikkumine liiderlike tegudega nende suhtes (§ 117). Seoses Eesti NSV KrK täiendamisega 1965. a. 29. augustil⁴ §-ga 115¹ tugevdati ühtlasi ka alaealiste kaitset nende suhtes vägivaldselt toimepandavate seksuaalse kallakuga loomuvastaste tegude eest.

Kohtupraktika näitab, et seksuaalkurjategijad, kellel on eriti kalduvus loomuvastasteks tegudeks, eelistavad oma ohvreina alaealisi. Seda nähtavasti sellepärast, et nende alistamine või neilt nõusoleku saamine on lihtsam kui täiskasvanute puhul.⁵ Sealjuures on kannatanute sattumist kurjategija mõju alla nii mõnigi kord soodustanud alaealise vähiklus ja naiivsus põhimistes seksuaalelu küsimustes, ehkki tegemist on juba vanemate klasside õpilastega. Õigeaegne ja oskuslik seksuaalkasvatus koolis etendaks vajalikku osa ka alaealiste kaitsmisel selliste kuritegude eest.

Mõningad uurimused näitavad, et alaealiste suhtes toimepandud seksuaalkuritegudest on umbes $\frac{3}{4}$ aset leidnud alkoholi mõjul, kusjuures tihti osutuvad kannatanuiks alaealised, kes ise tarvitatavad koos süüdlastega alkoholi ja, oskamata karta selle toimet, jäävad purju ning satuvad kurjadesse kättesse.

Alaealiste kaitsmine alkoholi laostava mõju eest on vajalik ennekõike nende normaalse arengu kindlustamiseks. See aitaks vähendada ka noorte kuritegevust. Kuidas kool saaks omalt poolt mõjutada alaealisi alkohoolsete jookide tarvitamisest hoiduma, sellele tuleks pedagoogide kollektiivil tõsiselt mõelda. Meie õpilastes tuleks sisendada varakult täit teadlikkust sellest, et alkohoolsete jookide mittepruukimine ei ole naeruväärne askeetlus, vaid alaealiste juures ainuõige. Praegu mõtlevad paljud alaealised teisiti, olgugi et üldhariduslike koolide õpilasreeglid⁶ IX–XI klassile ütlevad: „Õpilane on karske, ta ei suitseta ega tarvita alkohoolseid jooke”. Nii imelik kui see ka on, ei esita nimetatud reeglid seda nõuet noorematele, näit. V–VIII klassi õpilastele. Ometi puutuvad alaealised

⁴ ENSV ÜT 65, 35. 142.

⁵ Vt. ka Эндрю Трайлер. Нормы уголовного кодекса о преступлениях против половой морали. — «Обзор Венгерского права», 1964, I. lk. 22.

⁶ Kinnitatud Eesti NSV haridusministri 11. aug. 1961. a. käskkirjaga nr. 165.

kokku alkoholiga ammu enne seda, kui jõuavad vanemasse kooli-ikka. Ühe meie alaealiste kasvatusasutusse sattunud noortest oli alkoholiga tutvust teinud 73⁰/₁₀₀ ammu enne 16–17-aastaseks saamist. Saksa Demokraatliku Vabariigi 4 koolis läbiviidud 1226 õpilase küsitlus näitas, et kõigist 7–9-aastastest õpilastest oli 76⁰/₁₀₀ alkohoolseid jooke tarvitanud; 10–15-aastastest aga 95⁰/₁₀₀.⁷ On ilmne, et alkoholiga teevad paljud õpilased tutvust juba varases koolieas.

Alkoholivastane kasvatus peaks olema nõukogude pedagoogikas väärilisel kohal, nagu seda on ateistlik kasvatus. Alkohol ei ohusta meie kasvavat põlvkonda praegustes tingimustes vähem kui religioossed igandid, pigem on see vastupidi. Muidugi on alkoholismi probleemi tarvis põhjalikult uurida veel mitmete teistegi teadusalade, nagu arsti-, majandus- ja õigusteaduse aspektist. Vastasel korral ei ole võimalik kavandada efektiivseid abinõusid meie noorte eemalehoidmiseks sellest pahest.

6. Viimasel ajal vahetatakse meie ajakirjanduses elavalt mõtteid noorsoo kasvatamise tähtsaimates probleemides. On väljendatud ka arvamust, et karistusvahendite piiratus ja alaealistele omistatud laialdased õigused ning nende sagedane rõhutamine on tekitanud paljudes noortes **vastutamatus**- ja **karistamatusetunde**, millega omakorda on seletatav nende väär käitumine. Olukorra parandamiseks peetakse vajalikuks pedagoogide õiguste laiendamist ja õpilaste suhtes kohaldatavate kasvatusvahendite, eriti aga karistusviiside täiustamist. Mõned soovivad ka alaealiste õiguste ja soodustuste piiramist ning kriminaalseadusandluse mõningat muutmist, näiteks alaealiste kriminaalvastutusele võtmise vanuselise piiri alandamist jne.

On õige, et alaealises tuleb maast-madalast arendada kohusetunnet, arusaamist sellest, et tema ise kannab täit vastutust iga oma teo eest. Kas sealjuures on aga vaja kärpida alaealise õigusi? Meie arvates – ei. Enamusel praegustest noortest on paremad õppimis- ja elutingimused kui omal ajal olid nende vanemail. Kuid selles pole midagi ebaloomulikku ja vaevalt saab siit otsida kohusetundetuse ja väärkäitumise juuri. Pealegi näitavad mõningad uurimused, et väär käitumist ja huligaanitsemist esineb käesoleval ajal suhteliselt rohkem ikkagi nende noorte hulgas, kes elavad halvemates materiaalses ja kultuurilistes tingimustes. „Sul on riigi toit kõhus, riigi poolt antud ülikond seljas ja kingad jalas, saad tasuta haridust ilusas koolimajas, sul on kõik võimalused“ jne., kas nende sõnadega algav manitsus paneb väärt käitunud noort sügavamalt järele mõtlema oma teo üle, selles tuleb tõsiselt kahelda

⁷ Vt. M. Vamosi. Die Ansichten über das Trinken von alkoholischen Getränken bei Schulkindern. — «Die Begutachtung und Behandlung erwachsener und jugendlicher Täter». Heft 9. Jena, 1966, lk. 193.

Kohuse- ja vastutustundetuse tekkimist ei saa seletada ka üksnes karistusvahendite nappusega. Põhjusi on palju rohkem. Sageli oleme oma nõudmistes ebajärjekindlad. Esimese klassi õpilasele antakse õpilaspilet – tema esimene koodeks, mis sisaldab käitumisreegleid. Kuid kas me alati reageerime nende reeglite mittetäitmisele. Kas sageli ei möönda juba vastavate nõuete kehtestamiselt seda, et kõiki neist ei täideta ja vahel polegi võimalik täita. Või õpilase kirjalik päevaplaan? Kas keegi on uurinud, kui paljud õpilased ja millises ulatuses seda täidavad? Kui alaealine aga maast-madalast kogeb, et isegi kirjutatud käitumisjuhiseid võib suvaliselt jätta täitmata, ilma et sellest tekiks pahandusi, siis võib ta harjuda aeg-ajalt ükskõikselt ja vastutustundetult suhtuma ka kõigissee temale pandavaisse kohustustesse, sisaldugu need kas moraali- või õigusnormides. Sellise juba väljakujunenud hoiaku muutmiseks on tõepoolest vaja tõhusaid kasvatusvahendeid, mille kohaldamisel alaealine tunnetab, et vanemad, kool ja ühiskond pole tema suhtes võimetud.

Alaealiste kasvatamine ja õpetamine on vanemate ja pedagoogide **õiguslik kohustus**, mille täitmiseks peab seadusandlus neile andma ka vastavad õigused kasvatatavate suhtes. Nende õiguste sisu ja ulatus on määratletav, lähtudes nõukogude pedagoogika põhiseisukohtadest. Koolis kasutatavad ergutus- ja karistusvahendid määratakse kindlaks haridusministeeriumi vastavais eeskirjades. Võimalik, et praegu ettenähtud vahendeist äärmuslikeks juhtumeks ei piisa. Nähtavasti on erikoolide režiimi tugevdamiseks tarvis suurendada ka karistumäärade rangust ja hulka. Nende küsimuste lahendamine on meie kasvatusteaduse pakilisemaid ülesandeid. Ignoreerida teaduse seisukohti ja pidada õigeks iga meetodit, mis annab (või näib andvat!) konkreetsetes olukorras positiivseid tulemusi, on ohtlik. Õigesti märgib Tallinna 2. Keskkooli õppealajuhataja V. Kond, et „... meetodid peavad vastama soovitud tulemustele, sellele, missugusena me tahame kasvatatavat näha.“⁸ Ainult seaduslike vahenditega saame alaealistes süvendada kohusetunnet, korraarmastust ja austust seaduse vastu.

Ebapedagoogiliste ja seadusevastaste vahendite (näiteks kehaline karistus) kohaldamine kasvatatavate suhtes võib põhjustada raskeid tagajärgi.

Kehalise karistuse suhtub pedagoogika nõukogude koolis täiesti eitavalt.⁹ Seoses sellega on pedagoogid tõstatanud küsimuse, kas õpetajal ja kasvatajal ei ole õigust kasutada füüsilist jõudu ka alaealise kuuletumisele sundimiseks, s. t. tema korrarikkumise vahetuks tõkestamiseks, kui see ei ole teisiti saavutatav. Selline füüsilise

⁸ «Nõukogude Õpetaja», 12. II 1966.

⁹ Vt. Pedagoogika põhijooned. Kirjastus «Eesti Raamat», Tallinn, 1965, lk. 170.

jõu kasutamine ei ole meie arvates kehaline karistus. Kui kasvandik ei lõpeta korrarikkumist ega allu tavalisele mõjustamisele, siis on tema käitumise vahetuks tõkestamiseks vajaliku füüsilise jõu kasutamine põhjendatud. Sellisel juhul puudub alus kasvataja vastutusele võtmiseks.

Teatava kuriteo, näiteks isiku kallal vägivallateo faktilisi tunnuseid sisaldava teo ühiskonnaohtlikkus ja õigusvastasus võib puududa eriliste asjaolude ja tingimuste tõttu, milles see tegu toime pannakse. Nende asjaolude ning tingimuste esinemisel ei ole vastav tegu ühiskonnale kahjulik, vaid vastupidi – on **kasulik** ja **vajalik**. Tavaliselt esinevad sellised asjaolud seaduses või mõnes muus normatiivaktis sätitud kohustuste või õiguste teostamisel. Teo ühiskonnaohtlikkust ja järelikult ka kuritegelikkust kõrvaldavaks asjaoluks võib olla ka kasvatuskohustuste ja õiguste teostamine.

Alaealiste **koduse** kasvatamise vahendid ei ole normatiivselt reguleeritud ja vaevalt olekski selliste eeskirjade kehtestamine siin õige. Vanemlike õiguste teostamine võib olla seotud rea sunnivahendite kohaldamisega laste suhtes, näiteks lapse liikumisvabaduse piiramine, tema keha puutumatuse rikkumine jne. Selliste vahendite kohaldamine ei moodusta kuritegu, sest ta on õiguspärane. Kui vanem aga ilmselt ületab oma võimupiire ja tekitab lapsele terviserikke või piinab teda, on tegemist õigusvastase teoga, millele võib järgneda kriminaalvastutus.

Mõningad uurimused kriminoloogia laboratooriumis näitavad, et meie kodudes kohaldatakse laste suhtes kehalist karistust veel võrdlemisi laialdaselt. Nii kasutasid 100-st küsitletud perekonnast kehalisi karistusi 93 perekonda, sealjuures 60-s perekonnas anti lastele vitsu, 33-s perekonnas aga kasutati teisi kehalisi karistusi (näit. käega ühekordset löömist, juustest sakutamist). Paistab, et kehaliste karistuste kohaldamist ei esine vähem ka pedagoogide endi, samuti arstide ja juristide perekondades.

Nõukogude pedagoogikas on laste kodusele kehalisele karistamisele pööratud vähe tähelepanu. Elu on mõneski osas läinud oma rada. Kas see on õige? Teadus peab siin ütleva oma põhistatud seisukohad. Huvitav on märkida, et kehalisi karistusi kohaldanud 93-st perekonnast jõudsid ainult 12 järeldusele, et kehaline karistus ei õigustanud end üldse, 12 arvasid, et osaliselt õigustas, ning 60 leidsid, et kehaline karistus andis positiivseid tulemusi.

Sageli loetakse lapsevanemad ja kool **võrdselt** vastutavaks õpilase käitumise eest. Kuid võrdne vastutus ja võrdsed kohustused eeldaksid ka võrdseid õigusi. Neid aga ei ole ega saagi olla. Mui-de, üle 90% vanematest, kes ise on kohaldanud laste suhtes kodus kehalisi karistusi, on kategooriliselt nende rakendamise vastu koolis.

Alaealiste suhtes kodus ja koolis kohaldatavate mõjutamisvahendite, sealhulgas karistuste efektiivsuse uurimine on kaasajal

aktuaalne ülesanne. Ta võimaldab vältida seni tehtud vigu noorsoo kasvatamisel ja aitab kaasa õiguserikkumiste ärahoidmisele alaealiste hulgas.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Э. Раал

Резюме

В советской юридической литературе уделяется большое внимание проблемам уголовной ответственности несовершеннолетних и их освобождения. Однако, меньше внимание оказывается вопросам уголовно-правовой защиты несовершеннолетних, хотя она наряду с социально-бытовыми и педагогическими средствами играет важную роль в обеспечении нормального развития подрастающего поколения и предотвращении преступлений несовершеннолетних.

В докладе анализируются некоторые положения УК Эстонской ССР и показывается, каким образом действующее законодательство охраняет личность и права несовершеннолетних от преступных посягательств. Докладчиком вносятся также и некоторые предложения о дополнении действующего уголовного законодательства Эстонской ССР.

В ст. 121 УК Эстонской ССР предусматривается ответственность родителя за злостное уклонение от уплаты алиментов, установленных судом на содержание детей. Однако, в нашем законодательстве не предусматривается уголовной ответственности родителя за злостное невыполнение своих обязанностей как воспитателя даже тогда, когда ребенок в связи с этим развивается в неправильном направлении, морально разлагается и вступает на путь преступлений. В отношении подобного родителя возможно применить лишь меры общественного воздействия. Конечно, и выросший в таких семьях несовершеннолетний должен сам отвечать за свои поступки. Но было бы неправильным оставлять родителей безнаказанными или ограничиваться в отношении их всегда лишь мерами общественного воздействия. Необходимы более действенные правовые средства. Думается, что в этой части необходимо было бы взвесить дополнения и уголовного законодательства.

Моральной обязанностью каждого советского гражданина является охрана несовершеннолетних от разлагающего влияния алкоголизма. К сожалению, у нас имеется немало взрослых людей, которые вовлекают несовершеннолетних в пьянство и даже спаивают их.

Уголовное законодательство Эстонской ССР не предусматривает ответственности за спаивание несовершеннолетнего. Взрослые, подстрекающие несовершеннолетних к употреблению алкоголя, спаивающие их, имеют большую общественную опасность и тогда, когда несовершеннолетние не совершают под влиянием алкоголя никаких правонарушений. Думается, что для охраны несовершеннолетних от разлагающего влияния алкоголя следовало бы предусмотреть в нашем законодательстве строгую ответственность за спаивание.

Судебная практика по делам о половых преступлениях показывает, что преступники, имеющие склонность к удовлетворению половой страсти в извращенных формах, предпочитают своими жертвами несовершеннолетних. Это, вероятно, потому, что их подчинение или получение от них согласия проще, чем от взрослого. При этом попаданию потерпевшей под влияние преступника нередко способствует незнание и наивность несовершеннолетней в элементарных сексуальных вопросах, хотя дело и связано с ученицами старших классов. Своевременное и умелое сексуальное воспитание в школе сыграло бы важную роль и в охране несовершеннолетних от подобных преступлений.

Некоторые исследования показывают, что из совершенных в отношении несовершеннолетних половых преступлений три четверти имели место под влиянием алкоголя. Причем нередко потерпевшими оказываются несовершеннолетние, которые сами вместе с виновными употребляют алкоголь, не умея бояться его воздействия, пьянеют и становятся жертвой преступника. Противоалкогольное воспитание должно было бы занимать в советской педагогике достойное место как, например, атеистическое воспитание. Алкоголизм в современных условиях вреден не меньше для нашего подрастающего поколения, чем религиозные пережитки.

Недавно в газете «Nõukogude Õpetaja» («Советский учитель») велся живой обмен мнениями о важнейших проблемах воспитания молодежи. В ходе дискуссии было выражено и мнение, что в основном ограниченность мер наказания и предоставленные несовершеннолетним широкие права во многих юношах внедрило чувство безответственности и ненаказуемости, чем в свою очередь объяснимо их неправильное поведение. Во избежание такого положения некоторые считают необходимым расширение прав педагогов и усиление применяемых в отношении учащихся воспитательных мер, особенно же, наказаний, а также рекомендуют ограничение прав и льгот несовершеннолетним и понижение возрастного предела привлечения их к уголовной ответственности. Автор не полностью разделяет эти мнения и показывает, что возникновение чув-

ства безответственности и неправильного поведения несовершеннолетних нельзя объяснить только указанными обстоятельствами. Возможно, что для усиления режима спецшкол необходимо также увеличить и количество воспитательных мер, в том числе и наказаний. Разрешение этих вопросов — неотложная задача нашей педагогики. Игнорировать установки науки и считать верным каждое средство и каждый метод, который дает (или мнится, что дает) в конкретном случае положительный результат, опасно.

Рассматривая отдельные вопросы домашнего воспитания несовершеннолетних в докладе отмечается, что некоторые исследования показывают, что дома в отношении детей физическое (телесное) наказание применяется еще значительно широко. Так из опрошенных 100 семей в 93 применяли физическое наказание. К сожалению, в советской педагогике на вопрос о применении физического наказания дома обращается мало внимания. Наука должна дать и на этот вопрос обоснованный ответ.

К ПРОБЛЕМЕ СТИХИЙНЫХ ГРУППИРОВОК ПОДРОСТКОВ

Х. Лийметс

Кандидат педагогических наук

Кафедра педагогики и методики Тартуского гос. университета

Э. Маркварт

III школа-интернат г. Таллина

В последние годы в социально-психологической литературе как социалистических так и капиталистических стран обращается много внимания проблеме малых групп. Это объясняется прежде всего тем, что установлено значительное влияние малых групп на поведение и становление морального облика человека. Одной разновидностью малой группы являются спонтанно, стихийно, без какого-либо содействия взрослых возникшие группировки детей и подростков. Они рассматривались в психологической, а также в социологической литературе как удовлетворение детьми и подростками своих потребностей в социальном общении; эта потребность считается особенно сильной у подростков.

Проблеме стихийных группировок подростков посвящен ряд исследований в разных странах, главным образом в США. Там исследовались в основном группы преступников (F. M. Thrasher, 1927; W. F. Whyte, 1943; R. A. Cloward, L. E. Ohlin, 1963). Группы несовершеннолетних преступников были изучены также в Польше (A. Pawelczynska, 1964).

Сравнительно мало работ о группировках нормальных детей. Среди них можно назвать работу Р. Н. Furfey («The gang age» 1926), которая опирается на весьма маленький материал; более обширный материал охватывает работа В. Wolman (1951) о спонтанных группах детей и подростков Израиля. Самой основательной в этой области можно считать работу R. Helanko («Turun poikasakid», 1953), которая опирается на анкетирование 3033 мальчиков и содержит данные об участии в стихийных группировках 4500 мальчиков.

Кроме названных можно найти ряд других работ, где затронут и вопрос стихийных группировок.

В советской литературе нет специальных опубликованных исследований, посвященных данному вопросу. Вопрос затронут в юридической литературе в связи с преступностью. Специально группировкам посвящено ряд статей (Э. Козметс, 1962; А. Мьялберг, 1966; Х. Лийметс и Э. Маркварт, 1966) и некоторые рукописные работы на эстонском языке. Проблему все-таки можно считать очень важной и нужной для исследования, исходя из следующих соображений:

1) поскольку участие в группировках считается одним из показателей социального развития детей и подростков, то исследование этого вопроса уточнило бы уже имеющуюся картину возрастного развития;

2) в интересах воспитательной работы нужны более полные данные о так называемых тайных совоспитателях, какими можно считать стихийную группировку;

3) в интересах профилактики правонарушений несовершеннолетних, значительное количество которых является групповым, следует установить закономерности возникновения как нормальных, так и преступных группировок.

В 1964 году нами была предпринята попытка исследовать следующие вопросы, связанные со стихийными группировками подростков:

1) какое количество учащихся IV—VIII классов принимает участие в деятельности спонтанных группировок;

2) каково содержание их деятельности;

3) каковы особенности структуры группировок и их связь с социометрическим статусом отдельных подростков в классном коллективе;

4) каковы особенности преступных группировок.

Названные вопросы в основном социологического характера. Однако, пока эти вопросы не выяснены, трудно приступить к исследованию социально-психологических вопросов.

Исследование было проведено в заречном районе г. Тарту в 2 школах с эстонским языком обучения.

Для собирания фактического материала мы пользовались, главным образом, анкетами. Такой выбор был обусловлен следующими соображениями: 1) деятельность стихийных групп трудно поддается наблюдению; 2) количество материала, добытого путем наблюдений, а также интервью, оказывается слишком малым для обобщения.

Кроме анкеты нами использовались материалы, собранные сотрудниками детской комнаты милиции г. Тарту.

В двух классах был проведен социометрический тест для измерения взаимоотношений в коллективе. Наша анкета содержала следующие группы вопросов: 1) общие данные о

личности, заполняющей анкету; 3) участие заполняющего в работе пионерской и комсомольской организации; 3) внеклассная и внешкольная работа заполняющего анкету; 4) данные об участии в стихийных группировках. Эта последняя часть анкеты содержала следующие вопросы:

1. Имеются (или имелись ли) поблизости от твоего местожительства группировки мальчиков (девочек), в состав которых, может быть, входил(и) и ты.

2. Напиши в следующую таблицу имена, возраст, адрес, школу, класс тех, кто входил в состав этой группировки.

Напиши точно, насколько умеешь!

Имя	Возраст	Адрес	Школа	Класс

Подчеркни имя того мальчика (девочки), который, по твоему руководил группировкой!

3. Принадлежишь ли ты сам к этой группировке?

4. Назови улицы и места (дворы, парки и т. д.), где группировка действовала.

5. Опиши по возможности точно, чем занималась группировка.

6. Чем занимается группировка главным образом (состязания, техника, спорт и т. п., походы в разные места)?

7. Некоторые группировки имеют свои названия. Имеет ли твоя группировка свое название?

8. Нет ли у группировки своих собственных игр (или чего-либо подобного)?

9. Как игра называется?

10. Имеется ли в районе действия твоей группировки еще группировка старших мальчиков (девочек)?

11. Имеется ли в районе действия твоей группировки еще группировка младших мальчиков (девочек)?

12. Имеется ли поблизости от твоей группировки какая-либо соседняя группировка?

13. Какое название у этой группировки?

14. Где эта группировка действует?

Напиши в таблицу имена, возраст, адрес, школу, класс мальчиков (девочек), принадлежащих к этой соседней группировке. Если школа и класс неизвестны, то проводи черту.

Имя и фамилия	Возраст	Адрес	Школа	Класс

15. Хороши ли отношения между твоей и соседней группировкой?

16. Были ли между твоей и соседней группировкой состязания, столкновения или же совместные действия?

17. Не плохие ли отношения между твоей и соседней группировкой?

18. Имелись ли между группировками драки или другие выражения враждебности?

Подобная методика была применена и финским ученым Р. Хеланко.

Всего было задано 30 вопросов. Анкета была проведена одновременно во всех IV—VIII классах 3-ей средней школы и 13-ой восьмилетней школе г. Тарту.

Правдоподобность и искренность ответов мы попытались обеспечить инструкцией, где было сказано, что данные нужны для научной работы и что своими продуманными и искренними ответами учащиеся могут содействовать исследованию определенного вопроса. Искренность внушала и форма раздачи и сбора листов. Анкеты, вынутые перед классом из закрытого конверта, раздавались учащимся — активистами класса. Заполненные анкеты были собраны теми же активистами и сразу же запечатаны в конверт и переданы представителем класса работнику кафедры, который в это время находился в школе.

Проверить правдоподобность ответов было в известной степени возможно, сравнивая ответы разных учащихся, а также сравнивая полученные при помощи анкеты данные с данными детской комнаты милиции. Оказалось, что при помощи анкеты были получены данные и о составе тех группировок, которые стояли на учете в детской комнате милиции; неполными были данные о деятельности группировок: заполняющие анкету, не фиксировали проявлений поведения преступного характера. Неиспользованными остались из-за неполного заполнения 16 анкет и 476.

Результаты обследования.

Установлено, что из 460 обследованных учащихся (М-236, Д-264) 78,4% проводит свободное время в группировках. Этот показатель превышает все другие страны. В Финляндии в группировках участвует 69%, по Thrashery — 50%, и в Израиле — 21%. Чем объясняется такое большое различие, трудно сказать. Это требует еще дальнейших исследований.

Наибольшее количество учащихся входит в группировки в VIII классах — 90,3%, наименьшее количество в V классах — 58,5%.

Если сравнивать данные по возрастным группам, то оказывается, что участие в группировках постоянно растет до 15-летнего возраста. Среди 10-летних участвует в группировках 68,3% всего состава, среди 15-летних участвует в группиров-

ках уже 95,9%. В Финляндии максимум — 12-летнем возрасте, когда в группировках участвует 81% всего обследованного состава.

Большинство из всех групп по половому признаку гомогенны, смешанных группировок 16,5% (36). Из всего количества группировок эти данные также различны по сравнению с Финляндией, где только одна из обследованных группировок была смешанной. Групп мальчиков (92) и девочек (89) было почти одинаковое количество, т. е. 42%, 41,5%.

В составе группировок большинство составляют одноклассники и сошкольники, значительно меньше учащихся из других школ, а также ребят и девушек из рабочей молодежи. В этом отношении заметны существенные различия в разных классах. Количество участников извне в группировках определенного класса колеблется от 2—29. Эти различия были подвергнуты более детальному анализу.

Наши данные показывают, что классы, которые имеют в своих стихийных группировках много участников извне, отличаются плохим поведением и считаются со стороны учителей «трудными». Исключение составил один 6-ой класс. Сравнительное изучение состава участников группировок показало определенные различия этого класса по сравнению с другими классами, которые также имели в своих группировках большое количество участников извне, а именно — в указанном 6-ом классе участниками группировок извне являются учащиеся других общеобразовательных школ, в то время как в трудных классах половину из всех внешкольных участников группировки составляют ученики ремесленных училищ, рабочая молодежь и подростки, которые не работают и не учатся.

Для уточнения названных данных были взяты данные детской комнаты милиции, характеризующие состав группировок правонарушителей, которые были одновременно и учащимися. В группировках правонарушителей оказываются учащиеся из разных школ и рабочая молодежь, которая составляет 25% всех участников группировок правонарушителей. Группировки, отличающиеся плохим поведением, отличаются еще тем, что их состав в отношении возраста более гетерогенный.

Обследование характера деятельности группировок показало очень разнообразную картину. Превалируют разные спортивные занятия и игры, в малом количестве есть также эстетические и технические занятия. Многие формы деятельности взяты из практики пионерской работы.

Какие выводы можно сделать из разработанного материала. 1. Стихийные, спонтанные группировки детей и подростков — явление массовое и по нашим данным они в большинстве

случаев не представляют из себя особой опасности. 2. Можно полагать, что качественно иное место среди стихийных группировок занимают те группировки, в составе которых много участников вне основного коллектива данного учащегося. Поскольку материал все-таки малый, то это предположение необходимо еще проверить. В свете некоторых зарубежных социальнопсихологических исследований нам кажется очень вероятным, что потенциальную опасность представляют те группировки, состав которых более разнороден по возрастному составу и по характеру основных коллективов данных подростков. Мы полагаем, что такие группировки формируются теми подростками или юношами, которые имеют социометрически неблагоприятное положение в своем основном коллективе. Немецким ученым Форвергом (1965) установлено, что на путь преступления легко склоняются люди, слабо связанные с коллективом или отверженные коллективом. Наши социометрические измерения в одном «трудном» классе подтвердили это положение, но это следует еще проверить на основе большего количества материала. 3. Можно полагать, что на характер деятельности и состав стихийных группировок оказывает свое влияние постановка внеклассной работы в школе. Если внеклассная работа поставлена плохо, то с одной стороны, освобождается много времени для занятий в группировках а, с другой стороны, школа не может воздействовать на характер деятельности группировок. 4. В школах следует обращать особое внимание на то, с кем общаются слабоуспевающие учащиеся и нужно стремиться к тому, чтобы улучшить их положение в коллективе.

ЛИТЕРАТУРА

- Cloward, R. A., Ohlin, L. E. Delinquency and Opportunity. A theory of delinquent gangs. New York, 1963.
Helanko, R. Turun poikasakit. Turku, 1953.
Furfey, P. H. The gang age. New York, 1926.
Koemets, E. Kambaiga. — «Nõukogude Naine», 1926, nr. 8.
Mälberg, A. Õpilaste stiihilised rühmitused väikelinnas. — «Nõukogude pedagoogika ja kool». II. Tartu, 1966.
Pawelczynska, A. Przestępczości grup nieletnich. Warszawa, 1964.
Thrasher, F. M. The gang. Chicago, 1927.
Vorwerg, M. Bemerkungen zur Früherfassung kriminell gefährdeter Minderjähriger mit Hilfe sozialpsychologischer Methoden. Jugendkriminalität und ihre Bekämpfung in der sozialistischen Gesellschaft. Berlin, 1965.
Whyte, W. F. Street corner society. Chicago, 1943.
Wolman, B. Spontaneous groups of children and adolescents in Israel. JSOPs 34 1951.
Лийметс Х. И., Маркварт Э. К проблеме стихийных группировок подростков. Материалы конференции психологов Прибалтики. 17—19 июня 1966 г., Вильнюс, 1966.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

М. Блум

Кандидат юридических наук
Юридический факультет Латвийского госуниверситета
им. П. Стучки

Проблема искоренения преступности среди несовершеннолетних правонарушителей в период развернутого строительства коммунистического общества приобретает исключительное значение. Поэтому советские ученые уделяют большое внимание всем вопросам, связанным с решением этой проблемы. Одним из таких вопросов является досрочное освобождение от наказания несовершеннолетних преступников. Важность правильного решения этого вопроса обусловлена тем, что необоснованное применение досрочного освобождения к несовершеннолетним правонарушителям приводит к совершению ими новых преступлений, а также к вовлечению ими в преступную деятельность подростков, ранее не совершавших преступлений. Изучение судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних свидетельствует о том, что в преступную деятельность несовершеннолетних в большинстве случаев вовлекают их сверстники или лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста, ранее отбывавшие наказание в трудовой колонии для несовершеннолетних.¹

Поэтому борьба за искоренение и предупреждение преступности среди несовершеннолетних немислима без правильного решения вопроса о досрочном освобождении от наказания лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет.

¹ Здесь и в дальнейшем имеется в виду досрочное освобождение подростков, осужденных к лишению свободы. Досрочное освобождение подростков, осужденных к исправительным работам, не может влиять на рост рецидива среди молодежи и вряд ли может представить интерес для исследования в плоскости борьбы за искоренение преступности среди несовершеннолетних.

Значительные трудности возникают в связи с тем, что решение этого вопроса зависит в известной мере от законодательной регламентации самого института досрочного освобождения несовершеннолетних, еще в большей мере от успешной деятельности трудовой колонии для несовершеннолетних по исправлению и перевоспитанию правонарушителя, и, наконец, от того, насколько созданы подростку нормальные условия жизни и обеспечен повседневный контроль за его поведением после освобождения.

Многие из вопросов досрочного освобождения лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, достаточно глубоко освещены в уголовно-правовой литературе.²

Наиболее спорным представляется вопрос о сохранении двух форм досрочного освобождения от наказания лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет: безусловного досрочного освобождения (освобождение от наказания до достижения осужденным восемнадцатилетнего возраста), и условно-досрочного освобождения (освобождение от наказания по достижении осужденным восемнадцатилетнего возраста).

Эти две формы досрочного освобождения установлены Основами Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Безусловное досрочное освобождение от наказания, наряду с сокращением срока наказания, предусматривал также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных».³ Основы уголовного законодательства сузили сферу применения безусловного досрочного освобождения от наказания, не распространив его применение на лиц, к моменту освобождения достигших восемнадцатилетнего возраста.

Различный подход законодателя к этим двум категориям лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, трудно обосновать.

² Н. А. Стручков. Условно-досрочное освобождение от наказания. М., Госюриздат, 1961. Ю. М. Ткачевский. Досрочное освобождение от наказания. М., Госюриздат, 1962 г. М. А. Ефимов. Некоторые вопросы условно-досрочного и досрочного освобождения. — «Правоведение», 1958, № 1, стр. 84—94. М. А. Ефимов. О досрочном и условно-досрочном освобождении. — «Советское государство и право», 1958, № 11, стр. 108—111. М. А. Ефимов. Условно-досрочное и досрочное освобождение от лишения свободы и практика его применения. — «Правоведение», 1961, № 1, стр. 83—93.

³ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1958 гг. М., Госюриздат, 1959.

Этому вопросу не уделено внимание в уголовноправовой литературе, в том числе и в работах, специально посвященных досрочному освобождению от наказания. Ни один из авторов, занимавшихся исследованием проблемы досрочного освобождения от отбытия наказания, не ставил под сомнение возрастной критерий при разграничении безусловного досрочного освобождения от наказания и условно-досрочного освобождения. Справедливости ради следует отметить, что ни один из авторов не выступил в защиту существующего положения и не пытался обосновать его целесообразность.

Вряд ли можно обосновать существующее положение бережным и гуманным отношением к несовершеннолетним правонарушителям. У суда, применяющего безусловное досрочное освобождение к лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, не больше гарантий, что эти лица после их освобождения не совершат нового преступления, чем при условно-досрочном освобождении осужденных, достигших совершеннолетия. Закон добавочных гарантий не требует.

При применении одной или другой формы досрочного освобождения суд руководствуется только формальным признаком: достигло ли лицо восемнадцатилетнего возраста в день рассмотрения дела судом. Вряд ли оправдано такое решение вопроса.

Если считать необходимым сохранение безусловного досрочного освобождения от наказания лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, то более правильным представляется исходить не из формального возрастного критерия, а учитывать результаты перевоспитания несовершеннолетнего правонарушителя.

В этой связи закон мог бы предусмотреть возможность альтернативного решения вопроса о досрочном освобождении лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, предоставив право суду решать этот вопрос в зависимости от конкретных условий.

Применение безусловного досрочного освобождения в законе должно быть обусловлено наличием дополнительных оснований, которые могли бы быть расценены как гарантия, что несовершеннолетний вновь не встанет на путь совершения преступлений. Например, для применения безусловного досрочного освобождения закон может выдвинуть требование не только исправления, но и перевоспитания осужденного. Такая законодательная регламентация этого вопроса была бы более оправданной.

Решение суда о безусловном досрочном освобождении в таком случае основывалось бы не на формальном критерии

(иногда это вопрос недель или даже дней, недостающих до достижения лицом восемнадцати лет), а на показаниях, свидетельствующих о перевоспитании лица, о том, что соблюдение правил социалистического общежития, честное отношение к труду и обучению, к сохранности общественной собственности стало привычкой лица, его потребностью.

Предоставление суду права решать этот вопрос имело бы и большое воспитательное воздействие на воспитанников колоний. Безусловное досрочное освобождение рассматривалось бы самими освобожденными и остальными воспитанниками трудовой колонии как оказание судом особого доверия освобожденному.

Однако мы не настаиваем и на таком решении вопроса о досрочном освобождении. Нам представляется, что безусловное досрочное освобождение в таком виде, как оно осуществляется в настоящее время, не может себя оправдать ни с точки зрения предупреждения преступности среди несовершеннолетних, ни с точки зрения положительного воздействия на них после освобождения, поэтому от него можно вообще отказаться. Не случайно уголовный закон (Основы уголовного законодательства и уголовные кодексы союзных республик) не регулирует вопроса о том, кто должен осуществлять наблюдение за безусловным досрочно освобожденными: для установления такого наблюдения нет основания при отсутствии испытательного срока.

Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР 31 января 1962 г.,⁴ как и положения о комиссиях по делам несовершеннолетних других союзных республик вменяют в обязанность комиссий по делам несовершеннолетних осуществлять наблюдение за поведением несовершеннолетних, досрочно освобожденных от отбывания наказания.

В связи с этим постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1963 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» обязывает суды копии определений о досрочном освобождении несовершеннолетних немедленно направлять в комиссии по делам несовершеннолетних по месту их жительства.⁵

Однако практика показывает, что комиссии по делам несовершеннолетних и детские комнаты милиции не всегда успевают даже установить контакт с подростками до дости-

⁴ «Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР», 1962 г., № 8.

⁵ «Бюллетень Верховного Суда СССР», № 4, 1963, стр. 11.

жения ими восемнадцати лет. Затем подростки формально выходят из поля зрения и этих органов.

Проведенное социологическое обследование лиц, освобожденных досрочно из трудовой колонии для несовершеннолетних в Латвийской ССР в 1963 и 1964 годах и проживающих в Риге,⁶ дает основание прийти к выводу о нецелесообразности безусловной формы досрочного освобождения при отсутствии органа, осуществляющего надзор за поведением досрочно освобожденных.

Досрочно-освобожденные от отбывания наказания подростки в большинстве случаев лишаются целенаправленного планомерного воздействия. Коллективы трудящихся и общественные организации мало интересуются судьбой этих подростков, а зачастую даже не знают, что подросток досрочно освобожден от наказания. Не всегда коллективы трудящихся способны выдвинуть необходимые требования к подростку, гармонирующие с возрастными особенностями подростка.

Таким образом мы приходим к выводу, что обоснованность сохранения досрочного освобождения должна быть тщательно проверена.

Решение этого вопроса должно основываться на результатах социологического обследования упомянутого контингента освобожденных подростков. Если будет признано целесообразным сохранить безусловное досрочное освобождение подростков наряду с условно-досрочным освобождением, необходимо изменить основание для применения одной или другой формы досрочного освобождения лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет.

Законодательная регламентация условно-досрочного освобождения также нуждается в некотором изменении. Практика применения условно-досрочного освобождения к лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, дает основание для постановки вопроса о целесообразности изменить требования к поведению условно-досрочно освобождаемого.

В нашей юридической литературе последних лет ставится вопрос о необходимости внесения изменений в институт условно-досрочного освобождения. Предложения по этому вопросу сводятся к тому, чтобы в законе к лицам, освобожденным условно-досрочно, предъявлялось требование не совершать никакого нового преступления в течение неотбытой части наказания, а не только не совершать нового однородного или не

⁶ Обследование проводилось студентами экономико-юридического факультета Латвийского государственного университета.

менее тяжкого преступления. Совершение любого нового преступления в течение неотбытой части наказания должно влечь полное или частичное присоединение к наказанию, назначенному по новому приговору, неотбытой части наказания по предыдущему приговору.

Эти предложения заслуживают глубокого изучения. Более того, нам представляется, что в случае применения к лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, условно-досрочного освобождения, им должно быть вменено в обязанность в течение определенного времени устроиться на работу и возобновить учебу, примерным поведением, соблюдением норм социалистического общежития и честным трудом доказать стабильность своего исправления.

Наблюдение за поведением условно-досрочно освобожденных подростков должны осуществлять Наблюдательные комиссии при исполкомах районных или городских Советов депутатов трудящихся и под их руководством коллективы трудящихся по месту работы и учебы подростка.

Недостаточное внимание уделяется в юридической литературе и вопросу о сроках фактического отбытия наказания, дающего право на досрочное и условно-досрочное освобождение лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет.

Как известно, ныне действующее законодательство (Основы уголовного законодательства и уголовные кодексы союзных республик) необходимым условием для применения досрочного освобождения к лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет и примерным поведением и честным отношением к труду и обучению доказавшим свое исправление, считает фактическое отбытие не менее одной трети срока наказания. Так же этот вопрос решался и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1954 года «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет». Однако в течение двенадцати лет не было проведено достаточно глубоких социологических исследований, которые подтвердили бы обоснованность этого положения. Нам представляется законодательная регламентация этого вопроса вовсе не бесспорной. Представляется целесообразным при установлении в законе минимального срока фактического отбытия наказания при досрочном и условно-досрочном освобождении учитывать тяжесть совершенного преступления. Игнорировать это обстоятельство в законе нельзя, так как тяжесть совершенного преступления отражает глубину антисоциальной установки подростка, степень его социальной запущенности. Нивелирование

в самом законе тяжести совершенного преступления при досрочном освобождении также снижает и общепредупредительное значение наказания. Таким образом, мы приходим к выводу, что закон, устанавливая основания для досрочного и условно-досрочного освобождения лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, должен учесть и особую тяжесть совершенного подростком преступления, предусмотрев для этих лиц более длительный срок фактического отбытия наказания как условие, дающее право при их исправлении на досрочное освобождение.

Требование законом фактического отбытия не менее одной трети срока наказания для применения досрочного или условно-досрочного освобождения прочих лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, не вызывает возражений, тем более, что фактическое отбытие одной трети срока наказания подростком даже и при наличии всех прочих оснований для досрочного освобождения не дает подростку права требовать досрочного освобождения и соответствующую обязанность суда освободить его досрочно, а только право суда применить или не применить досрочное освобождение.

Воспользуется ли суд этим своим правом досрочного освобождения подростков, в значительной мере зависит от того, когда комиссия по делам несовершеннолетних или администрация трудовой колонии для несовершеннолетних по согласованности с Комиссией по делам несовершеннолетних обратятся в суд с представлением о досрочном или условно-досрочном освобождении. Нам представляется, что вопрос о том, каким должен быть фактический срок содержания конкретного осужденного подростка в трудовой колонии, не должен решаться произвольно ни теми органами и лицами, которые по закону имеют право вносить представления о досрочном освобождении в суд, ни судом, решающим этот вопрос по существу.

Срок фактического содержания в колонии лица, совершившего преступление в возрасте до восемнадцати лет, должен быть научно обоснован и поэтому в рамках закона строго индивидуален. Он должен решаться, исходя из материалистического понимания взаимодействия объективных условий и субъективного фактора в исправлении правонарушителя, в изменении его сознания, привычек, характера и психологии. Правильное использование и сочетание всех средств воспитания может обеспечить достижение желаемого результата — исправления несовершеннолетнего преступника в кратчайший срок. Однако, даже самое целенаправленное воздействие на сознание несовершеннолетнего правонарушителя требует

определенного времени, чтобы искоренить порочные убеждения и привычки и привить новые, соответствующие марксистскому мировоззрению и требованиям коммунистической морали.

Изучение практики применения досрочного освобождения в трудовой колонии для несовершеннолетних в Латвийской ССР дает основание сделать вывод о том, что несовершеннолетние правонарушители содержатся, в среднем, в колонии до одного года.

Является ли этот срок достаточным для выработки устойчивых навыков и привычек, отвечает ли он законам образования привычек, сформулированным одним из выдающихся педагогов К. Д. Ушинским, это вопрос, нуждающийся в более глубоком его изучении юристами, педагогами и психологами совместно.

При решении этого вопроса не должны упускаться из виду ни фактические условия в трудовой колонии (организация труда, учебного процесса, политико-воспитательной работы), ни уровень подготовки кадров воспитателей, ни субъективные физиологические и психологические особенности подростков и глубина укоренившихся порочных навыков и привычек.

Нельзя не учитывать и того, что контакт с правонарушителями, преступной средой на отдельных подростков может оказать и отрицательное влияние, а их длительное содержание в колонии может быть даже пагубным.

Практика применения досрочного и условно-досрочного освобождения свидетельствует о том, что назрел вопрос о выработке единой согласованной системы контроля и надзора за поведением молодых людей, условно-досрочно и досрочно освобожденных из трудовой колонии для несовершеннолетних и исправительно-трудовой колоний с тем, чтобы помочь им в трудоустройстве, устройстве на учебу, в преодолении трудностей и недоверия к ним, чтобы предостеречь их от дурного влияния и совершения новых преступлений. Это вопрос первостепенной важности, от решения которого во многом зависит установление преэминентности в воспитании молодых правонарушителей и искоренение рецидивной преступности.

РЕЖИМ В ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

С. Граужинис

Кандидат юридических наук

Юридический факультет Латвийского госуниверситета

им. П. Стучки

Лишение свободы как мера уголовного наказания практически приводится в исполнение советскими исправительно-трудовыми учреждениями. Такими учреждениями для несовершеннолетних являются трудовые колонии.

Трудовая колония для несовершеннолетних является исправительно-трудовым учреждением, в котором содержатся лица в возрасте до 18 лет, осужденные к лишению свободы. Воспитанники мужского и женского пола содержатся в разных колониях.

Вся работа трудовых колоний подчинена задаче подготовки несовершеннолетних к общественно полезной трудовой жизни и воспитания их в духе советского патриотизма и любви к социалистической Родине.

Разумеется, что условия содержания и исправительно-трудовое воздействие на воспитанников в трудовых колониях для несовершеннолетних, в отличие от мест лишения свободы для взрослых, имеют специфические особенности, обусловленные возрастом осужденных.

Однако трудовые колонии для несовершеннолетних при всей мягкости установленного для них режима являются одним из видов мест лишения свободы. Воспитанники колонии находятся под надзором и охраной, обеспечивающими изоляцию их от общества на определенный в приговоре суда срок.

Основные средства исправительно-трудового воздействия на осужденных к лишению свободы являются:

- а) общественно-полезный труд;
- б) режим отбывания наказания и

в) политико-воспитательная работа, а также общеобразовательное и профессионально-техническое обучение.

Эти все средства исправления и перевоспитания осужденных должны применяться с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного, а также поведения осужденного и его отношения к труду и учебе во время отбывания лишения свободы.

Важнейшим элементом, определяющим успех перевоспитания воспитанника в трудовой колонии, является его добросовестное и активное участие в общественно полезном труде и учебе, строгое соблюдение установленных правил режима.

Режим в исправительно-трудовых учреждениях — это порядок исполнения наказания (лишения свободы), направленный на обеспечение исправления и перевоспитания осужденных посредством применения и использования средств и методов исправительно-трудового воздействия.

Режим в трудовых колониях для несовершеннолетних обеспечивает изоляцию воспитанников, постоянный надзор за ними, дисциплину, организованность и порядок, а также создает условия для наиболее успешной организации учебно-воспитательной работы среди воспитанников.

Обязанности воспитанников в колонии определяются требованием режима. Все воспитанники обязаны отбыть наказание, беспрекословно и аккуратно выполнять правила режима и внутреннего распорядка, добросовестно учиться в школе и в мастерской, точно и вовремя выполнять распоряжения и указания администрации, учителей, мастеров и других сотрудников колонии.

В основе режима лежит распорядок дня. В распорядке дня определен кругосуточный регламент жизни осужденных несовершеннолетних.

Распорядок дня в трудовой колонии для несовершеннолетних организуется и строится так, чтобы воспитанники постоянно были заняты полезным делом и вовлечены в различные мероприятия учебно-воспитательного характера.

Например, в* трудовой колонии для несовершеннолетних Латвийской ССР установлен следующий распорядок дня.

Подъем в колонии проводится в 7.00, с 7.00 до 8.00 часов физзарядка, туалет, заправка коек, уборка помещений, утренняя проверка и завтрак. С 8.00—14.00 часов воспитанники обучаются в школе, подготавливают уроки на следующий день и проводятся занятия по техминимуму. Обеденный перерыв с 14.00 до 15.00. С 15.00 до 20.00 часов работа в производственных мастерских.

После ужина с 21.00 до 22.30 минут время используется следующим образом:

- по понедельникам — политзанятия;
 - по вторникам и средам — кружковые занятия;
 - по четвергам — лекции, беседы или демонстрация документальных или научно-популярных кинофильмов;
 - по пятницам проводятся собрания осужденных по отделениям, отрядам или общие собрания воспитанников;
 - по субботам демонстрируется художественный кинофильм.
- В 22.30 — вечерняя линейка. В 23.00 часа отбой.

На выходные дни время воспитанников распределяется по отдельному плану, который составляется накануне учебно-производственной частью. Кроме того каждое воскресенье двум отделениям представляются свидания с родственниками.

Наблюдение за выполнением осужденными распорядка дня, соблюдением установленного режима в колонии осуществляется не только дежурным воспитателем, его помощником и надзирателем суточного наряда, но и всеми сотрудниками колонии.

Режим в трудовых колониях обеспечивается при помощи различных средств, главным образом — воспитанием и убеждением.

Поведение воспитанников всегда и везде должно находиться в центре внимания администрации колонии. Для поддержания порядка администрация использует как средства убеждения, поощрения и общественного воздействия, так и меры принуждения.

Требовательность к воспитанникам и применение мер взыскания и поощрения должны основываться на строгом соблюдении закона, справедливом отношении к воспитанникам.

Практика работы трудовых колоний для несовершеннолетних свидетельствует, что несовершеннолетние старшей возрастной группы, осужденные за тяжкие преступления, повторно судимые, нередко дезорганизуют нормальную работу колонии, разлагающе влияют на других.

Несовершеннолетние, лишённые свободы, должны быть размещены раздельно не только по полу, но и по срокам наказания и степени опасности как совершенных ими преступлений, так и личности. Тем самым будут созданы благоприятные условия для исправления и перевоспитания несовершеннолетних.

В зависимости от характера совершенного несовершеннолетним преступления и его поведения в период отбывания наказания целесообразно предусмотреть в Латвийской ССР, кроме общего типа, также и колонию усиленного или строгого

режима для несовершеннолетних. Это обеспечило бы более успешное воспитательное воздействие на воспитанников. В отличие от колонии с общим режимом в колонии с усиленным или строгим режимом следовало бы предусмотреть усиленную охрану и надзор.

Вид режима должен быть установлен судом. Целесообразно также отнести к компетенции суда и решение вопроса о переводе несовершеннолетнего из колонии общего режима в колонию со строгим или усиленным режимом.

Режим должен строго регулироваться нормами, изданными в соответствии с законом, инструкциями и правилами, а также основанными на них действиями администрации колонии.

Положение о детских трудовых колониях Министерства внутренних дел СССР от 19 июля 1959 года в настоящее время устарело и не соответствует деятельности трудовых колоний для несовершеннолетних. Поэтому необходимо разработать и в законодательном порядке утвердить новые нормативные акты о трудовых колониях для несовершеннолетних. Это даст возможность укрепить социалистическую законность в деятельности трудовых колоний для несовершеннолетних, что, безусловно, будет способствовать более успешному исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКШИЕ В ПРАКТИКЕ НАРОДНОГО СУДА Г. ТАРТУ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И. Адоян

Председатель Народного суда г. Тарту

По данным народного суда г. Тарту одна треть несовершеннолетних, совершивших преступление в 1965 году, была привлечена к уголовной ответственности.

Из общего числа осужденных несовершеннолетние составляют 13,1%. За последние три года число осужденных несовершеннолетних преступников составило 14—15% от общего числа осужденных. Несовершеннолетние, осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, находились под постоянным контролем членов Совета народных заседателей, которые посещали их в основном по месту работы, интересовались их поведением и отношением к труду. Среди этих лиц не было таких, которые совершили новые преступления.

При рассмотрении уголовных дел по обвинению несовершеннолетних, возникает ряд проблем, связанных с тем, как предупредить правонарушение подростков. В данной информации затрагивается два вопроса: создание специальных школ, как одна из мер предупредительного характера, и своевременное привлечение к уголовной ответственности того, кто совершил преступление и ранее подвергался мерам воспитательного характера за более мелкие правонарушения.

1. Необходимо как можно раньше пресечь переход подростка на путь правонарушений. Часто такой переход вызван различными условиями, в первую очередь, семейными обстоятельствами, бытовой неустроенностью, нежеланием или невозможностью нормально учиться. Такому подростку необходимо оказать своевременную помощь, направить его на правильный путь.

Среди подростков, которые привлекались к уголовной от-

ветственности в 1965 году, 75% имели образование от 5 до 7 классов.

В ряде случаев оставление школы вызывается тем, что некоторые ученики не могут, в силу отставания в развитии, успешно учиться на уровне класса и постепенно теряют интерес к учебе, остаются на второй год и в конце концов совсем бросают учебу. Такие подростки чаще всего совершают правонарушения, вначале незначительные, затем более серьезные и оказываются на скамье подсудимых. Некоторые подростки бросают учебу и потому, что в семье складываются для этого благоприятные условия. Подросток иногда находится без надзора, родители или чаще мать, которая работает, занята несколькими детьми, не может оказать должной помощи и проявить требовательность, и таким образом появляются проблемы в воспитании ребенка.

Следует обсудить и при положительном отношении к этому вопросу соответствующих органов организовать в городе на базе существующих школ особую школу с 5—8 кл., куда бы переводились такие ученики, которые по вышеуказанным причинам не способны заниматься в общей школе. Способности ученика выявляются обычно в 5—6 классах.

Данная школа должна быть школой продленного дня и в ней наряду с общеобразовательными предметами необходимо обучать учеников трудовым навыкам больше, чем это возможно в обычной школе. Очень важно усилить воспитание детей, поручить это воспитателям, которые имели бы возможность следить за приготовлением уроков, заниматься с ними в свободное время и иметь тесную связь с семьей.

Такая школа могла бы оказать положительное влияние в предупреждении преступлений подростков. Следует подчеркнуть, что в данном случае имеются в виду именно такие ученики, которые в определенных условиях могут учиться и при должном воспитании будут нормально развиваться, которых принято среди учителей называть трудными детьми.

2. В случае, если подросток совершает преступление не впервые и к нему ранее применялись меры воспитательного характера, однако, он вновь совершает более тяжкие преступления, то не следует оставлять их безнаказанными. В особенности в том случае, когда видно, что родители не способны оказать должного влияния на подростка. В таких случаях отказ от возбуждения уголовного дела и неоднократная передача вопроса на обсуждение комиссии по делам несовершеннолетних при горисполкоме, создает у подростка и его родителей впечатление безнаказанности. Кроме того, это отрицательно влияет и на других подростков, которые совершают менее

значительные правонарушения. Примером такого явления служит поведение 17-летнего Виктора Ф. До 15 марта 1965 г., к моменту рассмотрения его дела в комиссии по делам несовершеннолетних при горисполкоме, Ф. вместе с другими в течение лета — осени 1964 г. совершил 9 краж, в том числе кражи со взломом, воруя, кроме продуктов, различные носильные вещи у граждан на сумму от 3 до 96 рублей.

После предупреждения комиссии 11 июля 1965 г. Ф. украл вместе с двумя подростками мотороллер, стоимостью 320 рублей. За это преступление Ф. к уголовной ответственности не привлекался, и дело вновь рассматривала комиссия по делам несовершеннолетних. 16 октября 1965 г. Ф. совершил злостное хулиганство, в ходе которого нанес две ножевые раны подростку О. Только теперь Ф. был привлечен к уголовной ответственности и понес строгое наказание, связанное с лишением свободы. Если бы Ф. был привлечен к уголовной ответственности своевременно, т. е. после кражи мотороллера, то несомненно это пошло бы ему на пользу и он не заслуживал бы строгого наказания.

К сожалению такие случаи не единичны и необходимо, проверяя все обстоятельства, своевременно применять нужные меры воздействия, т. к. это будет способствовать предупреждению более тяжких преступлений.

РОЛЬ ШКОЛЫ, ДОМА И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В БОРЬБЕ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В. Йохансон

Зам. председателя ИК

СДТ Тартуского района

В связи с развитием нашего общественного порядка и ростом культурного уровня непрерывно растет и роль общественных форм воздействия на воспитание детей. Но это не означает освобождения семьи от обязанностей в воспитании детей. Общественное воспитание не может быть полноценным, если оно органически не связано с семейным воспитанием, а наоборот. Поэтому постановка проблемы, кто больше отвечает за воспитание детей: семья, школа или общественность, приносит вред воспитанию молодежи. Для воспитания из нашей молодежи замечательных, трудолюбивых с высокими моральными качествами членов общества необходимо, чтобы семья, школа и общественность объединили свои усилия в одном направлении. Ясно, что большая часть здесь ложится на школу и учителей, т. к. формирование сознательности учащегося, рост его как человека, как советского гражданина происходит в школе.

Хорошая взаимная работа школы и дома всегда давала положительные результаты в учебе, поведении детей, в формировании их свойств характера.

К сожалению, встречаются еще у нас такие семьи, где царит нездоровая обстановка, низкая культура быта, безответственное отношение к воспитанию своих детей. Школа одна часто не в состоянии найти меры воздействия в отношении таких семей и родителей. Наоборот, такие родители чаще всего являются усердными обвинителями школы, учителей, классных руководителей и всех других в плохом воспитании их детей. Материалы, обсуждаемые на комиссии по делам несовершеннолетних, говорят о том, что чаще приходится иметь дело с детьми из таких семей, где проявляется упрямство, не-

доброжелательность, безразличие, грубость, преступные наклонности, употребление алкоголя, аморальный образ жизни и др. В воздействии на них, в повышении их ответственности и улучшении отношения в воспитании своих детей во многом может помочь школе общественность.

Под общественностью мы подразумеваем общественные организации, местных депутатов, родительский актив, народные дружины и т. д. Существенная часть в борьбе с преступностью несомненно приходится на общественность. Она приносит большую пользу в организации содержательных мероприятий для нашей молодежи, в правильном помогающем и направляющем совете подросткам. На основании опыта можно сказать, что при воздействии на семьи, где имеются малолетние правонарушители можно добиться лучших результатов в отношении родителей и детей, если решительно и активно вмешается в это общественность.

Общественность состоит из нас, и каждый трудящийся и гражданин сделает много, если немедленно прореагирует в случае обнаружения неправильного факта поведения несовершеннолетнего. К сожалению, еще часто можно наблюдать такую картину, что многие взрослые проходят мимо, когда подростки ломают деревья, кусты, покупают алкогольные напитки, папиросы, курят, пьют вино в общественных местах. нецензурно выражаются.

Деятельность подростков не ограничивается только школой и домом, они посещают общественные места, магазины, столовые, культурные учреждения, кино, кроме того — путь из школы домой, автобусы.

Для осуществления надзора и предупреждения правонарушений многие районные школы распределили микрорайоны, где бывают подростки, между родительским активом, учителями, местными сельсоветами, депутатами. Опыт школ Ыви, Каарли, Эльва, Тамме, Ляхте и др. показывает, что от этого была большая польза. Ряд школ наладил хорошую связь с работниками местных магазинов, что дает возможность немедленно обнаружить случаи кражи и траты денег детьми.

Каждый день около 3000 учащихся пользуются бесплатным транспортом. Нюская школа и др., узнавая о недостойном поведении ученика в автобусе, через родительский актив, лишает его на определенное время права бесплатного проезда.

Уже четвертый год в Эльва успешно существует общественная детская комната милиции, в работе которой принимают участие родители, учителя, пенсионеры, представители учреждений. Руководит работой совет из 10 членов. Совет при помощи учителей организует широкий актив, который соответ-

ственно плану и графику устраивает рейды на дом, патруль-рейды по городу, особенно на территории железнодорожной станции. Много работы делается для того, чтобы предупредить попадание несовершеннолетних на неправильный путь. Все правонарушители взяты на учет (из 1100 учащихся их 17). Ведется дневник патрулирования и берутся на учет слоняющиеся без дела дети. В совете детской комнаты дается воспитательная консультация. Результаты следующие: в Эльва исчезли праздные шляния и осеннее опустошение садов. В отношении тех родителей, которые не подчиняются требованиям патруля и совета детской комнаты, принимаются соответствующие меры (обращаются по месту их работы и т. д.). Подобные детские комнаты милиции на общественных началах работают в Калласте, Нью, Пийрисааре, Пухья и в Рынгу.

В 1965/66 учебном году с целью укрепления связи между школой и домом в школах Тартуского района одним из основных вопросов запланировано много содержательных мероприятий для оживления работы с родителями и педагогической пропаганды. Родительское отделение при Эльваском народном университете, лектории и школы для родителей имеются при большинстве 8-летних и средних школах. Лаэваская 8-летняя школа провела недавно родительскую конференцию. По-деловому советовались с членами родительского комитета, обменивались опытом в вопросах воспитания. Некоторые родительские комитеты на местах подняли вопрос о некоторых родителях, плохо относящихся к воспитанию своих детей, о лишении их родительских прав. Все это говорит о поисках школ и об оживлении работы с родителями. Конечно, это еще не везде достигнуто. Для повышения роли и участия общественности в решении проблем воспитания молодежи было проведено в конце 1965 года заседание совета депутатов на тему «Школа, дом и общественность». Этому предшествовало активное участие местных депутатов в подготовке вопроса на местах. Раньше и до сего времени местные сельсоветы и горсоветы при участии широкого актива школ и родителей планируют меры для улучшения положения на местах в предупреждении преступлений несовершеннолетних. Такой широкий охват актива и общественности несомненно поможет предупреждению и избежанию правонарушений несовершеннолетними, своевременному реагированию и применению соответствующих мер.

Влияние на учащихся и подростков происходит непосредственно в школе. Комиссией по делам несовершеннолетних для предупреждения безнадзорности и преступлений уделялось большое внимание профилактической работе. В прош-

лом году были взяты на учет дома и семьи, где недостаточно времени уделялось воспитанию детей.

Большую часть общественного актива составляют учителя. Постоянно проводились семинары для общественных инспекторов по опеке, для классных руководителей, где с докладами выступали сотрудники отдела народного образования, милиции и прокуратуры.

Летом 1965 года на заседании Совета депутатов трудящихся Тартуского района обсуждался вопрос «Борьба с преступностью», в результате чего оживилось использование новых форм в профилактической работе по воспитанию несовершеннолетних. Так педагогическим коллективом Рынгуской 8-летней школы создана комиссия, где разбирают положение воспитания детей в отдельных семьях, проводят педагогическую пропаганду и осуществляют надзор над поведением несовершеннолетних. Обсуждение вопросов воспитания на местах работы родителей, создание общественного мнения — большой вклад в работу по борьбе с малолетней преступностью.

Особенно хочется отметить колхоз Выртсарвэ (председатель К. Рааве), где правление трижды обсуждало вопросы домашнего воспитания в четырех семьях. В 1965 году при совете коммунистического воспитания местного хозяйства создали штаб из 15-ти членов, задачей которого является помощь тем школам, где учатся дети работников колхоза Выртсарвэ. Штаб принял обязательство помочь ликвидации беспричинного невыполнения всеобщего, ликвидации безнадзорности, бродяжничества учащихся, посещения вечерних киносеансов. Взяли шефство над семьями, где дети воспитываются неправильно, взяли под контроль деятельность учащихся вне школы и дома. Такое отношение руководства местного хозяйства во многом помогло школам в преодолении трудностей в воспитании.

Раннуская, Ляхтеская, Эльваская и др. школы практиковали метод коллективного посещения домов при участии преподавателей, представителей родительского комитета, местной партийной организации, профсоюза и администрации производства. Это также дало хорошие результаты. Вообще производство может многое сделать в воспитании родителей несовершеннолетних. Об этом говорит опыт работы Эльваского комбината местного хозяйства, где продолжительное время действует комиссия по делам родителей и несовершеннолетних, которая интересуется преуспеванием в воспитании детей всех своих работников. Опыт совхоза Выртсарвэ и Эльваского комбината местного хозяйства надо подчеркнуть еще и потому, что они пользуются не только мерами наказания. Там ведется

учет успеваемости и дисциплины детей каждого работника. Сообща радуются и успехам детей.

Совхозы Арент, Камбья, Рынгу, Соотага, колхоз Ранну и др. тоже серьезно относятся к вопросу воспитания детей своих работников. К сожалению, не везде еще встречается правильное и своевременное реагирование. Больше всего материалов в районном масштабе разбиралось о кражах, совершенных несовершеннолетними, где по причине несовершеннолетия нельзя подвергнуть участников уголовной ответственности. Как положительное надо отметить, что большинство вопросов ограничивалось однократным обсуждением. Большое количество материала для разбора поступало из распавшихся семей, где пример неправильного поведения родителей повлиял и на их детей.

Нарушение законов со стороны несовершеннолетних чаще всего происходит в летний период, когда надзор над поведением несовершеннолетних ослабевает и не всегда возможно привлечь каждого подростка к мероприятиям воспитательного или спортивного характера или заинтересовать полезной работой и деятельностью. Поэтому одним из существенных путей предупреждения преступлений молодежью является лучшее проведение летней работы и периода отдыха.

С удовлетворением можно отметить, что в последние годы общественные силы стали более активными, что проблема воспитания детей не является только делом школы и семьи, но становится и основной орбитой внимания общественности. Используются различные формы работы, но, к сожалению, еще не везде. Многое здесь зависит от инициативы школы, от наличия контакта и взаимной работы с руководством хозяйства и предприятия, с общественными организациями.

ВОПРОСЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. Лиеле

Доктор юридических наук

Юридический факультет Латвийского гос. университета
им. П. Стучки

Общая картина борьбы с преступностью несовершеннолетних делится на два основных плана. В первый план входит вся совокупность активности семьи, школы, общества и государства по развитию нравственного и правового сознания ребенка и подростка, созданию положительного склада его мышления и характера, соответствующих жизни в социалистическом обществе и требованиям его дальнейшего развития.

Второй план возникает, если первый нарушен преступлением. Его составляет совокупность активности тех же субъектов, однако действующих уже в обратном порядке (государство — общество — школа — семья). Цель в этом случае — восстановить нарушенный нормальный ход развития виновного, направить его дальнейшее воспитание по надлежащему руслу, короче говоря — его исправить.

Эта же цель преследуется и при условном осуждении несовершеннолетних. Однако, нужно отметить, что среди прочих мер воздействия, применяемых несовершеннолетнему правонарушителю, условное осуждение занимает особое место.

При условном осуждении отсутствует реальная кара, не назначаются также конкретные воспитательные меры. Весь институт условного осуждения, исторически возникший как корректив недостатков краткосрочного лишения свободы, строится на психологической основе. Условное осуждение, с одной стороны, предполагает воздействие на виновного убеждением, доверием, что, бесспорно, оказывает влияние на правонарушителей, не утративших еще здорового морального ядра своей личности. С другой стороны, условное осуждение влияет нравственным принуждением, угрозой при-

ведения приговора в исполнение, при несоблюдении условно-осужденным известных требований поведения в течение испытательного срока.

Если связать условное осуждение и ожидаемый результат, то оказывается, что обе стороны психологического воздействия условного осуждения характерны тем, что для успешного соблюдения условий испытательного срока они требуют осознанного волевого поведения виновного. Предполагается, что при выборе альтернатив поведения мотив, вытекающий из осознания оказанного доверия и принудительных условий испытательного срока будет сильнее мотива, побуждающего к противоправному действию.

Во многих случаях это именно так. Но такой механизм поведения типичен только для взрослого условно осужденного — человека с вполне развитыми умом и волей. Да и то в случаях эмоционально обусловленных преступлений (хулиганство, причинение телесных повреждений в ссоре, убийство на почве ревности или мести и т. п.), а также всех преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, этот механизм в нужный момент вряд ли сработает. Поэтому-то и нужны дополнительные гарантии добропорядочного поведения условно осужденного.

С расширением участия общественности в уголовном судопроизводстве на помощь пришел контроль коллектива за поведением условно осужденного, проведение с ним воспитательной работы (ч. 3 и 4 ст. 42 УК Латвийской ССР; ч. 4 и 5 ст. 44 УК РСФСР). В результате чего практика условного осуждения, несмотря на ее недочеты, получила широкое распространение.¹

В постановлении Пленума Верховного Суда Латвийской ССР на основании обобщений отмечено, что эта практика себя вполне оправдала, так как условно осужденные, переданные на исправление коллективу, как правило, не совершают повторных правонарушений, трудятся дисциплинированно и ведут себя хорошо.²

Совсем другую картину представляет собой условное осуждение несовершеннолетних. Здесь мы не находим такого благополучия, хотя удельный вес условного осуждения несовершеннолетних в Латвии заметно превышает условное осужде-

¹ Из общего числа осужденных, количество условно осужденных составляло: в 1958 г. — 9,6%; 1959 — 14,6%; 1960 — 21,2%; (см. «Бюллетень Верховного Суда Латвийской ССР», № 2, 1961, стр. 24). По новейшим данным Верховного Суда Латвийской ССР эта цифра в 1963—1966 годах в Латвии урегулировалась на 14—15%.

² См. «Бюллетень Верховного Суда Латвийской ССР», № 1, 1963, стр. 19.

ние взрослых (по отношению к общему количеству осужденных).

За последние 3 года (1964—1966) из всех осужденных несовершеннолетних в Латвии условно осуждены 25—26⁰/₀, а за тот же период общее количество условных осуждений составляло лишь 14—15⁰/₀. Кроме того по делам несовершеннолетних использование дополнительного к условному осуждению воздействия (передача «на исправление и перевоспитание») исчезает из судебной практики в быстро убывающей прогрессии: под наблюдение коллектива в 1964 году еще были переданы 20⁰/₀ из всех условно осужденных несовершеннолетних, а в 1966 году — лишь 6,3%. В первом квартале 1966 года на так называемое «исправление и перевоспитание» коллективу не был передан ни один несовершеннолетний, хотя удельный вес подростков-правонарушителей, полностью стоящих вне коллектива (т. е. — не работающих и не учащихся), незначителен.

Эти данные вызывают тревогу, потому что из числа повторно осужденных несовершеннолетних, помещенных в трудовую колонию, 50% оказываются осужденными условно незадолго до рецидива!

Изучение практики показывает, что в большинстве случаев нет основания сомневаться в достаточной обоснованности применения судами условного осуждения. Следовательно, главную причину рецидива несовершеннолетних следует искать в недостатках заботы о них после условного осуждения.

Точкой отправления при разрешении проблемы исправления и воспитания условно осужденного подростка должно быть осознание психологической неравнозначности его условного осуждения с осуждением взрослых. Ни оказанное доверие, ни угроза приведения приговора в исполнение, создающие устойчивый мотив поведения в течение испытательного срока, не могут оказать такого же влияния на подростка, в силу его несравнимо большей эмоциональности, неустойчивости воли. Было бы наивным полагать, что условно осужденный подросток в течение 2—3 лет испытательного срока будет в состоянии противопоставить любому искушению свое осознанно волевое поведение. Поэтому естественно, что после состоявшегося условного осуждения необходима особая о нем забота, дополнительно к психологическим стимулам поведения, вытекающим из применения самой этой меры.

Большинство из многочисленных мероприятий, используемых ныне в отношении условно осужденного несовершеннолетнего преследуют цель «исправления и перевоспитания» виновного. Имеют место различные методы и формы, начиная с бесед, назиданий и обсуждений до шефства и общественного

контроля. И при этом опять-таки у осужденного подростка предполагается способность осознанно волевого поведения в любых ситуациях и при любых альтернативах, предлагаемых жизнью, хотя в большинстве случаев объективные условия существования условно осужденного остаются те же: качество и интенсивность воздействия среды, его взаимодействие с нею не меняется.

Можно ли надеяться на стабильное изменение поведения условно осужденного лишь под влиянием мероприятий воспитательного характера? Думается, что нет, так как большинство несовершеннолетних правонарушителей, как были, так и остаются либо в условиях неполной или распавшейся семьи, либо в условиях дефектной социальной среды и прежних порочных связей. Существующие многочисленные формы создания у условно осужденного подростка дополнительных стимулов добропорядочного поведения не могут обеспечить большего, чем это вытекает из их структуры и используемых методов. Советы народных заседателей, советы родителей, детские комнаты, шефство в его теперешних формах и даже комиссии по делам несовершеннолетних, не могут создать условно осужденному подростку самого важного: повседневной солидарности добропорядочного поведения, действительно повседневного положительного нравственного влияния среды: в самом широком значении этого слова.

Одной из причин при этом является не только структура и функции органов и организаций, занимающихся юными правонарушителями, но также отсутствие глубоко выясненных данных о личности и условиях жизни виновного подростка.

Нет основания ставить под сомнение действующую систему форм и методов борьбы с преступностью несовершеннолетних, — через нее проводится большая и полезная работа, но из нее выпала подлинная забота об условно осужденных. Даже комиссии по делам несовершеннолетних ими почти не занимаются. Отсутствует полный учет и достаточная помощь. Условно осужденные (если не считать эпизодического контроля совета народных заседателей и других организаций) практически предоставлены сами себе и влияниям той же социологической микроструктуры общества, в котором они пребывали до осуждения, т. е. они остаются в тех же условиях, которые однажды уже привели к преступлению. Следовательно, рецидив для большинства почти неизбежен. В таких обстоятельствах условное осуждение подростка профилактически неоправдано.

Итак — в чем же должна и в чем может выражаться реальная помощь условно осужденному подростку в целях его исправления?

На первое место следует выдвинуть не тезис «исправления и перевоспитания» виновного, а выяснение и устранение причин, обусловивших его правонарушение. Сочетание с воспитательной работой при этом, конечно, нужно, но никаких особых методов и форм лишь с этой целью изыскивать нет надобности. Правонарушение и условное осуждение сами собою не меняют ни нравственную природу, ни характер подростка. Они должны расцениваться не как причина, а как следствие, как сигнал к неотложному повороту его воспитания в нормальное русло.

Но вполне обычные методы воспитания — учение, труд совершенно необходимо сочетать с изучением и устранением объективных и субъективных причин преступного деяния, т. е. социологических и психологических факторов, обусловивших правонарушение.

Так как в действующей системе нет звена, достаточно приспособленного к выполнению таких задач, то, видимо, было бы целесообразно создать институт специально подготовленных лиц, способных не только формально, но по существу глубоко разобраться и в причинах правонарушения подростка, и в изыскании средств, нужных для их устранения, если это возможно по обстоятельствам жизни виновного.

Должностных лиц, входящих в такой институт, можно было бы, по примеру тех зарубежных социалистических стран, где эта идея уже получила развитие, назвать либо полечителями, либо кураторами (Польская Народная Республика, ГДР). Круг их полномочий должен быть определен в законе.

Было бы целесообразно также в разумных границах далее развивать передачу условно осужденных несовершеннолетних на исправление и воспитание коллективам, где это возможно по обстоятельствам дела.

Выводы из всего сказанного могут быть следующие.

Цель и психологическая основа условного осуждения едины, независимо от того, на каком основании и при каких условиях оно применено, однако, пути достижения цели исправления и воспитания условно осужденного различны. Они зависят не только от характера правонарушения и его совершившего подростка, но, главным образом, от устранения причин и обстоятельств, обусловивших правонарушение и способствовавших ему.

В процессе исправления несовершеннолетнего правонарушителя акт условного осуждения должен рассматриваться лишь как разрешение вопроса о способах и характере его дальнейшего пути, а не как его начало.

Начало заботы по исправлению несовершеннолетнего пра-

вонарушителя должно быть отнесено к моменту, когда с достоверностью выяснены событие преступления и его совершившее лицо.

И эта особая забота должна продолжаться по крайней мере в течение периода испытательного срока. При этом один лишь контроль за поведением условно осужденного нельзя признать достаточно действенным средством исправления и предотвращения рецидива.

Проверка поведения условно осужденного несовершеннолетнего, надзор за ним влияют на исправление лишь косвенно; основная задача — своевременное выявление и устранение препятствий, существующих на пути нормализации его жизни и труда, а также обеспечение солидарности поведения ближайшего окружения виновного подростка в области предъявляемых к нему требований.

Труд и учение условно осужденного — основные факторы его исправления и воспитания. При отсутствии надлежащих возможностей в семье и трудовом коллективе, следует признать целесообразным помещение условно осужденного подростка в школу-интернат на период испытательного срока с учетом возраста и образования виновного.

Так как забота о несовершеннолетнем правонарушителе должна быть начата задолго до вынесения приговора и продолжена за границами испытательного срока, целесообразна организация специального института попечителей по делам несовершеннолетних правонарушителей.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. Романов

Кандидат юридических наук
Организационно-методический отдел МВД ЭССР

Анализ статистических данных показывает, что количество совершенных в Эстонской ССР в 1965 году преступлений по сравнению с 1961 годом значительно уменьшилось. В республике привлекаемые к уголовной ответственности подростки составляют менее одного процента от всех несовершеннолетних в возрасте 14—17 лет. Преступность же несовершеннолетних за 1961—1965 годы не сократилась.

Наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними, являются кражи государственного, общественного и личного имущества граждан, а также хулиганство. Несовершеннолетние совершают и такие опасные преступления, как грабежи, разбойные нападения, умышленное нанесение особо тяжких телесных повреждений и изнасилования. В отдельных случаях встречаются и факты совершения умышленных убийств.

Все это вызывает серьезную тревогу и требует принятия незамедлительных и решительных мер по предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

1. Преступление совершается в результате совокупности обстоятельств, способствующих совершению общественно опасного деяния.

Устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, а именно: антиобщественных аморальных взглядов и привычек, недостатков в воспитании подростков в семье, школе, на производстве; недостатков в трудоустройстве молодежи; отрицательного влияния антиобщественных элементов; употребление несовершеннолетними спиртных напитков; недостатков в работе государственных органов, осуществляющих борьбу с преступ-

ностью, и других, — способствует предупреждению преступлений несовершеннолетних.

Либерализм к аморальным деяниям несовершеннолетних и безнаказанность этих деяний являются также условиями, способствующими совершению новых правонарушений несовершеннолетними.

2. На практике и в литературе при определении причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, встречается односторонний подход.

Не только устранение отрицательных условий внешней среды, но и повышение моральной и правовой ответственности подростков за недостойное поведение является средством искоренения причин правонарушений несовершеннолетних. Это способствует устранению моральной распушенности, стремления к легкой разгульной жизни, тунеядства, индивидуализма, эгоизма, недисциплинированности, безыдейности и других антиобщественных взглядов и привычек, порождающих преступления и иные правонарушения.

Следует подчеркнуть, что в воспитательной среде всегда есть своя положительная сторона. Известно, что даже в очень тяжелых материальных условиях, при наличии отрицательных черт у родителей (приверженность к алкоголизму матери, отца, наличие тяжелых заболеваний у родителей, ведущих к созданию напряженной нервной обстановки в семье, и т. д.) вырастают трудолюбивые, скромные дети, успешно или весьма удовлетворительно выполняющие те обязанности, которые возлагает на них общество. Мы далеки от идеализации отрицательных условий воспитательной среды и приводим это лишь для того, чтобы подчеркнуть недопустимость механистичности в объяснении формирования индивидуального сознания.

Благодаря активной роли сознания человек способен варьировать свое поведение, противостоять непосредственному воздействию конкретной ситуации, в которой он оказывается. Эта способность человека принимать решения, сознавая смысл, значение и последствия совершаемых действий, и определяет его ответственность за поведение.

В юридической литературе подчеркивается мысль о том, что когда в процессе развития индивидуального сознания у лица накапливается элементарная сумма знаний о внешнем мире и о тех требованиях, которые предъявляются отдельному гражданину, он признается ответственным за свои поступки, так как он понимает совершаемое и может руководить своими поступками.¹

¹ См., например, А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Госюриздат, М., 1961, стр. 269—270.

Возрастание роли морального фактора в жизни общества означает возрастание роли ответственности и необходимости большего внимания к ее воспитанию.²

Изложенное определяет необходимость, во-первых, совершенствовать моральную ответственность подростка за свое поведение.

В частности, индивидуальные беседы, любые формы обсуждения в коллективах трудящихся, разбирательства аморального поведения подростка общественными и государственными организациями, выступления в печати, по радио и телевидению должны носить форму резкого отрицания и всеобщего осуждения поведения несовершеннолетнего, нарушающего нормы морали. Никакие ссылки на отрицательные моменты внешней среды не должны «заслонять» личной ответственности несовершеннолетнего за его аморальное поведение. Во-вторых, совершенствовать практику применения правовых норм, предусматривающих ответственность несовершеннолетних, устранять пробелы в законодательстве и проводить мероприятия, направленные на обеспечение ответственности несовершеннолетних за аморальное поведение.

3. Большая роль в предупреждении правонарушений несовершеннолетних принадлежит органам народного образования. Говоря об их задачах, следует подчеркнуть необходимость улучшения нравственного воспитания учащихся.

Одним из элементов нравственного воспитания учащихся является обеспечение строгого выполнения элементарных правил поведения. Выполнение этого требования немыслимо без глубокого изучения и искоренения причин и условий, толкающих отдельных учеников на путь правонарушений, причин «отсева» учащихся, второгодничества и нарушения ими элементарных правил морали.

Поэтому совершенно справедливо к органам народного образования предъявляется требование активизировать изучение причин правонарушений учащихся и разработать методику предупреждения этого зла.

Требования по искоренению правонарушений учащихся, естественно, не ограничиваются указанными задачами. Органы народного образования, в частности, должны «выявлять учебные заведения, наиболее «пораженные» правонарушениями учащихся, и изучать конкретные причины и условия, способствующие этому; осуществлять сопоставительный анализ кон-

² См., например, А. П. Чермнина. Проблема ответственности в этике. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Л., 1965.

тингента школьников и темпов школьного строительства, числа мест в интернатах и группах продленного дня и числа детей, условия семейного воспитания которых требуют предоставления им этих мест (неблагополучная обстановка в семье, оставление семьи одним из родителей и т. д.).³

Успешному выполнению этих задач препятствует ряд серьезных недостатков в деятельности органов народного образования: неудовлетворительная организация труда учителей, отсутствие помещений, где можно было бы дополнительно заниматься со слабоуспевающими учащимися и правонарушителями, недостаточное использование методов принуждения.

Представляется, что школа должна обеспечить строгую моральную ответственность, включающую и различные формы принуждения, в отношении учащихся, грубо нарушающих элементарные правила поведения. Если работникам школы это не под силу, то, возможно, целесообразно ввести должность преподавателя-воспитателя, который занимался бы с трудновоспитуемыми детьми. Или же эти функции возложить на педагога-организатора, работающего при домоуправлении. Известно, что Президиум Верховного Совета СССР рекомендует ввести за счет общей штатной численности в домоуправлениях должности педагога-организатора, а в районных, городских жилищных управлениях — инструктора-организатора. Это предлагается с целью улучшения культурно-воспитательной работы с детьми и подростками по месту их жительства.

4. Помощь юристам в разработке педагогически обоснованных мер правового воздействия на несовершеннолетних, которые исключали бы обстановку либерализма и безнаказанности, могли бы оказать педагоги, психологи и специалисты в области других отраслей знаний. Правильно отмечают В. Бианки и В. Позинский, что «в любом случае, когда совершен злостный для общества проступок, правонарушитель должен быть немедленно изолирован, к каким бы последующим решениям не пришли органы суда и прокуратуры. Это имеет принципиальное психологическое значение не для одного только нарушителя.»⁴

Следовало бы изучить вопрос о внесении изменений и дополнений в правовые нормы, предусматривающие изоляцию несовершеннолетних, совершающих административные прос-

³ См. Т. М. Миньковский, В. С. Пронина, Е. В. Болдырев. Некоторые вопросы изучения и предупреждения преступлений несовершеннолетних. — «Советское государство и право», № 9, 1964, стр. 124.

⁴ См. Дело о шестнадцатилетнем. — «Комсомольская правда», 19 декабря 1964 года.

тупки и преступления, а также о возможности применения мер принуждения к совершающим опасные для общества деяния подросткам, которые по ныне действующему законодательству не могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности.

В частности, можно остановиться на работе инспекторов детской комнаты милиции. В настоящее время инспектора детских комнат милиции в соответствии с решениями некоторых местных Советов депутатов трудящихся привлекают к административной ответственности родителей за пребывание несовершеннолетних (до 16-летнего возраста) на улицах города без сопровождения взрослых в вечернее и ночное время и за некоторые другие проступки. Однако инспектора детских комнат милиции сами непосредственно почти не применяют мер принудительного характера в отношении несовершеннолетних. Очень редко они применяют такой вид принуждения к подросткам, как возложение обязанности принести извинение потерпевшему или возместить причиненный ущерб. Основным и почти единственным средством воздействия на правонарушителей являются беседы или направление материалов на подростков в школы, на предприятия (опять-таки для обсуждения проступка) или в комиссию по делам несовершеннолетних для принятия предусмотренных законом мер воздействия. В ряде случаев после совершения проступка подростком проходит продолжительное время и вследствие этого даже применение мер принудительного характера не может иметь желаемого воспитательно-предупредительного результата.

Представляется правильным наделить инспекторов детских комнат милиции правом применять принудительные меры воздействия в отношении несовершеннолетних, совершающих кражи, хулиганство и другие нарушения правил социалистического общежития, ущемляющие достоинство граждан.

Без разработки представителями педагогической науки методики предупреждения правонарушений несовершеннолетних и без анализа недостатков нравственного воспитания в школах трудно обоснованно совершенствовать и их правовую ответственность. Это серьезное препятствие на пути искоренения причин и условий аморальных деяний несовершеннолетних.

5. В деятельности административных органов, осуществляющих борьбу с правонарушениями, еще не искоренены факты безнаказанности за общественно опасные деяния несовершеннолетних. В ряде случаев это объясняется неправильным применением закона, волокитой и несвоевременным привлечением виновных к ответственности.

Несовершеннолетние при совершении преступления рассматриваются законом как смягчающее ответственность обстоятельство (ст. 37 УК ЭССР). Практика же применения закона показывает, что иногда несовершеннолетие фактически оценивается как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. Это, в частности, проявляется в том, что отказывают в возбуждении уголовных дел при совершении краж, хулиганства и других преступлений по нецелесообразности и иным мотивам.

При решении вопроса об ответственности несовершеннолетних (возбуждении дела, задержании подозреваемых, избрании меры пресечения и т. д.) следовало бы в большой степени учитывать, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений (статья 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Лишь отсутствием должной юридической оценки степени ответственности несовершеннолетнего за свое поведение и недостаточным вниманием к задачам предупреждения совершения новых преступлений можно объяснить то, что имеют место факты совершения новых преступлений несовершеннолетними даже в процессе расследования ранее совершенного преступления.

Вызывает сомнение иногда встречающаяся «параллельная» практика сужения сферы применения как уголовно-правовой ответственности, так и административной, и других менее строгих видов правовой ответственности. Неиспользование предусмотренных законом возможностей изоляции несовершеннолетних в случае совершения административных проступков, а затем и преступлений влечет за собой в некоторых случаях новые общественно опасные деяния. Представляется, например, что своевременная изоляция за совершение мелкого хулиганства, применение административного ареста и резкое осуждение аморального поведения может предупредить преступление (хулиганство) и исключить необходимость осуждения несовершеннолетнего к лишению свободы.

Усиление моральной и правовой ответственности несовершеннолетних не должно, как правило, расширять сферы применения лишения свободы, являющегося наиболее тяжким уголовным наказанием, хотя в некоторых случаях при совершении тяжких и других опасных преступлений этот вид ответственности необходим. Главное же тут — в обеспечении такой строгой моральной и правовой ответственности (дисциплинарной, административной и т. п.), которая была бы спо-

собна предупредить совершение преступлений, т. е. наиболее общественно опасных деяний.

Большая роль в воспитании чувства ответственности за свое поведение у молодежи принадлежит судебным органам. В последнее время улучшается воспитательное значение судебных процессов, и суды все больше применяют наказания, не связанные с лишением свободы. Вместе с тем, не способствует воспитанию чувства ответственности то обстоятельство, что в судебной практике почти не применяются к несовершеннолетним предусмотренные законом меры воспитательного характера, не являющиеся уголовным наказанием. Суды Эстонской ССР в 1964 году только в отношении менее одного процента подростков, по сравнению со всеми несовершеннолетними, подвергнутыми уголовному наказанию, применили принудительные меры воспитательного характера. Не произошло существенных изменений и в 1965 году. Кассационные и надзорные судебные инстанции не применяют к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных ст. 61 УК ЭССР. По всей вероятности, это обусловлено тем, что органы прокуратуры, как правило, не направляют для судебного разбирательства дела на несовершеннолетних, совершающих преступления, не представляющие большой общественной опасности. Закон же предоставляет право судам рассматривать не только тяжкие и другие опасные преступления, но и не представляющие большой общественной опасности преступления. В соответствии с законом (ст. 264 УПК ЭССР), если суд придет к выводу, что исправление лица, в возрасте до восемнадцати лет, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания, он выносит обвинительный приговор без назначения уголовного наказания и применяет к осужденному меры воспитательного характера.

Таковыми мерами являются: помещение в специальные школы и профессионально-технические училища, в специальные воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения для детей и подростков, а также меры общественного, педагогического или семейного воздействия (ст. 61 УК ЭССР).

Использование в большей степени воспитательного значения судебных процессов, на наш взгляд, также способствовало бы устранению чувства безнаказанности за правонарушения у несовершеннолетних.

6. При всей большой и важной роли общественности на данном этапе развития социалистического государства успех борьбы с преступностью во многом зависит от активной дея-

тельности органов охраны общественного порядка, прокуратуры и суда. Ослабление наших государственных органов управления, упразднение органов принуждения, недооценка роли уголовной ответственности как средства борьбы с преступниками и ликвидации преступности — было бы грубейшей ошибкой. Они не потеряли и не потеряют своего значения до тех пор, пока не будет достигнут успех в усвоении членами общества навыков по неукоснительному соблюдению элементарных норм и правил, обязательных к соблюдению в обществе, строящем коммунизм.⁵

Успех в предупреждении преступности несовершеннолетних зависит от уровня всей работы органов охраны общественного порядка, прокуратуры и суда.

В связи с этим особое значение приобретают вопросы научной организации труда, разработки критериев оценки эффективности работы указанных органов.

В частности, от научно-исследовательских учреждений требуется помощь в разработке научно обоснованной численности различных служб и подразделений милиции, следственных аппаратов, исправительно-трудовых учреждений и других звеньев органов охраны общественного порядка.

В Эстонской ССР серьезным препятствием в предупреждении преступлений вообще и правонарушений несовершеннолетних, в частности, является малочисленность милиционеров, несущих патрульную службу. В силу этого многие правонарушения несовершеннолетних не выявляются, остаются безнаказанными и к виновным не применяются меры педагогического и правового воздействия.

В статье, опубликованной в «Комсомольской правде», отмечается: «Постовая и патрульная служба милиции в Ленинграде — как и в других городах — сокращена. И резче всего это затрагивает интересы новых, бурно растущих жилых районов, новых населенных пунктов.

По идее, многие функции милиции должны были взять на себя добровольные народные дружины. Но, чего греха таить, наши народные дружины работают часто формально. Их обязанности, по существу, сведены к патрулированию, причем патрулирование понимается как обычное хождение по улицам (чаще всего — людным и освещенным).

⁵ См. Н. Р. Ми ро н о в. Насущные вопросы укрепления социалистической законности. — «Коммунист», № 1, 1963, стр. 53; В. И. Кур л я н д с к и й. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. Изд-во «Юридическая литература», М., стр. 138, 139.

В результате вакуум, образованный сокращением штатов милиции, оказался незаполненным».⁶

Препятствуют предупреждению преступности несовершеннолетних нарушения принципов индивидуализации отбывания наказания. В республике нет трудовой колонии для несовершеннолетних со строгим режимом. В связи с этим в одной колонии содержатся подростки, осужденные за особо опасные и другие тяжкие преступления, совместно с теми, кто осужден за менее опасные преступления. В одной колонии находятся организаторы преступных групп как на свободе, так и в колонии. Не изолируются от других воспитанников лица, отрицательно влияющие на других осужденных, вставших на путь исправления. В эту же трудовую колонию возвращаются также воспитанники, осужденные за совершение преступлений в той же колонии, а также в колонии содержатся лица, находившиеся неоднократно в других воспитательных колониях.

Совершенствование организации работы, увеличение численности сотрудников, создание лучших условий для подбора квалифицированных кадров в органы охраны общественного порядка, — это необходимые организационные меры, осуществление которых способствовало бы предупреждению преступности и повышению ответственности правонарушителей.

Таким образом, не только устранение отрицательных условий внешней среды, но и повышение моральной и правовой ответственности самих несовершеннолетних за их аморальное поведение может повысить эффективность работы государственных и общественных организаций по предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

⁶ В. Бианки, В. Поздковский. Дело о шестнадцатилетнем. Взгляд на проблему: «Подросток, преступление, закон». «Комсомольская правда», 19 декабря 1964 г.

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. Палтсер

Кандидат юридических наук

Юридический факультет Тартуского гос. университета

Лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности по советскому уголовному законодательству лишь в том случае, если для применения к нему наказания нет необходимости. Необходимость применения наказания отсутствует, если общественная опасность лица, совершившего преступление, отпала, или же, если общественная опасность лица хоть и не отпала, но оно может быть исправлено путем применения к нему других мер, не являющихся уголовным наказанием. Сказанное применимо и в отношении несовершеннолетних, виновных в преступлениях.

В ч. 3 ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а так же в соответствующих статьях уголовных кодексов всех союзных республик прямо отмечается, что суд может применять принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся уголовным наказанием, в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, не представляющие большой общественной опасности, и которых возможно исправить без применения уголовного наказания. Это следует учесть также при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности с передачей материалов комиссии по делам несовершеннолетних, предусмотренной в ст. 8 УПК ЭССР.

Ввиду того, что в законодательном порядке не установлено, сколько раз можно освобождать несовершеннолетнего от уголовной ответственности, то в практике иногда ставится вопрос, применимо ли освобождение от уголовной ответственности только в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление впервые, либо оно применимо и в отношении тако-

го несовершеннолетнего, который совершил преступление не впервые. Нам кажется, что если совершенное несовершеннолетним преступление имеет большую опасность, или же, если будет признано, что исправление несовершеннолетнего невозможно путем применения к нему мер общественного воздействия или принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных в ст. 61 УК ЭССР, то освобождение такого несовершеннолетнего от уголовной ответственности недопустимо даже при совершении им преступления впервые, не говоря уже о совершении им преступления повторно.

Для того, чтобы решить, возможно ли исправление несовершеннолетнего без применения к нему уголовного наказания, необходимо выяснить ряд обстоятельств. Это, прежде всего, обстоятельства, характеризующие личность несовершеннолетнего и совершенное им преступление, а также причины и условия совершения преступления. При решении вопроса освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, особенно при выборе конкретного вида освобождения, следует учитывать также особенности мер воздействия, применяемых в отношении освобождаемого от уголовной ответственности несовершеннолетнего. Лишь при учете всех таких обстоятельств и их оценке в совокупности возможно решить, какой мерой воздействия можно исправить несовершеннолетнего, а также, следовательно, и то, обоснованно ли его освобождение от уголовной ответственности.

По действующему уголовному законодательству (ст. 10 ч. 3 Основ) для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности недостаточно, чтобы совершенное им преступление было с небольшой общественной опасностью, а еще необходимо, чтобы несовершеннолетний был исправим без применения к нему уголовного наказания. Тщательное и всестороннее выяснение личности и других вышеуказанных обстоятельств необходимо, независимо от общественной опасности совершенного преступления и ее степени. Обязанность выяснения упомянутых обстоятельств прежде всего лежит на органах следствия, так как они решают, передать ли виновного в совершении преступления несовершеннолетнего суду или же освободить его от уголовной ответственности.

Соответствующие следственные и судебные органы смогут правильно решить вопрос об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, если в их распоряжении будет достаточное количество данных, характеризующих несовершеннолетнего, совершившего преступление, и совершенное им преступление. Достаточность и качественность этих данных зависит, во-первых, от того, в какой мере следствен-

ные и судебные органы оказывают внимание выяснению личности совершившего преступление лица, а также причин и условий, способствующих совершению преступления, и насколько умело они это делают. Но, во-вторых, достаточность и качество данных, необходимых для правильного решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности зависит и от того, как относятся коллективы, общественные организации и отдельные лица к даче следственным и судебным органам необходимых данных, и что они знают о несовершеннолетнем.

Проведенные нами конкретные исследования показали, что если в уголовных делах и имеется достаточно материалов, содержащих данные о личности несовершеннолетнего, виновного в совершении преступления, окружающей его среде, причинах и условиях совершения преступления, то точность и всесторонность этих данных, зачастую, оставляют желать лучшего. В 1964 и 1965 годах Криминологической лабораторией при кафедре уголовного права и процесса ТГУ был произведен опрос по местам работы несовершеннолетних, в школах, где они учились или ранее учились, а также и в местах их жительства. Произведенные опросы показали, что, хотя наша общественность информирует об обстоятельствах, известных ей о несовершеннолетнем, совершившем преступление, опрашиваемые во многих случаях не знали, как, например, несовершеннолетний проводит досуг, каковы его интересы, кто его ближайшие друзья, каковы взаимоотношения несовершеннолетнего с родителями и т. д. И это даже в отношении несовершеннолетнего, необлагодившее поведение которого уже ранее разбиралось коллективом. Также в ходе опроса и при анализе собранного материала выяснилось, что ответы, полученные на одинаковые вопросы от различных источников, во многих случаях были противоречивыми. Некоторых несовершеннолетних, совершивших преступление, характеризовали по месту жительства положительно, а в школе же или на работе отрицательно, а также и наоборот. Хотя таких, противоречивых характеристик было не много, все же, с ними следует считаться. Противоречия в характеризующих несовершеннолетнего данных не всегда объяснимы тем, что опрашиваемые лица давали бы заведомо неправильную информацию. Хотя в отдельных случаях это может иметь место, но произведенный анализ собранного нами материала показал, что в большинстве подобных случаев поведение несовершеннолетнего, с одной стороны, в школе или по месту работы, а, с другой стороны, дома было достаточно различным. Учитывая это, следует считать обязательным, что для выяснения личности несовершенно-

нолетнего следует собирать соответствующие данные из нескольких коллективов и лиц, которые их могут дать. Во-вторых, коллективы, где находятся несовершеннолетние, должны еще больше оказывать внимания поведению несовершеннолетнего как в этом коллективе, так и вне его. Конечно, отсюда не следует, что должна ослабиться общая воспитательная работа и надзор за всеми несовершеннолетними. Однако, все же следует сделать упор на необходимость особого внимания и надзора за несовершеннолетними, поведение которых оставляет желать лучшего и которые уже совершали правонарушения или даже преступление. Это необходимо не только для того, чтобы при совершении подобным несовершеннолетним нового правонарушения или преступления возможно было бы правильно решить, какие же меры воздействия следует применить теперь в отношении его. Постоянное внимание и надзор имеют также и большое профилактическое значение и могут предотвратить совершение новых правонарушений (или преступлений) несовершеннолетним. Как это следует организовать — изучение и разрешение этих вопросов должно стать одной из основных совместных задач наших педагогов и юристов.

Найдя возможным исправление несовершеннолетнего, совершившего преступление, без применения уголовного наказания, следственным и судебным органам следует, с учетом различия видов освобождения от уголовной ответственности решить, какой вид освобождения применить в отношении данного несовершеннолетнего. По действующему законодательству видами освобождения от уголовной ответственности, специально применяемыми в отношении несовершеннолетних, являются: 1) освобождение от уголовной ответственности с передачей материалов комиссии по делам несовершеннолетних и 2) освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера. Применение судом принудительных мер воспитательного характера предполагает по уголовно-процессуальному законодательству Эстонской ССР осуждение несовершеннолетнего без назначения ему наказания. В противовес этому, при передаче материалов комиссии по делам несовершеннолетних возбужденное дело прекращается постановлением, и даже, если материалы передаются судом комиссии по делам несовершеннолетних, то суд не выносит обвинительного приговора. Следует отметить, что освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера в нашей судебной практике почти

вообще не наблюдается. Это связано с тем обстоятельством, что виновные в преступлении несовершеннолетние, в отношении которых суд мог бы применить принудительные меры воспитательного характера, уже освобождены от уголовной ответственности следственными органами с передачей материалов комиссии по делам несовершеннолетних. Возникает вопрос, всегда ли оправдана такая практика.

Членами Криминологической лаборатории были опрошены все несовершеннолетние, совершившие в 1964 году преступления в городе Тарту или районе, но освобожденные от уголовной ответственности с передачей материалов комиссии по делам несовершеннолетних. Этим несовершеннолетним были предъявлены в числе других вопросов и два следующих вопроса: 1) знали ли Вы, что совершенное Вами деяние является преступлением и 2) знали ли Вы, что Вас за это деяние могут предать суду и наказать. Большинство опрашиваемых, за исключением 3—4 несовершеннолетних, ответили, что они знали о преступном характере совершаемого действия и его наказуемости. Но при этом большая часть их добавила, что они все же думали, что они не будут изобличены или если будут изобличены, то будут направлены в комиссию по делам несовершеннолетних, а под суд отданы не будут. Следует сказать, что это мнение действительно нашло подтверждение направлением опрашиваемых в комиссию по делам несовершеннолетних. Думается, что эти ответы в достаточной мере показывают, что у большей части несовершеннолетних, совершивших преступление, образовалось мнение о их ненаказуемости. Нисколько не недооценивая воспитательного влияния рассмотрения дел в комиссии по делам несовершеннолетних, мы все же находим, что в таких случаях, когда рассмотрение поведения в комиссии по делам несовершеннолетних и назначение последней несовершеннолетнему меры общественного воздействия повлияло недостаточно, то следует применить другие меры воздействия. Почему нельзя было бы такого несовершеннолетнего предать суду, который применил бы в отношении его принудительные меры воспитательного характера, конечно в том случае, если его наказание все же не считают необходимым. Действующее законодательство предусматривает такую возможность, следовательно ее можно применять.

Что касается таких видов освобождения от уголовной ответственности как передача на поруки общественности и передача материалов товарищескому суду, то и они, по действующему законодательству, применимы в отношении несовершеннолетнего, виновного в преступлении. Учитывая особен-

ности личности несовершеннолетнего, а также то, что при рассмотрении дел в комиссии по делам несовершеннолетних объективно имеется больше возможностей для изучения личности несовершеннолетнего, мы находим, что направление материалов комиссии по делам несовершеннолетних следует, как правило, предпочесть направлению материалов товарищеским судам. Последнее может иметь место в тех случаях, когда, учитывая конкретные обстоятельства, явно, что рассмотрение дела в товарищеском суде и применение им меры общественного воздействия окажет на несовершеннолетнего большее влияние, чем рассмотрение дела в комиссии по делам несовершеннолетних.

Обобщая сказанное мы приходим к выводу, что освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего преступление, может иметь место тогда, если соответствующие государственные органы убеждены в том, что для исправления несовершеннолетнего нет необходимости в применении уголовного наказания. При этом нельзя забывать, что кроме частной превенции уголовное наказание служит и общей превенцией, а также, что выбор конкретного вида освобождения от того, целесообразно ли для исправления данного несовершеннолетнего применение в отношении его передачи материалов комиссии по делам несовершеннолетних или же на него следует воздействовать другими мерами. Чтобы у несовершеннолетнего, виновного в преступлении, не возникло мнение о ненаказуемости, следовало бы в каждом конкретном случае освобождения от уголовной ответственности ему разъяснять, какие конкретные обстоятельства учитывали при освобождении его от уголовной ответственности. В отношении же несовершеннолетних, которые неисправимы путем применения к ним мер общественного воздействия либо других мер, не являющихся наказанием, следует непременно применять уголовное наказание, как это предусмотрено действующим уголовным законодательством.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ТРУДНОВОСПИТУЕМЫХ ДЕВУШЕК

Х. Курм

Кандидат педагогических наук

Кафедра педагогики и методики Тартуского гос. университета

Программа КПСС уделяет особое внимание коммунистическому воспитанию молодежи, добиваясь того, чтобы молодое поколение росло физически здоровым, морально чистым и духовно богатым.

Потому мы должны с особым вниманием следить за отклонением каждого ребенка от нормального пути развития, за каждым случаем трудновоспитуемости. Трудными в воспитательном отношении являются те юноши и девушки, у которых проявляется в течение длительного времени несоответствие их поведения с признанными нормами, причем применяемые в наших школах и в других воспитательных учреждениях, а также теоретически обоснованные приемы воздействия не дают должного результата.

Трудновоспитуемость проявляется в различных формах, в зависимости от возраста и пола.

Отдельную группу среди трудновоспитуемых образуют несовершеннолетние девушки. Этой категории девушек характерны следующие черты: они отлучаются из дому на целые дни или даже на недели; часто образуют группы; большинство этих девушек имеют половые сношения в раннем возрасте, затем они начинают вести беспутный образ жизни, в результате чего получается дезорганизация личности; девушки теряют интерес к учебе и покидают школу, обычно не закончив 7, 6, а иногда даже и 5 классов. Работа их не интересует, они часто меняют место работы или вообще отказываются работать. Относительно небольшая часть из них занимается и кражей.

Нами были изучены сравнительно тяжелые случаи, т. е. такие, когда девушки из-за своего негативного поведения попадали в детские комнаты милиции или находились на прием-

ных и распределительных пунктах, или были направлены в воспитательные учреждения с особым режимом. Нами была проведена анкета, с этими девочками мы беседовали, также были использованы все касающиеся их материалы и документы.

Ввиду того, что подобных исследований в ЭССР до сих пор не проводилось, мы вполне сознавали, что нам удастся выявить далеко не все факторы, которые оказывают определенное влияние на развитие этих девочек. Поэтому мы ограничили свое задание тем, что старались выяснить условия жизни этих девочек в семье, их успеваемость в школе, направление их интересов и их систему оценочных установок.

По-видимому, условия жизни в семье являются одним из существенных факторов развития трудоспособности. Это подтверждают также данные, полученные в ГДР (1, стр. 257). У исследованных нами девочек семейные условия были такими, что способствовали развитию плохого поведения, а впоследствии — его проявления.

Главным фактором было расколотость семейной жизни. Родители жили вместе только в 35,7% случаев, у 6,9% был отчим, у 4,8% — мачеха. Данные исследования позволяют утверждать, что раздельная жизнь родителей оказывает более отрицательное влияние на развитие детей, на формирование их личности, чем смерть одного из родителей. (2, стр. 90). Дети оказываются предметом споров и ссор между родителями, которые ненавидят друг друга и даже не скрывают это от детей, или же дети оказываются без определенного дома; они живут то у отца, то у матери. Потому нет единства в воспитательных требованиях и целях воспитания. Данные нашего исследования показывают, что воспитание детей осложняется наличием мачехи или отчима, и это может создать предпосылки для ухода девочек из дому.

У исследованных девочек не было доверчивого отношения к родителям. Возникавшие в их жизни проблемы и трудности они не могли обсуждать с родителями (с матерью), никакой помощи с их стороны они не получали. Жизненные противоречия и конфликты девочкам приходилось решать самим. В родителях они не находили и примера для себя. Таким образом складывались у них неправильные моральные требования и оценочные установки. В результате развивались такие черты характера как грубость, безудержность, бесчестность, легкомыслие, упрямство, лень, эгоизм, распутство. (1, стр. 258)

Созданию отрицательного домашнего климата способствовало также чрезмерное употребление родителями спиртных напитков. По неполным данным 74% отцов и 35,6% матерей

злоупотребляли ими. Пьянство обоих или одного из родителей приводило обычно к ссорам, побоям, поломке мебели и пр. Отсутствие родительской любви, а также наличие грубости, пошлости и пр. приносят детям страдания, создают предпосылки для грубого поведения самих девочек, их неуравновешенности, желанию найти хорошее отношение к себе на улице. В переходном возрасте такие девочки старались привязаться к мальчикам, чтобы кто-нибудь о них заботился, они таким образом старались компенсировать то отсутствие нежности и любви, которых не было дома.

Ввиду того, что отношения с матерью обычно являются более тесными, чем с отцом, аморальное поведение матерей (пьянство, распутство, ругань, грубость и пр.) оказывало часто пагубное влияние на этих девочек. В таких семьях дети являются часто свидетелями половых сношений. Интерес «клиентов» матери часто переходит к подрастающей дочери. На это указывают также и другие исследователи (3, 103). Если мать своим поведением и негативными установками дает пример, то это создает предпосылки к такому же поведению и таким же оценочным установкам у дочери.

При отрицательных домашних влияниях на развитие девочек следовало бы усилить влияние школы. Школа должна была бы развивать положительные установки, черты характера, должна была бы помочь девочкам обрести систему правильных взглядов и оценок. Но при анализе уровня образования этих девочек (т. е. как долго они находились под школьным влиянием) оказалось, что 8-классное образование имели только 14%, 7 классов окончили 28%, 6 классов — 34%, 5-классное образование имели 12%, 4-классное — 10%, а 2% сумели окончить только 2 класса. При таком контингенте мы еще довольно далеки от осуществления обязательного 8-классного обучения. Из исследованных девочек 60% оставались на второй год в одном классе, в нескольких классах — 25%. Мотивами оставления школы до окончания курса является, обычно, отсутствие интереса к учебе.

Духовные интересы трудовоспитуемых девочек носят, обыкновенно, пассивный характер (кино, эстрадный концерт, посещение кафе). Они предпочитают такое препровождение времени, где они являются только воспринимающими всего в готовом виде. Читают они сравнительно мало. 20% опрошенных не смогли припомнить ни одного произведения, которое им понравилось. У остальных оказались любимыми произведениями такие, как «Три мушкетера», «Кадри», «Мачеха», «Джейн Эйр».

Ввиду того, что у этих девочек в школе не образовалось

трудовых навыков, им было трудно привыкнуть к длительной работе и вне школы. Отношения на работе редко были нормальные, трудовая дисциплина была довольно низкой, интереса к работе не было. Завод является для них неприятной нормальными, трудовая дисциплина была довольно низкой, ин-Также для них характерна частая перемена места работы.

Девочки, которые остаются без должного образования, не усваивают минимума норм поведения в общественной жизни. Моральное развитие этих девочек не поднимается до должного уровня, у них не вырабатываются твердые убеждения и оценочные установки, необходимые каждому советскому гражданину. С этой точки зрения следует подчеркнуть необходимость обязательного 8-летнего обучения.

В силу невыносимых домашних условий эти девочки оказываются бездомными, они слоняются по улицам, ходят по кафе, входят в контакт с мальчиками своего же роста, соглашаются на половые сношения. 2,40% имели их в 12-летнем возрасте, 23,80% в 13-летнем, 14,30% в возрасте 14 лет, 4% в возрасте 15 лет. Об остальных точные данные не установлены. Первые половые акты происходили обычно в бункерах центрального отопления, в гаражах, в сараях, сенокосах и автомашинах.

Большинство живущих в одной местности беспутствующих девочек знают друг друга, они составляют банды и находят признание со стороны своих приятельниц, одобрение таким поступкам, которые в обычных условиях находили бы осуждение.

Ранние половые сношения оказывают неблагоприятное влияние на развитие личности. Данные многих исследователей убедительно показывают, что первые половые сношения должны иметь место в таком возрасте, когда девушка способна переработать свое переживание (А. Грассель, Р. Борман, Р. Нойберт). Если девушка способна на это и если она не смотрит на половое сношение как главное в жизни, то таком случае не происходит искажения личности. В противоположном же случае вопросы половой жизни становятся центральными в их жизни и все остальные потребности подчиняются этим и не находят своего нормального развития.

В силу недоразвитости духовных потребностей у этих девочек начинают доминировать примарные потребности. Они в раннем возрасте привыкают к спиртным напиткам. В 13 возрасте употребляли спиртные напитки 21,5%, в 14—15-летнем возрасте 28,60%. 650% девочек курят.

Многие девочки начинают красть. 240% совершали кражи.

причем крали главным образом одежду — платья, шапки, чулки, и пр., иногда и деньги.

Таким образом, личность деформируется все глубже и интересы таких девочек ограничиваются легким препровождением времени, пьянством, курением, половыми сношениями. В домашней обстановке их перевоспитать невозможно. Воспитанием этих девочек следует заняться в специальных воспитательных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Redlich, B. Zur Täterpersönlichkeit straffällig gewordener Mädchen im Alter von 14 bis 18 Jahren. — «Jugendkriminalität und ihre Bekämpfung in der sozialistischen Gesellschaft». Berlin, 1965.
2. Die Persönlichkeit des Täters und die Ursachen der Kriminalität in der UdSSR, Berlin, 1963
3. Richter, U. Die Kinder der Prostituierten. Schwartz, H. Das miliengeschädigte Kind. Jena, 1961.
4. Grassel, H. Psychologische Probleme der Geschlechterziehung. Pädagogik 2. Beiheft, 1962.
5. Bormann, R. Die sexuelle Belehrung der Kinder und Jugendlichen. Berlin, 1961.
6. Bormann, R. Jugend und Liebe, Berlin, 1966.
7. Neubert, R. Die Geschlechterfrage. Ein Buch für junge Menschen, VEB Greifenverlag zu Rudolstadt, 1966.

SEKSUAALSE ARENGU PROBLEEME EESTI NOORUKITEL

E. Soodre

Keila Keskkooli direktori asetäitja õppealal

Kommunistliku kasvatuses üks eesmärke on noorte ettevalmistamine tulevaseks perekonnaeluks. Selle tõttu tuleb seksuaalkasvatust lugeda üheks oluliseks kommunistliku kasvatuses osaks. Siia kuulub noorsoo informeerimine sugudevaheliste vahekordade ja inimese seksuaalse arengu küsimustes ning vastava suhtumise kujundamine. Puudulikult või koguni valesti suunatud seksuaalkasvatus võib põhjustada väga tõsiseid vääringuid, mida sageli on äärmiselt raske parandada. Peame tegema kõik võimaliku, et valmistada noori ette perekonnaeluks sama põhjalikult, kui me neid ette valmistame tööks. Ühelegi ametikohale ei võeta vähikuid, aga abielluda lubatakse „võhikuil“.

TRÜ dots. H. Kurm on uurinud 60 väärale arenguteele sattunud tütarlapse kasvutingimusi. Uurimus näitas, et kõigi nende vääringu põhjuseks oli ebaterve kodune olukord ja ebaõige või ka puuduv seksuaalkasvatus.

Mitte ükski lapsi ei tule kasvatada moraalseks, tahtejõulisteks, vastutustundelisteks inimesteks; palju tõsisemalt tuleks suhtuda lastevanemate õpetamisse ja juhendamisse.

Selle kasvatusülesande õige täitmine eeldab, et kool tunneks seksuaalse arengu tempot tänapäeva noorsool ning tegelikku, mõndil valitsevat olukorda seksuaalse selgitustöö alal.

Peab tähendama, et aeg, mil seksuaalküsimused olid täielikuks „tabuks“ nii kodus kui koolis, on küll möödas, ometi on senine „vaikimise“ traditsioon väga tugev. On hakatud aru saama, et selle küsimuse käsitlemine on vajalik, kuid tegelik kasvatustöö selles osas ei taha paigast nihkuda. Selle nähte peamised põhjused: 1) sellest küsimusest pole harjutud mõtlema, veel vähem rääkima; 2) sageli segavad vanad ebaõiged traditsioonid, mõnigi kord lihsalt ei osata sellest rääkida ja vaikitakse, kuigi tuntakse, et oleks vaja rääkida; 3) ei arvestata lapse arengut ja hilinetakse kasvatustööga.

Käesolev artikkel põhineb pedagoogilise uurimistöö kursuse raames sooritatud katsele uurida eesti noorsoo seksuaalse arengu

näitajaid, selgitada mitmesuguste seksuaalinformatsiooni allikate osatähtsust. Ettekandes esitatud andmed põhinevad keskkooli vanema astme umbes 300 õpilase uurimisel.

Saadud andmed näitavad, et vanus, mil noored hakkavad huvituma vastassoost, mil tekivad esimesed paarsuhted, hakkavad tõrkama esimese armastuse esimesed võrsed, jõutakse suudlusteni — langeb kokku vanusega, mil saabub bioloogiline küpsus, s. o. üksikuil 11.–12., enamusel 13.–14. eluaastaga.

Vaimne küpsus saabub üldjoontes 18. eluaastal. Seega on noortel 4–5-aastane ohtlik periood, nn. murdeiga, mis on noorte elus väga oluline etapp, mil organismis toimuvad tormilised muutused ja muutub ka noore asend ühiskonnas. Ohtlik sellepärast, et arenemine ei toimu ühtlaselt kogu isiksuse seisukohalt. Eriti poisslastel annab seksuaaltung end neil aastail tunda. Siit tulenevad mitmesugused ohtlikud momendid noorte elus ja vajadus vanematel-kasvatajatel olla sel perioodil noortele toeks ja aidata neil vältida vääratusi. See on vanematele-kasvatajatele seda kergem, mida asjalikum ja põhjalikum oli murdeeaale eelnev kasvatustöö, kuidas on antud noortele vajalikud bioloogilised teadmised, kas on noori õpetatud neid teadmisi rakendama, et osata sugudevahelised küsimused ja sugudevaheliste suhete vasturääkivad vormid kujundada sotsialistliku ühiskonna raames isiklikeks küsimusteks ja vormideks. Kas on noortele antud orientiir, kuidas nad oma püüdlusi teise sugupoole suhtes peavad suunama, et ei tekiks väljapääsmatuid konflikte.

Paljud vanemad ei suuda seda ülesannet täita. Teadmiste puudumine, eelarvamused, häbenemine ja usaldusliku vahekorra puudumine perekonnas on peamised põhjused.

Kasvatustöö edukus sõltub suurel määral usalduslikust vahekorra kasvataja ja kasvatatava vahel. Üheks usaldusliku vahekorra mõningaseks näitajaks võib olla ka see, millisel määral saavad lapsed seksuaalinformatsiooni vanematelt.

Kogutud andmed näitavad:

1) seksuaalinformatsiooni saamine algab juba 6-aastaselt ja kestab üksikuil kuni 16 aastani. Nii pikk periood viitab ilmselt informatsiooniallikate puudulikkusele ja vähelele usaldusele perekonnas.

2) 11–12-aastaselt on enamused (75%) lastest informeeritud.

3) Vanemate ja õpetajate osatähtsust on väike, võrreldes juhuslike allikatega (protsentides):

Sugu	Sõbrad-tuttavad	Vanemad	Kirjandus	Õpetaja	Ei vastanud
T	41,2	35,8	19,1	2,6	1,3
P	63,1	10,7	25,2	—	1,0

Ka kirjandust tuleb lugeda juhuslikuks allikaks, sest lapsed ei saa sageli loetust õigesti aru või see ei vasta lugeja arenemisastmele.

Informatsiooni iseloom oli õpilaste eneste hinnangu järgi asjalik – tüdrukuist 60%, poistest 45%. Ülejäänuil oli see kas pikantne või labane. Ainult 4,4% poistest ja 26% tüdrukutest olid saanud seksuaalinformatsiooni vanemailt ja lugesid ühtlasi vanemaid enam usaldatud inimesteks oma koolieal.

Puuduliku informatsiooni ja usaldusliku vahekorra puudumise tagajärjeks perekonnas tuleb lugeda ka asjaolu, et uuritavate hulgas olid 16,4% tüdrukuist ja 31,1% poistest 15–17 aasta vanuses viibinud olukorras, „kus oleks võinud kergesti juhtuda tõsivahekord“, Tallinna õpilastel vastavalt 16,7 ja 62,2%; poistest enamus korduvalt!

Tuleb märkida, et ohtlikes situatsioonides viibinud noortest said seksuaalinformatsiooni sõpradelt-tuttavalt: tüdrukud – 71% ja poisid – 92%! Ilmselt on siin tunda vanemate nõrga kasvatustöö tagajärgi!

Ohtlike kohtade uurimisel selgus, et mitte omavahelised olengud, vaid nii noormeeste kui tütarlaste kodud üksteise külastamistel olid ohtlikumaiks kohtadeks: tütarlastest – 40% ja poistest – 36%; Tallinna õpilastel vastavalt: tütarlastest – 60% ja poistest – 48%. olengutel sattusid ohtlikesse olukordadesse tüdrukutest 40%, poistest 34%.

Ohtlikes olukordades viibinud noored olid bioloogilise küpsuse saavutanud veidi varem keskmisest: 13-aastaselt olid saavutanud bioloogilise küpsuse tüdrukutest – 37%, poistest 11%, ohtlikes situatsioonides viibinud vastavalt 57% ja 33,3%.

Üheks eelduseks ohtlikesse situatsioonidesse sattumiseks on kahtlemata alkoholi tarvitamine. Selgus, et lapsed hakkavad alkoholi tarvitama juba 7–8-aastaselt (Tallinna lapsed isegi mõned 6-aastaselt)! Ligi 50% lastest tarvitasid esimest korda alkoholi oma sünnipäeval, ülejäänud muudel perekondlikel tähtpäevadel. Ainult üksikud saavad alkoholi suhtes esimesi kogemusi „olengutel“.

Perekondlikud peod aga toimuvad tavaliselt vanemate juuresolekul. Vanemad ise ulatavad lapsele esimese klaasi veini! Varsti on noorele veinist vähe, tuleb proovida ka kangemat; 15-aastaselt on juba enamus noortest tundnud alkoholijoovet.

„Olengutest“ osavõtt algab 12-aastaselt. Üldse võtsid omavahelistest olengutest osa tüdrukutest 57% ja poistest 60%, Tallinnas vastavalt: tüdrukud – 66,7%, poisid – 83,8%.

Seksuaalkasvatus on tõsine pedagoogiline probleem, mille lahendamise raskuspunkt lasub õpetajaskonnal. Õpetajail tuleb kasvatada lapsi ja instrueerida ka lastevanemaid. Uurimistöö käigus viidi läbi ka ankeet Tallinna Ped. Instituudi 5. kursuse internaadikasvatajate rühmas. Selgus, et nad on kõne all olevas küsimuses täiesti ette valmistamata, kuna seda pole programmis.

Küsitlus abiturientide seas enne keskkooli lõpetamist näitas, et nad peavad hügieenitunde väga vajalikeks, kuid leiavad üksmeelselt, et seda tuleks teha märksa varem. 92% küsitletuist arvas, et sellega tuleks alustada VIII klassis. Paljud tahaksid näha neid tunde tunniplaanis pidevalt VIII–XI klassini. Abiturientide huvitavamateks küsimusteks olid: poiste-tüdrukutevahelised suhted, seksuaalhügieen ja abieluküsimused.

Eeltoodust selgub, et:

1) kodudes ega koolis peaaegu ei tegelda seksuaalkasvatustlike küsimustega;

2) ligi 50% lastest ammutab seksuaalinformatsiooni pedagoogiliselt nõrgalt suunatud allikatest;

3) alkoholi hakkavad lapsed tarvitama peamiselt kodudes perekondlikel tähtpäevadel, alates 7.–8. eluaastast; 15. eluaastani on alkoholi tarvitanud poistest 70%, tüdrukutest 60%;

4) enamus õpilastest võtab osa omavahelistest olengutest, millest pole küllalt teadlikud vanemad ega õpetajad;

5) võib oletada, et osalt nõrga seksuaalse kasvatustöö tõttu satuvad noored situatsioonidesse, kus tekib oht seksuaalsete tõsivahekkordade tekkimiseks;

6) õpetajail puudub vajalik ettevalmistus seksuaalse kasvatuse teostamiseks ja lastevanemate juhendamiseks.

Olukorra parandamiseks tuleks:

1) Haridusministeeriumil kiiremas korras koostada põhjalikum metoodiline juhend õpetajatele seksuaalkasvatuse küsimustes;

2) Vabariiklikul Õpetajate Täiendusinstituudil võtta kõikidesse õpetajaile korraldatavate kursuste programidesse seksuaalkasvatustlikud küsimused;

3) kõrgemates õppeasutustes võtta programmi seksuaalkasvatuse küsimused ja metoodika;

4) keskkoolis võtta õppeplaani VIII–XI klassini üks hügieeni tund nädalas;

5) lastevanematele korraldada regulaarselt loenguid ja anda metoodilisi juhendeid laste seksuaalse kasvatamise kohta alates lapse 2.–3. eluaastast kuni täisikka jõudmiseni.

ПРОБЛЕМЫ СЕКСУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭСТОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Э. Соодре

Резюме

Одна из целей коммунистического воспитания молодежи — подготовка к предстоящей семейной жизни, к коммунистическим отношениям между противоположными полами. Существ-

венной частью коммунистического воспитания является сексуальное воспитание. Сюда, прежде всего, относятся информация об отношениях между полами и вопросы сексуального развития человека. Правильное выполнение этой воспитательной задачи прежде всего требует, чтобы школа знала о темпах сексуального развития современной молодежи, а также фактическое, в настоящий момент, положение в разъяснительной работе по сексуальным вопросам.

Настоящий доклад основывается на попытке в рамках курса педагогического исследования, изучить темпы сексуального развития эстонской молодежи, выяснить значение различных источников сексуальной информации, а также периоды, в которых перед молодежью появляются наиболее опасные моменты.

Полученные сведения показывают, что возраст, когда молодежь начинает интересоваться противоположным полом, когда появляются первые влечения к противоположному полу — совпадает с периодом биологической зрелости, т. е. в единичных случаях 11—12 лет, у большинства — 13—14 лет. Умственная зрелость наступает на 18 году жизни. Таким образом у молодежи 4—5 лет продолжается опасный период, так как называемый переходный возраст. Сексуальное стремление дает себя знать в это время особенно у мальчиков, а процесс торможения в мозгу отстает. Успех воспитательной работы в большой степени зависит от доверчивых отношений между воспитателем и воспитанником. Одним из показателей этих отношений является источник сексуальной информации. Собранные данные показывают: 1) получение сексуальной информации начинается с 6 летнего возраста и продолжается до 16 лет; 2) 11—12-летние дети в большинстве случаев уже информированы; 3) роль родителей и учителей незначительна по сравнению со случайной информацией. Характер информации в оценке самих учащихся: дельная — из девочек у 60%, у мальчиков 45%. У остальных — пикантная или пошлая.

16,4% изучаемых девочек и 31,1% мальчиков 15—17 лет были в таких положениях, где «могли возникнуть серьезные взаимоотношения». Места, где возникли такие опасные ситуации, были квартиры мальчиков или девочек. Молодежь начинает употреблять алкоголь уже в 7—8 летнем возрасте, на своих днях рождения около 50%, остальные на семейных торжествах. Большинство из 15-летних чувствовали опьянение от алкоголя. Участие в вечеринках начинается с 12 лет. В вечеринках из девочек принимает участие 57%, из мальчиков 60%.

Выяснилось, что учителя мало подготовлены для проведения сексуального воспитания, т. к. в программах вузов этот

вопрос отсутствует. 92⁰/₀ из опрошенных абитуриентов считают, что в средней школе должны проводиться уроки гигиены, начиная с VIII и до XI класса.

Для исправления положения необходимо: 1) немедленно составить методическое пособие для учителей по вопросам сексуального воспитания; 2) Институту усовершенствования учителей во все программы курсов, проводимых для учителей, включить вопросы сексуального воспитания; 3) в программы высших учебных заведений ввести вопросы сексуального воспитания и методику; 4) в средних школах с VIII—XI кл. ввести один раз в неделю урок гигиены; 5) регулярно устраивать для родителей лекции и снабжать их методическими указаниями по вопросу сексуального воспитания детей, начиная с 2—3 летнего возраста и до вступления в зрелый возраст.

TÖÖTAVATE NOORTE HARIDUSTASEME TÕSTMISEST SEOSSES KURITEGEVUSE PROFÜLAKTIKAGA

J. Napa

ENSV TA Majanduse Instituudi õiguse sektori aspirant

Statistika näitab, et kuritegevus on levinum üldiselt madala haridustasemega noorte hulgas. Teiseks iseloomulikuks jooneks, mis selgub kuritegevuse statistika analüüsimisel, on see, et võrreldes üldhariduslikes koolides, tehnikumides ja mujal õppivate noortega panevad kuritegusid suhteliselt enam toime töötavad noored. Ja eriti just madala haridustasemega töötavad noored. Seos haridustaseme ja õiguserikkumiste vahel on seega tihe. Mida kõrgem on noorte haridus, seda vähem on eeldusi õiguserikkumiste toimepanemiseks. Seega on üheks tingimuseks, mis võimaldab tõhusalt võidelda kuritegevuse vastu ja kuritegevust ära hoida, kogu elanikkonna, nende seas ka noorte haridustaseme tõstmine.

Meie kasutada olevate andmete põhjal on kõigist Eesti NSV-s elunevaist 16-aastastest alla 8 klassilise haridusega vaid umbes 12⁰/₀. Samal ajal on vabariigis kuritegusid toimepannud isikute seas alla 8-klassilise haridusega inimesi suhteliselt tunduvalt rohkem.

1963. aasta jooksul meie vabariigis kuritegusid toimepannud isikuist oli 78,2⁰/₀ alla 7-klassilise haridusega. 1964. aastal oli vastav protsent veelgi suurem, nimelt 87,2. Nagu näitab statistika seisuga 1. oktoober 1964, õppis meie vabariigis enamuse 14–17 a. vanustest alaealistest üldhariduslikes koolides, tehnikumides ja mujal. 14–17 a. vanustest noortest töötas ainult 14,6⁰/₀, kusjuures nendest enam kui pooled õppisid töö kõrval, enamikus töölisnoorte koolides. Samal ajal on mõtlemapanev, et 1963. ja 1964. aasta jooksul moodustasid Eesti NSV-s kuritegude toimepanemise pärast kohtu alla antud alaealistest enam kui 50⁰/₀ töölisnoored. Nii olid 1964. a. meie vabariigis kohtu alla antud alaealistest 53,6⁰/₀ töötavad noored.

Järelikult andis $\frac{1}{7}$ noortest üle $\frac{1}{2}$ alaealistest kurjategijatest. Seisuga 1. oktoober 1964 elas Tallinna Keskrajoonis 14–17

aasta vanuses õpilasi 16 659 ja töötavaid noori 582. 1965. a. mai-kuus aga oli Tallinna Keskrajooni miilitsa lastetoas mitmesuguste õiguserikkumiste pärast arvel 90 õpilast ning 51 töötavat alaealist. Näeme, et Tallinna Keskrajooni õpilaste üldarvust oli arvele võetud õiguserikkujatena umbes 0,50%, s.t. iga kaheksa õpilase kohta tuli üks õiguserikkuja. Töölisnoorte seas oli õiguskorras üleastujate protsent mitmekordselt kõrgem, nimelt 8,9. Võrreldes õppivate noortega panid töölisnoored seega suhteliselt umbes 18 korda rohkem õiguserikkumisi toime. Märgitagu, et seejuures äratub tähelepanu veel üks asjaolu: üle $\frac{3}{4}$ arvel olnud töötavaist noortest oli alla 7-klassilise haridusega. Seega tuleb võitluses kuritegevuse vastu parandada profülaktilist tööd töötavate noorte seas. Üheks ülesandeks on siin tõsta töölisnoorte haridustaset.

Mis takistab töötavatel noortel oma haridust täiendamast? Esitame mõningad järeldused, millele jõudsimme Tallinna ettevõtetes teostatud uurimise põhjal.

Vaatluse all olid neli Tallinna ettevõtet: „Punane Ret“, „Baltika“, Tallinna Vineeri- ja Mööblivabrik ning Remondi- ja Mehhaanikatehas „Teras“. Kasutasime juhusliku valiku meetodit. Küsitletute üldarv oli 182. Keskharidus oli 41 noorel, neist 17 õppis, kuid 24 ei õppinud. 8-klassilise haridusega noorte üldarv oli 100 (60 õppis ning 40 ei õppinud). Küsitletuist oli 41-l vähem kui 8 klassi haridust, nendest 14 õppisid töö kõrvalt, 27 ei õppinud. Seega 182-st vaatluse alla võetud noorest õppisid pooled – 91.

Muidugi ei saa 182 töölisnoore küsitluse põhjal teha veel ulatuslikke üldistusi, kuid ometi annavad saadud vastused teatud pildi probleemidest, mis on seotud töötavate noorte õppimisega.

Meie küsimusele, miks lahkuti üldhariduslikust koolist enne keskhariduse omandamist, vastasid 120. Koolist lahkumise ning tööleasumise põhjused olid neil järgmised:

- 1) soov iseseisvalt teenida – 41 noort ($34,2\%$),
- 2) majanduslikud põhjused – 41 noort ($34,2\%$),
- 3) puudus soov õppida – 12 noort (10%),
- 4) õppeained rasked – 9 noort ($7,5\%$),
- 5) tervislikud põhjused – 6 noort (5%),
- 6) vastuolud õpetajatega – 5 noort ($4,3\%$),
- 7) klassikursuse kordamine – 4 noort ($3,4\%$),
- 8) konfliktid kaasõpilastega – 2 noort ($1,7\%$).

Kuigi suur osa üldhariduslikust koolist lahkujaist – nimelt $34,2\%$ – tõi esile majanduslikud põhjused, on siiski alust arvata, et nn. majanduslikke põhjusi esitati sageli kui ajendit, sest paljud ei jõudnud päevakoolis edasi, jäädki klassikursust kordama jne.

182-st küsitletust teatasid 152 ($86,4\%$ vastanute üldarvust), et neil on võimalusi töö kõrvalt õppida, 24-l noorel ($13,6\%$) puuduvad nende endi sõnade järgi sellised võimalused, 6 ei vastanud sellele küsimusele.

Nagu eespool öeldud, ei täiendanud tol hetkel oma üldharidust 91 noort, neist 67 polnud keskharidust. 67 mittetäieliku keskharidusega noorest oli enamik kunagi töö kõrval õppima asunud, kuid 40 noort mõne aja möödudes õpingud katkestanud. Seejuures toodi õpingute katkestamise põhjusena esile järgmised asjaolud:

- 1) perekondlikud põhjused – 22,5%,
- 2) töö ei võimaldanud – 20%,
- 3) ei tulnud toime, õppida on raske – 15%,
- 4) polnud huvitav – 12,5%,
- 5) muud harrastused võtavad aja ära – 12,5%,
- 6) pole õppimisele mõelnud – 7,5%,
- 7) ei tundnud vajadust õppida, ei näinud selleks põhjust – 5%,
- 8) tervislikud põhjused – 5%.

Vastustest nähtub, et suur protsent õppetöö katkestanud noortest suhtus oma haridustaseme tõstmisesse ükskõikselt, erilise huvita (25% vastuist ei pidanud õppetööd kas huvitavaks või ei tundnud vajadust õppida, või polnud nad sellele küsimusele mõelnudki).

8 noort (20%) tõid mitteõppimise põhjuseks töö. Rääkides ettevõtete administratsiooni ja ühiskondlike organisatsioonide esindajatega, selgus, et kõne all olevais ettevõtteis ei tohiks tootmistöö õppimist takistada.

Takistavate põhjuste väljaselgitamiseks oli ankeedis küsimus: kas praegune töökoht, amet meeldib teile ja miks? Kuidas vastasid need kaheksa noort? Kuus teatasid, et töö iseloom meeldib, töötasu on hea. Ühele meeldis töö, kuid töötasu ei rahuldanud teda. Ainult üks kaheksast avaldas arvamust, et kuigi töötasu on hea, ei rahulda teda töö iseloom. Näeme, et seitsmele kaheksast meeldis nende töö. Samuti teatasid kaheksast kaks, et õppima asuvad nad siis, kui töökohalt seda nõutakse.

Noored peavad aga ise olema huvitatud hariduse täiendamisest.

Küsitletud töölisnoortest andsid küsimusele – kui asute edasi õppima, siis mis teid stimuleerib – vastuse 169 noort. Peamine vastus: õppima hakatakse eesmärgiga saada haridust (169-st vastajast 124 ehk 73,4%), 17 (10%) teatasid, et eesmärgiks on saada paremat töökohta. 17 (10%) vastanud noortest pidasid motiiviks suuremat palka. Kaks noort kirjutasid, et õppida tuleb, kui töökohal seda nõutakse. Nende kahe noore haridus on 7 klassi. Nende 17 noore kuutöötasu, kes paremat palka motiiviks pidasid, ei erinenud teiste küsitletute keskmisest töötasust.

Näeme seega, et 20% vastuist pidas õppimise motiiviks kas paremat töökohta või senisest kõrgemat palka. See kinnitab, et suuremat palka kui õppimise stiimulit ei tohi alahinnata.

Töölase kvalifikatsiooni tõstmine on noortele tööliste väga tähtis. Küsimusele missugused on lähemad plaanid seoses tööga – saime vastuse 182-lt noorelt tööliselt. Vastused olid sellised:

- 1) astuda kvalifikatsiooni tõstmise kursustele – 30,2%,
- 2) pole sellele mõelnud – 23,1%,
- 3) üle minna teisele tööle – 19,8%,
- 4) omandada teine eriala – 11%,
- 5) suurendada tööviljakust – 9,9%,
- 6) saada kommunistliku töö lööklaseks 1,6% (kommunistliku töö lööklasi või kommunistliku töö brigaadide liikmeid oli 182-st 62),
- 7) muud plaanid (tehnikumi õppima minek jm.) – 4,4%.

Nagu vastustest nähtub, on esikohal soov astuda kvalifikatsiooni tõstmise kursustele.

Noortöölise hariduse, tööalase kvalifikatsiooni ja töötasu seose kohta koostasime tabeli.

Haridus	Kvalifikatsiooni omajate protsent (alal, kellena noor praegu töötab)	Palga suhe, võttes noortöölise keskmise palga 100-na
1) Madalam kui 8 klassi	72%	102
2) 8—10 klassi (vene õppekeelega koolides 8—9 kl.)	68,8%	88
3) Keskharidus	79,8%	94

Ankeedist selgus, et töölise palk oli üldreeglina sõltuv tema tööalasest kvalifikatsioonist. Mida enam oli vastava haridusega kvalifitseeritud töölisi, seda kõrgem oli ka rühma keskmine töötasu. Siin on vaid üks erand. Kuigi keskharidusega noorte seas on kvalifitseeritud töölise protsent suurem kui alla 8 klassi haridusega noortel, oli esimestel töötasu mõnevõrra väiksem. Põhjus oli selles, et madalama haridustasemega noortel oli kvalifikatsiooni keskmine järk suhteliselt kõrgem kui kvalifitseeritud keskharidusega noortel.

Ühtlasi järeldus, et meie poolt vaadeldud noorte töölise töötasu ei olnud sõltuvuses nende üldharidusest. Suhteliselt kõrgem üldharidus ei taganud kõrgemat tööalast kvalifikatsiooni ning vastavalt kõrgemat töötasu.

Tähelepanuväärne on töötavate noorte edasiõppimise seisukohalt analüüsida nende korteritingimusi. Sageli võib kuulda arvamusi, et ebarahuldavad korteriolud on üheks põhjuseks, mis takistavad noortel õppimist. Meie poolt vaadeldud 91-st töölisnoorest, kes ei õppinud, andsid küsimusele – kui teie tootmistöö kõrval ei täienda oma üldhariduslikke teadmisi, siis miks (kui pole võimalusi, siis mis on takistuseks) – vastuse 75 töölisnoort. 75-st esitas 28% mitteõppimise põhjusena ebarahuldavad korteriolud. Tõepoolest, antud noorte korteriolud olid keskmisest mõnevõrra halvemad.

153 küsitletuist vastasid, et nad elavad kommunaalkorteris, 20 elasid majades, mis kuulusid kas nendele või nende vanematele isikliku omandiõiguse alusel, 7 elasid ühiselamuis, kahelt ei saanud vastust. Seitsmest ühiselamus elavast noorest õppisid vaid kaks (mõlemad töölisnoorte keskkoolis), viis ei õppinud. Kuigi antud juhul on tegemist vähestega, võib siiski ühe takistusena märkida, et tööliste ühiselamuis pole loodud veel küllaldasi võimalusi õppimiseks. 20-st noorest, kes elasid nendele või nende vanemaile isikliku omandiõiguse alusel kuuluvais majades, õppis vaid 40%. Seejuures ei olnud ühelgi õppetööst eemalseisjal keskharidust, vaatamata sellele, et isikliku omandiõiguse alusel noorele või vanematele kuuluvas majas peaksid korteriolud igati võimaldama õpingute jätkamist.

Seega võivad korteriolud takistavat mõju avaldada vaid kompleksis teiste õppetööd raskendavate asjaoludega.

Mittetäieliku keskharidusega küsitletud olid enamikus (122 141-st) vallalised. Abielus oli 19. Torkab silma, et nendest õppis vaid 23,6%. Mitteõppijad tõid õppetööst eemalejäämise põhjusena vajaduse hoolitseda perekonna eest ja majanduslikud mured. Kahtlemata on need põhjused üheks takistuseks, mis sunnivad noort oma hariduse täiendamisest loobuma. Ühtlasi selgus, et kommunistlike noorte seas oli komsomoli mittekuuluvate noortega võrreldes tunduvalt suurem õppijate protsent – vastaval 61,5 ja 38,7%.

Millised on järelused?

1) Meie rahva, nende seas ka töölisnoorte haridustaseme tõstmine teenib üheaegselt ka kuritegevuse ärahoidmise eesmärki.

2) Senisest rohkem tuleks meie arvates rõhutada noorte enesekasvatuse vajadust (kahjuks puudub meil peaaegu täielikult sellealane eestikeelne kirjandus) ning teiselt poolt leida ja kõrvaldada takistused, mis ei võimalda töötavatel noortel kõrvuti tootmistööga täiendada oma üldharidust.

3) Töölisnoorte haridustaseme tõstmiseks peaks senisest rohkem rakendama materiaalse stimuleerimise vahendeid. Oleme seisukohal, et kvalifikatsiooni tõstmine tuleks viia tingitusse töölise üldhariduslikust tasemest. Iga 2–3 aasta möödudes tuleks aga kontrollida noortöölise üld- ja erialaste teadmiste vastavust kvalifikatsioonijärgule. Töölistel, kes pidevalt täiendavad oma üld- ja eriharidust, oleksid sel juhul eelised kõrgema kvalifikatsioonijärgu saamisel.

Meie arvates tuleks töölise töötasu suurus viia otsesesse sõltuvusse peale erialase kvalifikatsiooni veel töölise üldhariduslikust tasemest, et iga lõpetatud klass üldharidust annaks töötasule lisa näiteks 5%. Nõnda on tööline ka vahetult materiaalselt huvitatud oma üldhariduse täiendamisest. Sellega aitame ka kindlustada Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei poolt seatud ülesande – jõuda käesoleval viisaastakul selleni, et igal meie noorel on keskharidus – eduka lahendamise.

4) Mõned töötajad räägivad uute töövormide ja meetodite erilisest vajalikkusest, ootavad mingeid erilisi ettepanekuid, mis võimaldaksid koheselt alandada õiguserikkumiste arvu. Üleminekul kommunismile on neid paratamatult vaja. Uued töövormid ja meetodid kasvavad välja praktikast, igapäevasest elust. Neid tuleb otsida, näha, analüüsida ja ellu viia põhimõtte järgi: seitse korda mõõda, üks kord lõika. On vajalik olukorra konkreetne analüüs ning sellest lähtudes ürituste läbiviimine, mis on võib-olla kõikidele teada, kuid antud ettevõttes või asutuses halvasti rakendatud. Olemasolevate töövormide oskuslik rakendamine õiguserikkumiste tundmaõppimiseks ja ärahoidmiseks – see on esimene ja lähim ülesanne.

О ПОВЫШЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В СВЯЗИ С БОРЬБОЙ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Я. Напа

Резюме

Одним из условий, позволяющих предупреждать преступность, является повышение образовательного уровня всего населения, особенно же молодежи.

Среди лиц, совершивших в республике в течение 1963 года преступления, 78,2% имели образование ниже 7 классов. В 1964 году соответствующий процент был еще выше — 87,2. По данным на 1 октября 1964 г. в нашей республике работало 14,6% несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет. В 1963 и 1964 гг. более 50% несовершеннолетних, отданных под суд за совершенные преступления, составляла рабочая молодежь (например в 1964 г. 53,6%). Следовательно, седьмая часть несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет (работающие несовершеннолетние) дала более половины преступников.

Возьмем, к примеру, Центральный район города Таллина. В течение 1964 года рабочая молодежь совершила там, по сравнению с учащейся молодежью, в 18 раз больше правонарушений. Следует отметить, что свыше 75% молодых рабочих, совершивших правонарушения, имели образование ниже 7 классов.

Таким образом, основное внимание в борьбе с преступностью следует обращать на профилактическую работу среди рабочей молодежи, на повышение ее образовательного уровня.

Чтобы выяснить, почему многие молодые рабочие не повышают свой общеобразовательный уровень, мы провели исследование на четырех предприятиях г. Таллина: на заводе

«Пунане РЭТ», на швейной фабрике «Балтика», на Таллинской фанерно-мебельной фабрике и на ремонтно-механическом заводе «Терас». Путем случайного отбора мы опросили 182 молодых рабочих, из которых среднее образование имел 41 человек (17 из них продолжало учиться, 24 не училось). 100 человек имели образование 8 классов (из них 60 продолжало учиться, 40 не училось). 41 человек имели образование ниже 8 классов (из них 14 училось без отрыва от производства, 27 не училось).

На вопрос о том, почему они ушли из общеобразовательной школы, не получив среднего образования, мы получили 120 ответов. Основными причинами ухода из школы и поступления на работу оказались следующие:

1. Желание самому зарабатывать — 34,2%
2. Причины материального порядка — 34,2%
3. Отсутствие желания учиться — 10%
4. Предметы оказались не под силу — 7,5%
5. Плохое состояние здоровья — 5%
6. Конфликты с учителями — 4,3%
7. Оставление на второй год — 3,4%
8. Конфликты с одноклассниками — 1,7%

Хотя большая часть, покинувших общеобразовательную школу, видит в этом причины материального порядка, все же есть основание полагать, что материальные причины зачастую назывались только для отвода глаз. Дело в том, что подавляющее большинство таких людей училось в школе неудовлетворительно, часто оставаясь на второй год.

На вопрос — станете ли продолжать учебу, то по какой причине, большинство (73,4%) ответило, что желает повысить свой общеобразовательный уровень с целью получить образование.

Для 10% опрошенных мотивом для продолжения учебы является более высокая зарплата. Это еще раз говорит о том, что роль зарплаты, как стимул для учебы нельзя недооценивать.

Выяснилось, что хотя зарплата опрошенных в общем и зависела от их рабочей квалификации, однако не зависела от их образовательного уровня.

Молодые рабочие, имевшие более высокий уровень образования, как правило, не имели более высокого разряда на производстве, поэтому и их зарплата не была выше, чем у других рабочих, имевших более низкий уровень образования. Более того, уровень зарплаты молодых рабочих, имевших образование ниже 8 классов, был даже выше, чем у тех, кто имел среднее образование.

В целях повышения образовательного уровня рабочей молодежи следует больше использовать средства материального стимулирования. Мы считаем, что повышение квалификации следует поставить в зависимость от общеобразовательного уровня рабочего.

Через каждые 2—3 года следовало бы проверять, соответствует ли уровень общих и специальных знаний молодого рабочего тому разряду, который он имеет. Нужно, чтобы рабочие, постоянно повышающие свой общеобразовательный уровень и уровень знаний по специальности, имели бы преимущества при получении более высокого разряда.

На наш взгляд, уровень зарплаты следовало бы поставить в прямую зависимость не только от квалификации, но и от общеобразовательного уровня. Например, за каждый класс общеобразовательной школы можно было бы прибавлять к зарплате 5%. Таким образом в этом случае рабочий был бы материально заинтересован в повышении своего общеобразовательного уровня. Тем самым мы бы содействовали успешному выполнению задачи, поставленной перед нами Коммунистической партией Советского Союза, добиться того, чтобы к концу этой пятилетки каждый советский юноша, каждая девушка имели среднее образование.

MIILITSATÖÖTAJA INDIVIDUAALNE VESTLUS ALAEALISE ÕIGUSERIKKJAGA KUI EFEKTIIVNE MÕJUTUSVAHEND

A. Anier

Tallinna Linna TSN TK Miilitsavalitsuse operatiivvolinik

Individuaalne vestlus on üks tähtsamaid miilitsaorganite profülaktilise töö vorme õiguserikkumiste vältimisel alaealiste osas.

Individuaalne vestlus peab aitama miilitsa lastetubade inspektoritel, alaealiste asjadega tegelevatel operatiivtöötajatel ja kõigil teistel miilitsatöötajatel, kellel tuleb kokku puutuda alaealiste õiguserikkujatega, põhjalikult tundma õppida alaealist õiguserikkujat ja efektiivselt talle mõju avaldada, et ta tulevikus ei paneks toime uusi õiguserikkumisi.

Miilitsaorganite praktilises töös aga alahinnatakse mõnikord individuaalse vestluse osatähtsust või vestlusi ei seostata teiste operatiiv-profülaktiliste abinõudega, mistõttu vestlused noorukitega ei ole andnud alati soovitavaid tagajärgi.

See, et vestlus avaldaks mõju õiguserikkujale, oleneb esmajoonest vestlejast endast: kuidas ta suudab saavutada kontakti alaealiga, kuidas ta tabab nooruki meeleolu tema käitumismaneerist vestluse ajal, kuidas ta oskab vestlust arendada, lähtudes nooruki käitumisest, tema huvidest ja elutingimustest.

Individuaalseteks vestlusteks ei tohi olla šablooni. Sellepärast ei saa anda ka konkreetset retsepti vestluse läbiviimiseks. Kuid praktilises töös alaealiste õiguserikkujatega on esile kerkinud rida nõudeid, mida iga miilitsatöötaja peab siiski arvestama igal konkreetsel juhul.

Vestleja peab põhjalikult läbi mõtlema, millest ta hakkab noorukiga rääkima, kuidas ta alustab oma vestlust. Alustada vestlusega eelneva ettevalmistuseta võib ainult sel juhul, kui nooruk tabatakse otse kuriteolt. Kuid sellisel juhul tuleb piirduda õiguserikkumise fakti selgitamisega, esialgsete andmete saamisega alaealise isikusest ja sellele peab järgnema nooruki põhjalik tundmaõppimine, täiendavad vestlused ja teised operatiiv-profülaktilised abinõud.

Vestluse ettevalmistamisel on vaja põhjalikult tundma õppida

alaealise isiksust. Miilitsatöötaja peab kindlaks tegema, kas alaealist on varem õiguserikkumiste eest kinni peetud ja vestlusele kutsutud. Seda tehakse kindlaks miilitsaorganites olevate arvestuste põhjal. Juhul kui tegemist on korduvate õiguserikkumistega, tuleb tutvuda varasemate materjalidega ja astuda kontakti töötajaga, kes varem tegeles selle noorukiga. Vestluse ettevalmistamisel tuleb kindlaks teha sellised andmed nagu alaealise vanus, kool või töökoht, edasijõudmine õppetöös, tema käitumine koolis, kellega ta elab jne. Mida rohkem vestleja teab nooruki isiksusest, seda kergem on tal vestlust arendada.

Andmeid nooruki isiksuse kohta on võimalik saada mitmesugustest allikatest. Tavaliselt astutakse kontakti alaealise klassijuhatajaga, töökoha esindajaga, vanematega, majaelanikega. Eriti põhjalikult tuleb noorukit tundma õppida, kui tegemist on kuriteo faktiga.

Vestluse ettevalmistamisel tuleb tingimata tundma õppida ka nooruki kasvatuslikke tingimusi, tema vanemate suhtumist kasvatamisse.

Alaealise isiksuse ja tema kasvatuslike tingimuste tundmaõppimisest oleneb palju küsimuse otsustamisel, kas alaealise õiguserikkuja suhtes võib piirduda vestlusega või tuleb rakendada veel teisi profülaktilisi abinõusid.

Alaealistega tegelevad miilitsatöötajad või nende aktivistid külastavad noorukite koduse olukorra tundmaõppimiseks nende kodusid, vestlevad vanematega. Alaealise õiguserikkuja kasvatuslike tingimuste tundmaõppimine on olulise tähtsusega sellepärast, et sageli just väär kasvatus perekonnas ja vanemate halb isiklik eeskuju on alaealiste õiguserikkumisi soodustavateks asjaoludeks.

Paar aastat tagasi peeti huligaanse käitumise eest tänaval kinni alaealine Valeri. Tema koduse olukorraga tutvumisel selgus, et Valeri elab ema ja võõrasisaga ning väiksema vennaga. Võõrasisa suhtus Valeri kasvatamisse ükskõikselt, sageli tarvitas alkoholi, mistõttu perekonnas olid tülid ja juhtus isegi, et võõrasisa tõstis kätt ema vastu. Kodu külastamisel ja emaga vestlemisel selgus, et pärast üht järjekordset tüli otsustas Valeri ema juurest lahkuda ja üles otsida isa. Isa oli nõus küll poega kasvatama edaspidi, kuid tema uus abikaasa oli kategooriliselt selle vastu. Valeri tuli seepärast ema juurde tagasi, kuid muutus kinniseks, hakkas emale vastu rääkima ja püüdis rohkem kodust eemal olla – tänaval. Ka õppetöösse suhtumine muutus halvemaks. Tänaval tutvus ta juba varem korra-rikkumisi sooritanud nooruki V-ga ning ühiselt sooritasid nad huligaanse teo. Seepärast tuli Valeri mõjutamisega paralleelselt alustada ka tema vanemate mõjutamist. Võõrasisa käitumist arutati meie ettepanekul tema töökohas ja töökoha esindajad võtsid perekonna oma šefluse alla. Kogu profülaktiliste ürituste kompleks andis antud juhul häid tagajärgi.

Praktikas esineb sageli juhte, et vanemad pöörduvad miilitsatöotajate poole abi saamiseks oma laste mõjutamisel.

Enamasti on need juhud, mil lapsed lahkuvad kodust, hulguvad, jätavad õppetöö jne.

Kõikidesse nendesse signaalidesse tuleb suhtuda tõsiselt. Kuid enne nooruki kutsumist vestlusele tuleb põhjalikult kontrollida, kas lapsevanem ise oma ebaõige käitumisega ei ole põhjustanud konflikti lapsega. Kui meie ei tea konkreetset olukorda, võib vestlus noorukile isegi negatiivselt mõjuda.

1966. a. kevadel tuli meie juurde alaealise Ž. ema. Ta nõudis, et kutsuksime miilitsasse vestluseks tema tütre, kes juba mitu päeva ei elanud kodus. Ema palus, et me kohustaksime tüdrit tagasi koju minema ja alluma ema korraldustele. Fakt, et alaealine tütarlaps ei ela kodus, nõudis kahtlemata vahelesegamist.

Vestlesime eelnevalt vanema tütreaga, et ka temalt kuulda, miks noorem õde lahkus perekonnast. Selgus, et ema enda käitumine perekonnas oli väär. Ema suhtus erinevalt tüdardesse. Oma 17-aastase tütrega riidles ta pisasjade pärast perekonnas ja nimetas teda väga inetute sõnadega. Tütarlaps vastas solvunult samuti halvasti ja lahkus kodust, ööbides oma sõbrannade juures. Vestelnud kõigi perekonnaliikmetega eraldi, juhtisime tähelepanu esmajoones nende endi vigadele. Kuna ema ja tüdred töötavad kõik ühes tehases („Punane Ret“), lahendasime küsimuse koos ametiühingu esimehega, kes tundis hästi kõiki kolme ühise töö põhjal. Ühine seltsimehelik vestlus aitas lahendada konflikti perekonnas.

Seepärast on alaealise mõjutamine vestluse kaudu ja veenmine ebaõigest teost loobuma võimalik alles siis, kui me oleme kõrvaldanud asjaolud, mis selle tingisid.

Aasta tagasi tuli meil tegelda 17-aastase noorukiga, kes hakkas tarvitama alkoholi ja toime panema huligaanseid tegusid. Ema, kes küllalt tõsiselt suhtus poja kasvatamisse, ei osanud kuidagi seletada poja käitumise järsku muutust. Astusime kontakti nooruki sõpradega ja saime teada, et peamiseks põhjuseks oli konflikt temaga lapsepõlvest saadik sõbrutseva tütarlapsega. Millest aga oli konflikt tekkinud, ei teadnud keegi. Otsustasime rääkida ka tütarlapsega ja saavutasime temaga hea kontakti. Tema jutustas, kuidas nad juba lapsepõlvest saadik olid head sõbrad, käisid ühiselt koolis ja ka pärast seda, kui noormees läks tööle, ei katkenud nende sõprus. Aastate jooksul sirgus tütarlaps pikemaks kui noormees. Et tütarlapse sõbrannad olid halvustavalt öelnud nooruki kasvu kohta, häbenes tütarlaps oma sõbraga koos käia ja lõpuks katkestas sõpruse. Tütarlapse veenmine tema käitumise ebaõigsuses aitas kaasa sellele, et nende sõprus, milles ei olnud midagi halba, oli taastatud, ja nooruk muutis oma käitumist.

Sellistes vestlustes aga peab olema taktitundeline. Vestlus noorukitega tuleb läbi viia seltsimehelikus toonis. Noorukit ei tohi sol-

vata isegi siis, kui ta vestluse ajal käitub väljakutsuvalt. Vestluse ülesandeks ei ole noorukit hirmutada, vaid mõjuda tema teadvusele selliselt, et ta ise hakkaks mõistma oma teo ebaõigsust.

Vestluse sisu ja vorm peavad olema rangelt individuaalsed. See sõltub palju alaealise vanusest, intellektuaalsest arengust ja iseloomust. On täiesti arusaadav, et 11–12-aastase poisiga tuleb rääkida teisiti kui 17–18-aastase noorukiga. Vestlust noorukiga on soovitatav alustada tema huvialade väljaselgitamisega, sest sellest tahavad noorukid meelsamini rääkida kui toimepandud õiguserikkumistest. Alles siis, kui kontakt on saavutatud, võib üle minna õiguserikkumise faktile. Noorukite huvialade väljaselgitamine on olulise tähtsusega, sest sageli teevad alaealsed ulakusi ja panevad muid korrarikumisi toime eelkõige sellepärast, et nad ei tegele vabal ajal millegi huvitavaga ja neil pole kuhugi oma lapselikku energiat rakendada. Huvialade väljaselgitamise järel tuleb sageli võtta tarvitusele ka abinõud nende õigeks rakendamiseks.

Vestluses õiguserikkujaga on peamine see, et me peame talle selgeks tegema tema käitumise ebaõigsuse, et ta seda ise hakkaks mõistma. Ühtlasi tuleb noorukile selgitada, missugused tagajärjed on tema vääradel tegudel. Tal peab jääma teadmine, et kõik õiguserikkumised avastatakse ja neile järgneb vastutus.

Vestluse käigus tuleb noorukitele anda nõu ja osutada ka abi. Kui näiteks õiguserikkuja ei tööta ega õpi, on miilitsatöötaja esmaseks ülesandeks alaealiste asjade komisjoni kaudu võtta tarvitusele abinõud nooruki õppima ja tööle suunamiseks.

Sõbralikus vestluses noorukiga tuleb välja selgitada, kas keegi tema sõpradest või tuttavatest ei ole toime pannud õiguserikkumisi. Eriti tuleb selgitada väära arusaamist sõprusest ja seltsimehelikkusest, huligaansuste ja varguste pidamist „romantikaks“.

Vanemate osavõtt vestlusest alaealistega oleneb konkreetsest olukorrast, kuid igal juhul peavad vanemad teadma, et nende lapsega vesteldi ja millest räägiti.

Individuaalse vestlusega kui alaealise õiguserikkuja mõjutamisega võib piirduda ainult siis, kui tegemist on väikese korrarikumisega ja kui ollakse täiesti veendunud, et nooruk sai oma eksimusest aru ning seda ei korda.

Tõsisemate õiguserikkumiste puhul, eriti aga kuritegude puhul, on individuaalne vestlus vaid alaealise mõjutamise algus, millele peab järgnema terve kompleks profülaktilisi üritusi. Sageli tuleb sellistel juhtudel rakendada ka riiklikke sunnivahendeid.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ БЕСЕДА РАБОТНИКА МИЛИЦИИ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МЕРА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОДРОСТКОВ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

А. Аниер

Резюме

Индивидуальная беседа — самая распространенная форма профилактической работы органов милиции в борьбе с детской безнадзорностью и преступностью среди несовершеннолетних.

В беседе с подростком, прежде всего, многое зависит от самого работника милиции: от умения найти контакт с подростком, от его манеры держаться во время беседы, от умения начать беседу, исходя из настроения подростка, от его интересов и условий жизни. Проведенную беседу нужно связывать с другими оперативно-профилактическими мероприятиями, которые работники милиции проводят в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

К каждой беседе надо тщательно готовиться. Поэтому до беседы работник милиции должен хорошо изучать личность подростка и обязательно установить, задерживался ли раньше подросток за правонарушения органами милиции. В подготовке к беседе надо также установить возраст подростка, где он работает или учится, успеваемость, с кем живет, с кем дружит, какие условия воспитания у подростка в семье и т. д. Чем больше работник милиции знает о подростке, тем легче найти с ним контакт.

В беседе с подростком работник милиции должен быть особенно тактичным, вежливым. Цель беседы — не пугать подростка, а влиять на его сознание так, чтобы он сам понял свои неправильные действия. С подростком надо говорить спокойно, в товарищеском тоне, без оскорбления его личности.

Форма и содержание беседы должны быть строго индивидуальны, исходя из возраста, характера и интеллектуального

развития подростков. Совершенно ясно, что с 10—12-летним мальчиком нужно говорить иначе, чем с 16—17-летним несовершеннолетним.

Важно знать основные особенности подростков переходного возраста.

Начать беседу можно с выяснения интересов подростка, потому что об этом он будет говорить охотнее, чем о своем правонарушении. Выяснение интересов важно еще и потому, что часто подростки совершают озорство, хулиганство и другие правонарушения именно потому, что подростки не всегда заняты интересными делами.

В беседе с подростком надо ему объяснить отвратимость его правонарушения и, одновременно, какие последствия могут быть.

У подростка должно создаться мнение, что все его нехорошие поступки будут раскрыты и за ними последует ответственность.

В беседе с подростком рекомендуется дать ему совет, а иногда оказать и реальную помощь. На качество индивидуальной беседы работником милиции надо в будущем больше обращать внимания, особенно при проведении беседы в комплексе с другими формами профилактической работы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ШЕФСТВА НАД ТРУДНОВОСПИТУЕМЫМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Х. Лийвамяги

Сотрудник организационно-методического отдела МВД ЭССР

Форм и методов организации проведения профилактической работы по предупреждению правонарушений несовершеннолетних и их исправлению много и они очень разнообразны. Одной из них — организации индивидуального шефства над правонарушителями, педагогически запущенными подростками и вовлечению их в общественно полезные дела — посвящается данная методическая информация.

Индивидуальное шефство — это наиболее действенная форма профилактической работы. Персональная работа с несовершеннолетним правонарушителем или трудновоспитуемым должна быть направлена, в первую очередь, на ввод его в коллектив, то есть возвращение его в учебное заведение или трудоустройство на предприятие, с тем, чтобы в процессе учебы или труда окончательно завершить его становление на честный путь уже усилиями и заботами всего коллектива или его персональных представителей — шефов.

В настоящее время по Эстонской ССР охвачены шефством около тысячи несовершеннолетних, с которыми энтузиасты этого дела терпеливо, настойчиво и каждодневно проводят кропотливую работу. Ведется она в основном в процессе труда и обучения подростков.

Великий русский педагог К. Д. Ушинский придавал огромное значение в учебно-воспитательном процессе учителю (воспитателю). Он справедливо считал, что влияние учителя составляет воспитательную силу, которую нельзя заменить никакими учебниками или моральными сентенциями.

Шефская работа может быть лишь там, где шефами подобраны люди с горячими сердцами, энтузиасты этого дела, безгранично любящие детей и желающие вести воспитательную

работу. Шефство над подростками иногда необходимо связывать шефством над их родителями.

Большое внимание призваны уделять шефы судьбе бывших правонарушителей, чтобы оказать им всемерную помощь в деле исправления и перевоспитания, в преодолении неправильных взглядов и привычек, а также оказании товарищеской поддержки и взаимопомощи по приобретению трудовых навыков, приобщению к активному участию в общественной жизни, повышению своего общеобразовательного и культурного уровня и т. п.

К числу основных методических рекомендаций по улучшению шефской работы, по нашему мнению относятся: 1) лицо, выделенное для шефской работы, должно согласиться выполнять такое поручение; 2) прежде, чем закрепить шефа, необходимо хорошо изучить личность подростка и с учетом этого подбирать шефа и вырабатывать с ним линию его взаимоотношений с подшефным; 3) подростков, за которыми закреплены шефы, необходимо держать в поле зрения работников милиции (участковых уполномоченных, инспекторов детских комнат милиции); 4) закреплять шефов моложе 22—25 лет за ребятами старше 16 лет в подавляющем большинстве случаев бесполезно и нецелесообразно; 5) шефами могут быть лица с жизненным опытом и опытом работы с людьми.

Вполне понятно, что решение проблемы высококачественного подбора шефов не под силу одним работникам милиции. В условиях города (района) эти вопросы могут быть успешно решены, если с помощью партийных органов удастся поднять роль шефства до уровня одной из главных задач партийных и комсомольских организаций предприятий и учебных заведений.

РАЗЛИЧИЯ В АДЕКВАТНОСТИ САМООЦЕНКИ УЧАЩИХСЯ ОБЫЧНЫХ ШКОЛ И ТРУДНОВОСПИТУЕМЫХ МАЛЬЧИКОВ

Л. Пясс

Кафедра педагогики и методики Тартуского гос. университета

М. Неймарк, Л. Божович, Л. Славина и другие советские ученые, исследуя причины аффективного поведения учащихся, пришли к выводу, что фактором, вызывающим аффективное поведение, может быть повышенная самооценка, неадекватная действительным возможностям учащегося в оценке окружающих. Повышенную самооценку можно считать одной из причин трудновоспитуемости.

Расхождение самооценки учащегося с оценкой окружающих может быть обусловлено неправильным представлением о себе, неумением всесторонне анализировать свои действия и поступки, правильно оценивать взаимоотношения и отношение к себе окружающих людей, иногда и односторонней или неправильной оценкой окружающих.

Мы сопоставляли самооценку учащихся обычных школ и Пуйатуской школы-интерната особого режима на основе успеваемости, рассматривали совпадение и несовпадение самооценки с оценкой класса и пытались выяснить, сохраняется ли у трудновоспитуемых выявленное в обычных школах соотношение учащихся с адекватной, пониженной и повышенной самооценкой. В связи с этим рассматривалась самооценка учащихся по классам, отдельно у девочек и мальчиков, у лучших, посредственных и плохих по успеваемости учеников. Сопоставление самооценки учащегося с оценкой окружающих производили на основе взаимных оценок одноклассников. Эксперименту были подвергнуты учащиеся пятых, sixth и седьмых классов — 158 девочек и 169 мальчиков из Пайдеской, Талаской и Тюриской средних школ и 67 мальчиков из школы-интерната особого режима в Пуйату. Испытуемые разделили учащихся своего класса на три группы — лучших, посредст-

венных и плохих, и записали на листке анкеты имена шести представителей каждой группы — в том числе и свое имя. Анкета была именной, и проведена классными руководителями.

При разработке анкетных данных учитывались только те учащиеся, которые по меньшей мере половиной всех испытуемых были отнесены или в группу лучших, или посредственных, или плохих, и которые дали самооценку. Количество учитываемых учащихся — 129, из них 77 — учащиеся обычных школ (44 девочки и 33 мальчика) и 52 — учащиеся (мальчики) Пуйатуской школы.

На основе полученных данных выяснилось следующее.

Учащихся с адекватной самооценкой во всех рассмотренных школах больше всего в шестых классах (мальчиков обычных школ — 83%, девочек — 100%, мальчиков Пуйату — 72%), меньше всего в седьмых классах (мальчиков обычных школ — 58%, девочек — 70%, мальчиков Пуйату — 50%). Учащихся как с повышенной, так и с пониженной самооценкой больше всего в седьмых классах.

Самое большое количество учащихся с адекватной самооценкой было среди посредственных, самое маленькое — среди лучших учеников обычных школ и среди плохих учеников Пуйату. Из плохих мальчиков обычных школ имели повышенную самооценку 38%, из плохих мальчиков Пуйату — 50%.

Девочек с адекватной самооценкой во всех классах больше, чем мальчиков с адекватной самооценкой. А девочек с пониженной самооценкой меньше, чем мальчиков с пониженной самооценкой.

Во всех рассмотренных обычных школах, а также в отдельности по одинаковым классам учащихся с адекватной самооценкой оказалось больше, чем в Пуйату. Но тенденция на повышенную самооценку у учащихся Пуйату особенно ясно не выявилась. Количество учащихся с повышенной и с пониженной самооценкой как в обычных школах, так и в Пуйату почти равное.

1. Учащиеся с адекватной самооценкой

	V кл.	VI кл.	VII кл.
Всего в обычных школах	83%	90%	65%
Мальчиков в обычных школах	78%	83%	58%
Мальчиков в Пуйату	61%	72%	50%

2. Учащиеся с пониженной самооценкой

	V кл.	VI кл.	VII кл.
Всего в обычных школах	4 %	5 ⁰ / ₀	16 %
Мальчиков в обычных школах	11 %	8,5 ⁰ / ₀	17 %
Мальчиков в Пуйату	25 %	7 ⁰ / ₀	20 %

3. Учащиеся с повышенной самооценкой

	V кл.	VI кл.	VII кл.
Всего в обычных школах	13 %	5 ⁰ / ₀	19 %
Мальчиков в обычных школах	11 %	8,5 %	25 ⁰ / ₀
Мальчиков в Пуйату	14 %	21 ⁰ / ₀	30 %

Возможно, что довольно большое количество учащихся с неадекватной самооценкой среди мальчиков Пуйату зависит от того, что учащиеся в основном переростки, плохо успевающие ученики. Для сопоставления мы дополнительно рассмотрели самооценку переростков (по плохой успеваемости) обычных школ. Выяснилось, что среди них учащихся с адекватной самооценкой только 43⁰/₀ — даже меньше, чем в Пуйату. По-видимому, неадекватная самооценка учащихся зависит от неуспеваемости в учебе и второгодничества, что, в свою очередь, связано с трудновоспитуемостью. Эта зависимость требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неймарк М. С. Зависимость аффективных образований от направленности личности. Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 5. Изд-во АПН РСФСР, М. 1963.

Неймарк М. С. Психологический анализ эмоциональных реакций школьников на трудности в работе. Сб. Вопросы психологии личности школьника. Изд-во АПН РСФСР, М. 1961.

2. Божович Л. И. Изучение личности и аффективной сферы ребенка. Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 5. Изд-во АПН РСФСР, М. 1963.

Божович Л. И. О некоторых проблемах и методах изучения личности школьника. Сб. Вопросы психологии личности школьника. Изд-во АПН РСФСР, М. 1961.

3. Славина Л. С. Изучение детей с аффективными формами поведения. Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 5. Изд-во АПН РСФСР, М. 1963.

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО БОРЬБЕ С ПРАВОНАРУ- ШЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЛИТОВСКОЙ ССР

В. Павилонис

Кандидат юридических наук

Научно-исследовательский институт судебной экспертизы
Литовской ССР

Искоренение правонарушений несовершеннолетних является частью общей задачи полной ликвидации преступности в нашей стране, поставленной программой КПСС.

Важное значение при разрешении этой задачи имеет координация работы государственных органов, общественных организаций и научно-исследовательских учреждений, занимающихся правонарушениями несовершеннолетних.

Государственные органы и общественные организации планировали и проводили ряд мероприятий по изучению и предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Часто все это делалось раздельно, а результаты использовались только в ведомственных целях. В научных учреждениях исследования проводились также разобщенно, хотя и координировались плановые темы.

При таких обстоятельствах координация проводимой в республике практической и научной работы в указанной области и создание соответствующего координационного центра стали крайне необходимыми.

Таким координирующим центром в Литовской ССР стала Комиссия по делам несовершеннолетних при Совете Министров Лит. ССР. Ею на 1966 год был составлен общий план мероприятий по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, проводимых прокуратурой, МООП, Верховным Судом, Министерством просвещения, ЦК ЛЛКСМ, некоторыми другими организациями и самой Комиссией по делам несовершеннолетних при СМ Лит. ССР.

Сводный план был разослан всем координируемым организациям и научным учреждениям, в том или ином аспекте изучающим проблему борьбы правонарушениями несовершеннолетних. Это создает возможность согласовывать практические мероприятия, а работникам научных учреждений не только принимать участие в них, но и совместно проводить комплексные исследования.

По нашему мнению, положение Комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров Лит. ССР как координирующего центра должно найти соответствующее правовое закрепление.

Только общими усилиями практических и научных работников при самом широком участии советской общественности можно достигнуть определенных результатов в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних.

SISUKORD

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Мельникова. Критика некоторых направлений буржуазной криминологии в изучении причин преступности несовершеннолетних	3
K. Kimmel. Alaealiste kuritegelikest grupeeringutest	19
К. Киммель. О преступных группировках несовершеннолетних. Резюме	27
J. Lott. Tartu Linna TSN TK alaealiste asjade komisjon võitluses õiguserikkumiste vastu	30
И. Лотт. Комиссия по делам несовершеннолетних ИК СДТ г. Тарту в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. Резюме	34
<u>O. Püssa.</u> Pedagoogi osavõtt alaealiste ülekuulamisest	36
<u>О. Пюсса.</u> Участие педагога в допросе несовершеннолетних. Резюме	40
E. Raal. Mõningaid alaealiste kriminaalõigusliku kaitse küsimusi	45
Э. Раал. Некоторые вопросы уголовно-правовой защиты несовершеннолетних. Резюме	53
X. Лийметс, Э. Маркварт. К проблеме стихийных группировок подростков	56
M. Блум. Некоторые вопросы досрочного освобождения несовершеннолетних правонарушителей	62
C. Граужинис. Режим в трудовых колониях для несовершеннолетних	70
И. Адоян. Некоторые вопросы, возникшие в практике Народного суда г. Тарту при рассмотрении уголовных дел несовершеннолетних	74
V. Йохансон. Роль школы, дома и общественности в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних	77
A. Лиеде. Вопросы исправления и воспитания при условном осуждении несовершеннолетних	82
A. Романов. Некоторые вопросы ответственности несовершеннолетних	88
A. Палтсер. Об освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности	97
X. Курм. Пути развития трудновоспитуемых девушек	103
E. Soodre. Seksuaalse arengu probleeme eesti noorukitel	108

Э. Соодре. Проблемы сексуального развития эстонской молодежи. <i>Резюме</i>	111
J. Napa. Töötavate noorte haridustaseme tõstmisest seoses kuritegevuse profülaktikaga	114
Я. Напа. О повышении образовательного уровня рабочей молодежи в связи с профилактикой преступности. <i>Резюме</i>	119
A. Anier. Miilitsatöötaja individuaalne vestlus alaealise õiguse-rikkujaga kui efektiivne mõjutusvahend	122
А. Аниер. Индивидуальная беседа работника милиции как эффективная мера воздействия на подростков-правонарушителей. <i>Резюме</i>	126
Х. Лийвамяги. Некоторые вопросы организации индивидуального шефства над трудновоспитуемыми несовершеннолетними	128
Л. Пясс. Различия в адекватности самооценки учащихся обычных школ и трудновоспитуемых мальчиков	130
В. Павилонис. Некоторые организационные вопросы координации научно-исследовательской и практической работы по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних в Литовской ССР	133

ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

I

На эстонском и русском языках

Тартуский государственный университет ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Vastutav toimetaja A. Paltser

Korrektorid E. Oja ja L. Aboldujeva

Ladumisele antud 13. III 1968. Trükkimisele antud 10. XII 1968. Kohila Paberi-vabriku trükipaber nr. 2, 60×90, 1/16. Trükipoognaid 8,5. Arvestuspoognaid 12,5. Trükiarv 500. Tellimise nr. 712. MB-09580.

Trükkikoja «Pärnutrükk», Pärnu, Hommiku tn. 4.

Hind 85 kop